

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*
Оренбургский институт (филиал)

Т. А. Хмелевская

**ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
СОБСТВЕННОСТИ) В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА**

Учебное пособие

Оренбург, 2026

УДК 343.3/.7(075)
ББК 67.3(2), 67.408.121
X65

Хмелевская Т. А. Имущественные преступления (преступления против собственности) в законодательстве России дореволюционного периода: учебное пособие. – Оренбург, 2026. – 168 с.

Рецензент: *д.ю.н., доцент, проф. кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина А. В. Шнитенков*

В учебном пособии прослеживается историко-юридический путь развития норм российского законодательства, устанавливающих уголовную ответственность за преступления против собственности. Автором представлена эволюция законодательных решений при конструировании составов имущественных преступлений от Русской Правды до Уголовного уложения 1903 года. В учебном пособии прослеживается преемственность норм об ответственности за имущественные преступления – от древнерусских правовых источников до Уголовного кодекса РФ.

В предмет исследования вошли труды российских ученых дореволюционного, советского и современного периодов науки уголовного права по проблемам правовой природы и квалификации преступлений против собственности.

Материал учебного пособия должен помочь обучающимся уяснить смысл и значение перемен в законодательстве об уголовной ответственности за преступления исследуемой группы, сформировать у них понимание того, по каким направлениям и в каком формате оно может меняться в будущем.

Учебное пособие адресовано студентам, изучающим уголовное право по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры по направлению «Магистр уголовного права и уголовного судопроизводства».

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

УДК 343.3/.7(075)
ББК67.3(2), 67.408.121
X65

© Т. А. Хмелевская, 2026

Оглавление

Введение.....	4
1.Становление правовых основ уголовно-правовой защиты имущества в Русской Правде.....	5
2.Дифференциация оснований уголовной ответственности за преступления против собственности в Псковской Судной Грамоте.....	15
3.Составы имущественных преступлений в Судебнике 1497 года.....	26
4.Значение Судебника 1550 года в сфере уголовно-правовой охраны чужой собственности.....	33
5.Систематизация имущественных преступлений в нормах Соборного уложения 1649 года	41
6.Краткий анализ военно-уголовно законодательства Петра I по охране государственной и частной собственности.....	53
7.Место преступлений против собственности в Проекте Уголовного Уложения Российской империи 1813 года	68
8.Преступления против прав на имущество в Своде законов Российской Империи 1832 года	76
9.Простые и квалифицированные составы преступлений против собственности в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года	92
10.Значение Уголовного уложения 1903 года как этапа развития российского уголовного законодательства.....	148
Список источников и литературы.....	160

Введение

Сфера формирования, развития и существования имущественных интересов включает в себя потребности индивида, отдельной группы лиц и государства. Они не выступают константой в процессе исторического развития общества в силу меняющихся объективных условий становления государственности и развития экономических отношений.

Эволюционные изменения в любой сфере природной, антропогенной, правовой начинаются с появления примитивных форм, трансформируясь в сложные биологические, социальные организмы, развернутую законодательную систему.

В своём зарождении общественные отношения между субъектами по поводу имущества на начальном этапе становления древнерусского государства возникали в отношении предметов повседневного обихода, скотины, лошадей, зерна, оружия, что находилось в фактическом обладании свободного населения. С развитием государственности, становлением экономики возникает необходимость укрепления института собственности, его правовой регламентации, что неразрывно связано с необходимостью его охраны и защиты.

Преступления против собственности известны нашему законодательству начиная с ранних памятников права до его современных источников. Путь долгий и сложный. Многие подходы уголовно-правовой охраны имущественных прав в действующем уголовном законе сформировались в законодательстве России до 1917 года. Поэтому важно понять закономерность его развития в этом направлении, учесть положительный опыт и исключать допущенные в нем ошибки и пробелы на пути дальнейшего совершенствования положений Уголовного кодекса Российской Федерации.

Изучение истории развития уголовного законодательства поможет обучающимся эффективнее освоить и уяснить смысл положений главы 21 УК РФ.

1. Становление правовых основ уголовно-правовой защиты имущества в Русской Правде

А. Станиславский признавал неоспоримость того, что законоведение, исходною точкой которого была история, будет всегда иметь за собой одно важное преимущество – основательность. Начало правового «ограждения имущественных отношений» ученый определял договорами Олега (912) и Игоря (945) с греками и Русской Правде¹.

Русская Правда, как источник древнерусского права, представляет собой унифицированный кодифицированный акт. Его содержание составляют юридические нормы, которые условно, без выделения отдельных структурных элементов в документе, можно отнести к гражданскому праву (по поводу имущества, обязательств и некоторых семейных отношений), уголовному праву (нормы о преступлениях и наказаниях); процессуальному праву (нормы о судоустройстве и судопроизводстве)².

Значительный объем положений Русской Правды посвящен регламентации и восстановлению имущественных прав, претерпевших ущерб от проступков других лиц. Унифицированный характер документа определялся его действием в пространстве – на всей территории всех княжеств Киевской Руси. Процесс унификация включал в себя несколько этапов, в рамках которых редакция документа изменялась и дополнялась. Окончательный текст нашел свое закрепление в Пространной редакции Русской Правды, датируемой периодом 1120–1130-е гг.³.

Исследуемый памятник русского права заложил терминологический подход к определению наименования преступления как обиды, признаков составов, которые в настоящее время не утратили своей актуальности в уголовно-

¹ Станиславский А. Исследование начала ограждения имущественных отношений в древних памятниках русского законодательства / Юридический сборник, изданный Дмитрием Мейером, ординарным профессором Казанского университета, доктором юридических наук. Казань, 1855. С. 153, 155.

² Иншакова А. О. Русская Правда как первоисточник унифицированного гражданско-правового развития русского государства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. 2015. № 4 (29). С. 14.

³ Русская правда (пространная редакция). Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век / под. ред. Д. С. Лихачева и др. СПб., 1997.

правовых нормах, предусматривающих ответственность за имущественные преступления.

Правовые нормы исследуемого документа брали под охрану имущественные отношения, возникающие относительно предметов, как находящихся во владении лица, так и в его личной собственности. Например, в ст. 59 прописано: «Если господин нанесет ущерб закупу, причинит вред его купе или личной собственности, то это все ему возместить, а за ущерб ему платить 60 кун». Закуп в переводе со старославянского означает заемщик. Он получает купу (заём) у господина. Взамен полученный долг закуп обязуется отработать на полях кредитора. Установление защиты имущества, переданного во владение другого лица, от действий собственника изначально было новеллой древнерусского права, а затем с течением времени нашло свое подтверждение и в нормах современного гражданского права. В рамках предмета нашего исследования мы видим в этой части правового акта зарождение концепции объекта имущественных преступлений, который не ограничивается только правом собственности, но и включает в своё содержание иные вещные права.

В Русской правде впервые были обозначены отдельные виды посягательств имущественного характера: убийство, сопряженное с разбоем (ст. 3); татьба (22, 35, 37). «Татьба» употреблена в документе в значение, характеризующем любую форму воровства. «Татьба, кража, похищенье; татьба обманом, воровство; татьба насилием, грабеж, разбой; татьба простая, тайный унос вещи»⁴. Со временем татьба утратила свое легальное обозначение корыстного имущественного преступления в российском уголовном законодательстве, но заложила основы для введения родового понятия хищения чужого имущества, в которое вошли присущие всем формам хищения признаки деяния, вне зависимости от способа его совершения.

Объяснение тому, почему в исследуемом документе не проводилось разграничение ответственности за корыстные преступления против собственности, можно найти в ст. 40, устанавливающей право «убить как собаку» лицо, пой-

⁴ Толковый словарь Даля. URL: <https://gufu.me/dict/dal/тать> (дата обращения: 3.03.2025)

манное во время ночного воровства. Следовательно, признавалось соразмерным лишение жизни виновного в татьбе лица в ответ на его попытку посягательства на собственность. В связи с чем, не имело смысла выделять в отдельные статьи ответственность в зависимости от способа татьбы, так как в это период составители Русской Правды оценивали общественную опасность содеянного по действию и последствию, не беря во внимание приемы и методы его исполнения.

Сама строгость ответственности за воровство на уровне узаконенного самосуда, по мнению В. Г. Беспалько, является следствием заимствования из религиозных текстов, библеизма в Русской Правде. Автор видит источник положения статьи 40 в тексте Ветхого Завета: «Если кто застанет вора подкапывающего и ударит его, так что он умрет, то кровь не вменится ему; но если вошло над ним солнце, то вменится ему кровь»⁵.

Историк В. О. Ключевский отмечал, что «Русская Правда жила и действовала в церковно-юридическом обществе: ее встречаем среди памятников церковного или византийского происхождения, принесенных на Русь духовенством и имевших практическое значение в церковных судах»⁶. Это не удивительно, поскольку в церковных судах рассматривали широкий круг дел в отношении церковнослужителей и живущих на попечении церкви людей, и церковный суд осуществлялся как на основе церковного, так и светского права – Русской Правды.

В период действия Русской Правды население древнерусского государства не было однородным по своему социальному положению. Княжий муж, купец, рядович, ремесленник, смерд, холоп и другие представители высших и низших социальных слоев находили свое закрепление в правовых нормах памятника права.

Князь в социальной иерархии занимал особое положение. Он являлся высшим лицом в государстве, осуществлявшим публичную власть, на основе

⁵ Беспалько В. Г. Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея. М., 2015. С. 478.

⁶ Ключевский В. О. Русская история. Кн. 1. М., 1902. С. 182.

принятых им законов от его имени вершился суд, а штрафы были неплохим источником пополнения княжеской казны. Поэтому уплата штрафа, в том числе за воровство, была предусмотрена в пользу князя.

Господину по отношению к лицу, находящемуся в зависимом от него положении, например, закупу, совершившему воровство, Русская Правда предоставляла право действовать по своему усмотрению – «господин волен в нём»:

1. Возместить ущерб пострадавшему от кражи и сохранить закупа в качестве работника. В этом случае господин брал на себя ответственность за действия закупа и выплачивал требуемую компенсацию.
2. Отказать в выплате и объявить закупа и его семью холопами. Это означало, что закуп вместе с семьёй переходил в полную зависимость от господина.
3. Самостоятельное решение о наказании закупа, не затрагивающее его статус. Господин мог применить к закупу телесные наказания или иные меры воздействия в рамках тогдашнего законодательства.

Такой подход отражал принцип частноправовых отношений, где господин выступал как представитель закупа перед другими членами общества и нес ответственность за его действия. Это также демонстрировало стремление законодательства того времени найти баланс между защитой интересов потерпевшего и сохранением рабочей силы для господина.

Одновременно на него возлагалась обязанность заплатить потерпевшему за похищенное закупом имущество; даже, если господин продаст закупа, то он это должен сделать из вырученных денег в размере причиненного ущерба, а оставшуюся сумму взять себе.

В самом документе меры ответственности к закупу за воровство не определены. Между тем, в статье 62 было установлено, что «если господин бьет закупа за дело, то он не виновен». Следовательно, физическое наказание закупу от господина могло стать мерой ответственности за татьбу.

Положения рассматриваемой статьи иллюстрируют ситуацию, при которой возложение материальной ответственности не привязано к поведению лица,

наличию признака вины, а выступает следствием отсутствия у закупа материальной возможности восстановления нарушенных прав потерпевшего от его действий и наличием долговых обязательств перед господином.

Закуп не деликтоспособен вследствие материальной зависимости от господина. В современном уголовном праве материальное состояние лица не признается признаком субъекта преступления, поэтому неправомерное завладение чужим имуществом в силу тяжелого имущественного положения не устраняет преступность деяния, а может быть признано судом смягчающим обстоятельством при назначении наказания.

В ст. 64 Русской Правды государство проявило заботу о потерпевшем, возложив обязанность возместить ущерб на невиновное лицо, компенсировав его затраты правом на продажу закупа или тем, что он «закупа делает полным холопом».

Вопрос о возмещении ущерба лицу, пострадавшему от преступления, в ситуациях, когда преступник не установлен, в настоящее время активно обсуждается в научных кругах и общественностью. В соответствии с ч. 3 ст. 42 УПК РФ потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением.

Вред, причиненный преступлением, подлежит возмещению за счет лица, виновного в этом, через гражданский иск. Такие отношения выстраиваются на частноправовых началах с использованием диспозитивного метода регулирования⁷. Но правового регулирования возмещения ущерба по нераскрытым преступлениям в уголовно-процессуальном законодательстве не предусмотрено.

Обращаем внимание тот факт, что еще в период становления древнерусского государства альтернатива возмещения ущерба потерпевшему не только виновным лицом уже была закреплена в первом значимом источнике права.

Реституция во многих случаях не гарантирует удовлетворение интересов потерпевшего и достижения идеалов социальной справедливости, в том числе,

⁷ Раменская В. С., Никитина Е. В. Проблемы взаимодействия частного и публичного права на примере возмещения вреда в рамках уголовного процесса // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. С. 76.

и по причине отсутствия у большинства лиц, признанных виновными в совершении преступления имущества или доходов, позволяющих возместить причиненный преступлением ущерб⁸.

По мнению Уполномоченного по правам человека в РФ Т. Москальковой, такая правовая ситуация нарушает имущественные права потерпевшего не только из-за действий преступника, но и вследствие бездействия государства. Омбудсмен признала необходимость правового регулирования возложения на государство обязанности возместить ущерб потерпевшим по уголовному делу в том случае, если преступника найти не удалось. «Каждый налогоплательщик платит в бюджет деньги для того, чтобы он был защищен от преступления, а если в отношении него преступление совершено, то государство за эти деньги должно обеспечить поиск виновного и возмещение вреда. Однако не всегда удается найти виновного, и потерпевший не получает возмещение вреда»⁹.

Так как положения исследуемой статьи памятника права не нашли своего развития в современном законодательстве, то учеными предлагается изучить и апробировать опыт зарубежных стран в этом вопросе. Введение института компенсаций жертвам преступлений за счет государства имеет своими целями: 1) восстановление социальной справедливости; 2) доступность и справедливость компенсации потерпевшему, в том числе в случаях, когда виновное в совершении преступления лицо не установлено, скрылось, не может быть подвергнуто судебному преследованию или наказанию; 3) оперативность в решении вопроса потерпевшему¹⁰.

Согласимся с мнением учёных, что в Русской Правде не проводилось четкого разграничения между преступлениями (в первую очередь имущественными) и гражданскими правонарушениями¹¹.

⁸ Юношев С. В. Государственные компенсации жертвам преступлений: зарубежный опыт и российские перспективы // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2. С. 212.

⁹ Москалькова: нужно возмещать ущерб потерпевшим, даже если преступник не найден // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4426649> (дата обращения: 4.03.2025)

¹⁰ Юношев С. В. Государственные компенсации жертвам преступлений: зарубежный опыт и российские перспективы // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2. С. 216.

¹¹ Пирогов П. П. Основные этапы закрепления ответственности за преступления против собственности по уголовному законодательству дореволюционной России // Вестник Международного института экономики и права. 2015. № 3 (20). С. 119.

Объяснение такой юридической техники закрепления в составе одной статьи проступка и преступления нам видится в том, что сам правовой акт носит универсальный характер, объединяя в себе нормы, условно относящиеся к различным отраслям права. Общность проступка и преступления определяется их смежностью, состоящей в том, что их совершение ведет к утрате владельцем своего имущества. Например, в ст. 35 Русской Правды установлены правовые последствия относительно обнаружения коня, одежды или скотины, которые пропали или были украдены у владельца. Ответственность возлагается на виновного: «кто виноват, на того и падет обвинение в краже; тогда истец возьмет свое, а что пропало вместе с этим, то ему виновный выплатит; если будет конокрад, то выдать его князю на изгнание; если вор, обокравший клеть, то ему платить 3 гривны». Неправомерное завладение потерянной одеждой или сбежавшей скотины кражу и конокрадство не образуют. Истцу ранее утраченное и обнаруженное имущество будет возвращено. Таким образом, восстанавливается статус-кво. Виновный отдаёт владельцу то, что ему не принадлежало. Это правовое последствие нельзя отнести к наказанию, как мере репрессивного воздействия.

Совершение конокрадства предусматривало за собой выдачу виновного князю на изгнание, что означало передачу преступника с имуществом в распоряжение князя изгнание вместе с семьей из общины и распределение имущества между членами общины, или превращение в холопа с конфискацией имущества в пользу князя. Кража из клетки налагала на виновного компенсационную выплату и штраф в размере, установленном в законе, то есть вело к ограничению его имущественных прав.

Следовательно, уяснение признаков гражданского проступка и преступления в пределах одной статьи можно провести по строгости правовых последствий предусмотренных за их совершение.

В отдельных нормах ответственность устанавливалась исключительно за преступление, например, в ст. 42 Русской Правды: «Если крадет скот в поле, или овец, или коз, или свиней, то 60 кун; если воров будет много, то всем по 60

кун». В диспозиции определен запрет на кражу скота в поле, а в санкции – денежное взыскание за нарушение запрета.

В чем отличие ситуаций утраты имущества, позволяющее в одних случаях оценивать их и как проступок и как преступление – «пропало или было украдено», а в других – только преступление – «если кто крадет...»?

По нашему мнению, отсутствие доказательств того, что предметы были утрачены в результате преступных действий, допускает дуалистическую правовую оценку последствий для лица, у которого это имущество было обнаружено. Именно к таким ситуациям применимо положение ст. 35 памятника права.

Формулировка «крадет скот в поле, или овец, или коз, или свиней» (ст. 42) свидетельствует об открытости действий по незаконному завладению, что делает преступление очевидной причиной утраты имущества.

В отдельных нормах конкретизировалось место совершения воровства: хлев (ст. 41), клеть (кладовка, хранилище – ст.41), гумно (ст. 43). Именно оно свидетельствовало, что имущество было утрачено владельцем в результате преступления. Выстраивая параллели с современным уголовным законодательством, можно провести сопоставление архаизмов с помещением или хранилищем, незаконное проникновение в которые при хищении чужого имущества признается отягчающим обстоятельством.

Глубинный подход в вопросах ответственности за нарушение прав владения в исследуемом правовом акте нами состоит в том, что создатели документа разграничили ответственность за временное неправомерное владение (пользование) имуществом и полную его утрату владельцем от действий виновного лица. Так, в ст. 33 нарушителем признается тот, кто сядет на чужого коня без спросу, а в ст. 35 ответственность установлена за его кражу. Конь как средство передвижения для людей в эпоху действия Русской Правды можно соотнести с транспортным средством в современном мире, неправомерное завладение которым также признается преступлением.

В Русской Правде установлена ответственность не только за татьбу, но и за уничтожение, повреждение чужого имущества. Виновными признавались те: «кто подождет гумно, двор» (ст. 83); «зарезет коня или скотину» (ст.84).

Различие в предмете уничтожения повлияло на оценку общественной опасности указанных действий, отражение которой мы можем увидеть в установленных мерах ответственности. Поджег гумна и двора возлагал на виновного: 1) выплату за погубленное; 2) изгнание и разграбление всего его дома; 3) конфискация оставшегося после выплат и разграбления хозяйства. Такая строгость закона определялась повышенной степенью общественной опасности преступления, ведь в результате таких действий не только конкретный собственник чаще всего полностью лишался своего имущества, но это угрожало жилищу и имуществу целого селения, а иногда и жизни многих людей.

Умышленное уничтожение коня или скотины возлагало на виновного уплату «князю штрафа 12 гривен, а за ущерб господину платить назначенное возмещение».

Аналогичные действия могли признаваться гражданско-правовым проступком, если имущество господина было истреблено в результате ненадлежащих действий закупа, который «погубит <скот> на поле, не загонит <его> во двор или не затворит, где ему велит господин, или во время работы на себя, и погубит его» (ст. 58). На закупа возлагалась обязанность за это господину заплатить.

Уничтожение или повреждение предметов чужого имущества, при котором между виновным и потерпевшим отсутствовали гражданско-правовые отношения по поводу его использования, признавалось преступлением. Причинение ущерба имуществу, переданному виновному для осуществления деятельности в интересах собственника, влекло за собой только материальную гражданско-правовую ответственность.

Время создания Краткой и Пространной редакций Русской Правды для древнерусского государства было беспокойным временем смены князей, подавление восстаний, войны за великое княжение. Но, несмотря на эти события,

создание писаного кодифицированного источника права позволило упорядочить отношения в различных сферах. Анализ документа свидетельствует о начале уголовно-правовой охраны имущественных интересов, её отграничении от гражданско-правовых споров. Русская Правда основной формой ответственности за причинение имущественного вреда, наряду с возложением обязанности на виновного по его заглаживанию, предусматривала «продажу» – штраф в пользу князя, разграбление – конфискацию имущества виновного и его семьи. Такие санкции, обеспечивали восстановление имущественных прав потерпевших, исправительное воздействие, пополнение княжеской казны.

Дополнительный материал: Нормы уголовного права в Русской Правде.

2. Дифференциация оснований уголовной ответственности за преступления против собственности в Псковской и Новгородской судных грамотах

Следующим шагом в правовом развитии российского государства стало формирование к 1467 году окончательной редакции Псковской судной грамоты¹². Исследователями истории государства и права была дана высокая оценка этому памятнику. Документ представлял собой «лишенный логических противоречий цельный свод средневекового русского феодального права, свидетельствующий о внимательной и квалифицированной редакторской работе и о достаточно высоком уровне юридического мышления её составителей»¹³.

Развитие юридической мысли в направлении ответственности за имущественные преступления нашло свое закрепление в дифференциации общественной опасности, как самого деяния, так и социальной опасности лица его совершившего.

Метод преемственности при построении норм об имущественных преступлениях в Псковской судной грамоте определял поступательное развитие уголовного законодательства с учётом изменяющейся геополитической обстановки древнерусского государства. Судная грамота выражала в более развитом виде то русское феодальное право, которое первоначально было зафиксировано в Русской Правде эпохи Киевской Руси¹⁴.

С 1348 года Псков стал независимым от Новгорода княжеством – Псковской республикой.

Развитие феодальных отношений на богатой псковской земле, рост классовых противоречий и необходимость усиления охраны собственности феода-

¹² Псковская Судная Грамота. Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти томах / под общ. ред. д.ю.н., проф. О. И. Чистякова Законодательство Древней Руси Т. 1. М., 1984. С. 321-387.

¹³ Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти томах / под общ. ред. д.ю.н., проф. О. И. Чистякова Законодательство Древней Руси Т. 1. М., 1984. С. 323.

¹⁴ Мартысевич И. Г. Псковская судная грамота. М., 1951. С. 37.

лов и купцов обусловили усиление уголовной репрессии за имущественные преступления¹⁵.

Признание важности противодействия преступлениям против собственности в этот период развития древнерусского государства отражено в том, что ответственность за них устанавливалась в первой статье Псковской судной грамоты: «Ож клеть покрадут за зомком, или сани под полостью, или воз под титягою, или лодью под полубы, или в яме, или скота оукрадают, или сено сверху стога, имать, то все суд княжой, а продажи 9 денег. А разбой, наход, грабеж 9 гривен, а княжая продажа 19 денег, да 4 деньги князю и посаднику».

Согласно данному законодательному подходу хищение делилось на простое – «кражу» и квалифицированное: «разбой», «наход», «грабеж». Их разграничение имело практическое значение, так как отражало в мерах ответственности разницу общественной опасности посягательств простого и квалифицированного вида. Санкция во второй норме рассматриваемой статьи фиксировала повышенную сумму штрафа, возлагаемого на виновное лицо.

В теории уголовного права, начиная с исследований дореволюционного периода», получили неоднозначное толкование используемые в норме термины: «разбой», «наход», «грабеж».

Обобщение сформулированных позиций позволило выделить несколько подходов:

1) И. Г. Мартысевич в своем исследовании Псковской судной грамоты приходит к выводу, что в ней не установлено различие между грабежом и разбоем¹⁶. По нашему мнению, буквальное толкование нормы в статье первой указанного памятника права отражает правильность представленной авторской позиции только в части. Установление равной ответственности за грабеж и разбой свидетельствует о признании законодателем тождественности общественной опасности в данных преступлениях. Однако их перечисление указывает на самостоятельный характер каждого из деяний. Простая, не описательная диспо-

¹⁵ Лоба В. Е. Имущественные преступления в Псковской судной грамоте // Право и образование. 2012. № 8. С. 160.

¹⁶ Мартысевич И. Г. Псковская судная грамота. М., 1951. С. 66.

зация нормы не конкретизирует содержание грабежа и разбоя, затрудняя уяснение их содержания.

Выстраивая позиции по разграничению разбоя и грабежа, ученые обращались к Русской Правде. Н. Л. Дювернуа считал, что Грамота является прямым продолжением Русской Правды¹⁷. Развитие законодательства, которое прослеживается в данных источниках, коснулось и преступлений против собственности. Если в Русской Правде разбой не имел самостоятельного юридического значения, являясь только сопряженным убийству преступлением, что позволяло исследователям относить его к преступлениям против личности. В Псковской грамоте разбой был перенесен к деяниям, связанным исключительно с незаконным завладением чужим имуществом. Но заложенное в предшествующем памятнике понимание разбоя через насилие опасное для жизни, приводящее к причинению смерти, по нашему мнению, как характеристика этого преступления осталась.

Основываясь на представленных выше рассуждениях, мы усматриваем в положениях исследуемого документа разграничение кражи, грабежа и разбоя по способу завладения имуществом.

2) Грабеж нельзя признать хищением, он представляет собой разновидность самоуправства или временное заимствование¹⁸. В. Е. Лоба свою позицию выстраивает, опираясь на положения ст. 67: «А истец приехав с приставом а возьмет что за свои долг силою, не утяжет своего исца, ино бытии ему у грабежу, а грабеж судить рублем, и приставное платит виноватому». Автор усматривает в описанной в законе ситуации реализацию права незаконным способом, что в современном уголовном законодательстве отнесено к самоуправству. Употребление в тексте статьи термина «грабеж» обосновывает возможность его отождествления с самоуправством. Наше уяснение смысла описанных действий иной. В контексте рассматриваемой статьи самовольное с применением

¹⁷ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в древней России: Опыт по истории русского гражданского права. М., 1869.

¹⁸ Лоба В. Е. Имущественные преступления в Псковской судной грамоте // Право и образование. 2012. № 8. С. 163.

насилие действие истца по изъятию у ответчика спорного имущества законодатель, по нашему мнению, относит к разновидности грабежа, как преступления против собственности. Выражение «за свой долг силою, не утяжет своего исца, ино бытии ему у грабежу» следует толковать как «взявший от ответчика что-либо за свой долг самоуправно, насильно, тогда как при разбирательстве на суде ответчик будет оправдан, отвечает как за грабеж». Действие виновным совершено после судебного отказа истцу в удовлетворении его требования о признании долга и его взыскании с ответчика, что определяет незаконность его поведения, а направленность на захват чужого имущества с применением насилия, что законодательно признается разновидностью грабежа.

Д. Тальберг писал: «Во всяком случае, под грабежом нельзя понимать преступное действие с той же целью, как и в воровстве, т. е. *lucri faciendi causa*; в этом убеждает нас, кроме отсутствия всяких указаний противного в источниках древнего права, также история законодательства других народов»¹⁹. Изложенное толкование правовой природы грабежа основано на отсутствие в Псковской судной грамоте прямого указания, что грабеж совершается с целью хищения чужого имущества. Автор выводит грабеж из воровства, не усматривая в нем субъективного признака этого вида преступления. Свое возражение данной точки зрения, мы подкрепляем следующими доводами: 1) ответственность за грабеж в ст. 1 документа установлена наряду с кражей, разбоем, что позволяет рассматривать их в качестве разновидностей преступления одного вида – хищения; 2) в ст. 20 Псковской судной грамоты закреплено: «кто вызовет кого к суду («по позовничи») по обвинению в нанесении ему побоев или ограблении... должно опросить и потерпевшего: где били, или грабили его; кому он объявлял о побоях или грабеже». Терминология «по обвинению» свидетельствует, что рассмотрение дела о грабеже проходит в рамках уголовного процесса. В основе гражданского процесса положено разрешение иска, поэтому он характеризуется такими действиями, как «право разрешить иск (ст. 18), кто начнет иск (ст.19). Другим процессуальным отличием уголовного судопро-

¹⁹ Тальберг Д. Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабеж). СПб., 1880. С. 50.

изводства является то, что обвинение в преступлении должно доказываться показаниями свидетелей, например, «битый начнет обвинять обидчика еще и в грабеже, то обвинение свое он должен доказать показанием послуха...» (ст. 27). В гражданском процессе в качестве доказательств предусматривается «присяга» истца и ответчика (ст. 28). «Обида» в толковании положений источников древнерусского права понимается как преступление, поэтому «обвинять обидчика в грабеже» должно соответствовать «обвинять преступника в грабеже (преступлении)». В статьях документа, в которых употреблены термины «грабеж», «ограбление», действия виновных направлены на открытое завладение чужим имуществом, так как совершены в процессе нанесения потерпевшему побоев (ст. 20) или во время драки с потерпевшим (ст. 27).

3) По мнению, С. В. Юшкова, «наход» – это разбой, произведенный шайкой²⁰. Шайка предполагает участие в посягательстве нескольких лиц. Представляется, что такое уяснение смысла этого преступления не соответствует юридической конструкции статьи первой Псковской судной грамоты, в которой этот термин закреплен. В самой диспозиции нормы нет признака, который бы указывал на участие в преступлении нескольких лиц. В санкции установлено «взыскание в 9 гривен, в пользу же князя (княжа продажа) 19 денег и сверх того 4 деньги в пользу князя и посадника» без указания, что этот штраф должен быть выплачен каждым из виновных. Такой подход к юридической конструкции санкций при установлении ответственности за участие в преступлении нескольких лиц мы можем найти в Русской Правде. Например, в ней устанавливалась ответственность за преступление, совершенное множеством субъектов. В документе в диспозиции статей использовались следующие формулировки: «10 воров, то хотя бы они одну овцу украли» (ст. 40- краткая редакция), «крало вместе несколько воров» (ст. 41-просторная редакция). Санкции статей, при таком способе совершения преступлений, отличались от формулировки этого элемента нормы для преступлений одиночного субъекта, так как указывали на то, что каждый из участников воровства уплатит штраф.

²⁰ Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1947. С. 162.

В отличие от положений Русской Правды в Псковской судной грамоте в конструкциях имущественных преступлений не предусмотрено множественность субъектов их исполнения. По нашему мнению, законодатель не выделил ни одного состава, отличительным признаком которого бы выступала преступная группа. Поэтому формальный подход не позволяет толковать «наход», как хищение совершенное шайкой.

Термин «наход» – это архаизм для современного права. В большинстве словарей его перевод со старорусского определяет как «нападение». Но достоверность этого перевода в приложении к юридической терминологии условна. Н. Н. Мурзакевич в своем предисловии к публикации Псковской ссудной грамоте написал: «Хотел к тексту приложить и перевод; но затруднившись темнотою некоторых слов и целых выражений, оставил без продолжения в более чем половину сделанный труд»²¹. Без пояснений остался и термин «наход».

4) Советский ученый криминалист М. М. Исаев, проводя исследования текста Псковской судной грамоты, писал: «Под находом или наездам понималось самоуправное нападение на недвижимую собственность или владение другого из-за поземельных или каких-либо личных счетов, сопровождавшееся обычно боем и грабежом, но бой и грабеж не были целью находом или наезда»²².

И. Г. Мартысевич опровергал представленное авторское толкование на том основании, что «с точкой зрения проф. Исаева согласиться нельзя, ибо в понятия находом и наезда нельзя вкладывать одно и то же содержание. Если Новгородская Судная Грамота пользуется термином «наезд», то это совсем не означает, что этот термин аналогичен термину «находом»»²³. Признаем справедливость этой позиции, так как в Псковской судной грамоте ответственность за «наход» относительно недвижимости не устанавливалась. В ст.ст. 10-13 документа земля выступает предметом гражданских споров между «тяжущимися

²¹ Мурзакевич Н. А. Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 г. [Электронный ресурс]: издана по списку, хранящемуся в библиотеке князя Михаила Семеновича Воронцова. Одесса, 1847.

²² Исаев М. М. Уголовное право Новгорода и Пскова XIII—XV вв. // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук. М., 1948. С. 137.

²³ Мартысевич И. Г. Псковская судная грамота. М., 1951. С. 67.

сторонами», требования которых на землю подтверждены выкупными записями и старыми грамотами.

б) В. О. Ключевский в своих сочинениях определяет «наход», как нападение с целью грабежа²⁴.

Проанализировав предлагаемые учеными переводы и толкования термина «наход», мы приходим к заключению, что нападение в уголовно-правовом значении наиболее точно отражает суть закрепленного в ст. 1 преступления. Его отличие от грабежа и разбоя состоит, по нашему мнению, во внезапности агрессивных действиях, направленных на неправомерное завладение чужим имуществом. В идеографическом словаре русского языка «наход» и «наскок» определены как синонимы²⁵, что позволяет толковать данные понятия как внезапное агрессивное нападение.

Сложности в переводе с древнерусского, усложняющие понимание изложенного материала, возникают у теоретиков при прочтении положений статьи 7 Псковской судной грамоты: «А кримскому татю и коневому, и переветнику, и зажигальнику, тем живота не дати». Перечисленные деяния влекли за собой смертную казнь, что отражает их повышенную общественную опасность. Исследователь документа единодушен в толковании: «переветник» – государственный изменник, «коневоу тать» – конокрад, «зажигальник» – поджигатель, однако, относительно «кримской тати» единство мнений отсутствует.

По мнению В. О. Ключевского, в тексте документа при написании «кримскому татю» была допущена ошибка переписчика, уже не понимавшего древней топографии Пскова. Надо читать не кримскому, а кромскому. Кром обнимал собою самую внутреннюю часть Пскова — детинец и был по преимуществу торговым местом. В крому помещались лавки, там находился торг, соответствовавший московскому гостиному двору; вот почему кража в крому, где

²⁴ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение). М., 1989. С. 104.

²⁵ Идеографический словарь русского языка / сост. О. С. Баранов. М., 2007. С. 67.

было много лавок и мало жилых зданий, наказывалась строже, чем кража на посаде²⁶.

Иное понимание «крема» изложено И. Г. Мартысевичем: «В Псковском Кремле хранились запасы и государственная казна. В Кремле происходили вечерние собрания, находился княжий двор и торг. Естественно, что кража из Псковского Кремля считалась квалифицированной кражей со всеми вытекающими отсюда последствиями. Нам кажется, что указанная точка зрения является более убедительной»²⁷.

Кром – древнерусский термин, означавший наружную оборонительную ограду укрепленных городов²⁸.

В. И. Даль толковал «кром» в старинном значении как кремль. Отдельно им было дано пояснение, что «в Пскове был и кром, а внутри его кремль, за кромом же было застенье, слобода; внешнее городовое укрепление, в противоположность детинцу или кремлю»²⁹.

Проводя соотношения лексического, правового и военно-архитектурного трактования термина «кром», принимая во внимание строгость наказания за «кромскую тать» наравне с ответственностью «переветника», мы соглашаемся с обоснованностью позиции И. Г. Мартысевича.

В статье 8 Псковской судной грамоты предусматривалась ответственность за кражу, совершенную «на посаде (в городе)» вором дважды или трижды. Простой рецидив не предусматривал лишения жизни виновного лица. Многократный рецидив, образуемый третьим преступным эпизодом, предусматривал применение к преступнику смертной казни наравне с ответственностью кремлевского (храмового) вора.

Результатом развития законодательства в сфере уголовного права следует признать разграничение способов хищения чужого имущества, усиление уголовной ответственности за имущественные преступления при наличии много-

²⁶ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение). М., 1989. С. 106.

²⁷ Мартысевич И. Г. Псковская судная грамота. М., 1951. С. 63.

²⁸ Шперк В. Ф. Фортификационный словарь. М., 1946. С. 18.

²⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В двенадцати томах. Том 5. Кач-Мал. М., 2004. С. 188.

кратного рецидива. Отдельное внимание вызывает дифференциация ответственности по видам хищения, в основе которой находился предмет преступления – конь или место совершения преступления «посад», «кром».

Новгородская судная грамота – составлена в 1440 г. и дополнена в 1471 г.³⁰.

Происходящие в этот исторический период процессы социального расслоения населения по имущественному признаку, привели к тому, что вся власть в древнем Новгороде сосредоточилась в руках бояр и богатых купцов. Богатства распределялись с крайней неравномерностью, которая, закрепившись политическим неравенством, разбила общество на дробные части и создала социальную рознь, глубокий антагонизм между имущими и неимущими, между правящими и работающими классами. Во главе новгородского общества стояло боярство. Второй класс по месту на социальной лестнице Новгорода – «житьи (житые) люди». Можно заметить, что в управлении этот класс стоял ближе к местному боярству, чем к низшим слоям населения. Купцы стояли ближе к городскому простонародью, слабо отделялись от массы городских черных людей. Черные люди были мелкие ремесленники и рабочие, которые брали работу или деньги для работы у высших классов – бояр и «житых людей».³¹

В отличие от Псковской судной грамоты принадлежность к городскому сословию в статьях Новгородской грамоты учитывалась при определении денежных штрафов. Так, согласно статье 10 того, «кого утяжут в наезде и в грабежи» следует «взыскать с осужденного 50 рублей, если он будет боярин, 20 рублей, если он будет житий (человек), и 10 рублей, если он будет бедняк».

Ранее, при анализе «находа» как имущественного преступления, мы проанализировали позицию профессора М. М. Исаева, согласно которой, «наход» или «наезд» понимались как тождественные действия, состоящие в самоуправном нападении на недвижимую собственность. Термин «наезд» впервые был введен в законодательный понятийный аппарат в Новгородской судной грамо-

³⁰ Новгородская Судная грамота. Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти томах. Законодательство Древней Руси Т. 1 / под общ. ред. д.ю.н., проф. О. И. Чистякова. М., 1984. С. 304-320.

³¹ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение). М., 1989. С. 106.

те. Адаптированный перевод статьи 10 этого документа определяет «наезд» как нападение. В отличие от «находа», который также многими исследователями толкуется как нападение, «наезд», как и грабеж, согласно положению памятника права, должен быть связан с процессом рассмотрения земельных споров, на это прямо указано в самой норме «А кто на ком поищет наезда, или грабежа в земном деле, ...».

Данная формулировка, по мнению исследователей, устанавливает порядок рассмотрения земельных споров, в которых одна из сторон прибегла к самоуправству («наезду и грабежу») ³².

Ответственность за такие действия предусматривалась в зависимости от сословного положения виновного. На него возлагалась обязанности выплатить убытки истцу: «а кого утяжут в наезде и в грабежи, ино взять великим князем и Великому Ноугороду на виноватом, на боярине пятьдесят рублев, а на житьем двадцать рублев, а на молодцем десять рублев; а истцю убытки подоймет;...».

Однако в рассматриваемой норме статьи 10 Новгородской грамоты есть положение о том, что, если даже суд (о земле в это время) не будет производиться, то дела о нападении и грабеже (все равно) разбираются («о земле суд, а не будет суда в Новгороде, а о наезде и о грабеже суд»). Эта законодательная установка, по нашему мнению, не позволяет рассматривать «наезд» и грабеж исключительно, как действия одной из сторон в гражданском процессе по земельному спору.

Запрет на захват земли был установлен в статье 7: «Если у кого-нибудь будет иск о земле, об (одном) селе или о двух, или больше или меньше (этого), то до суда ему не (следует) ни захватывать (эту) землю, ни посылать туда своих людей, а (следует) вызвать (ответчика) на суд». Если уяснение смысла «наезда» проводить через нарушение этого запрета, то такой «наезд» может быть отнесен не к имущественным преступлениям, а к преступлениям против порядка управления – самоуправству. Однако отсутствие у виновного при «наезде»

³² Новгородская Судная грамота 1440-1471 гг. // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13624> (дата обращения: 17.03.2025)

намерения обращаться в суд с иском о земле, а ограничиться только действиями по захвату земли, то такой «наезд», по нашему мнению, следует рассматривать как преступление против собственности, при котором земля выступала предметом преступления.

Основное отличие хищения в форме грабежа от наезда в статьях Новгородской грамоты нам видится в предмете посягательства: для грабежа – это движимое имущество, а для наезда – земля.

Дополнительный материал: [Нормы уголовного права в Псковской и Новгородской грамотах.](#)

3. Составы имущественных преступлений в Судебнике 1497 года

Судебник 1497 г.³³ (далее – Судебник) был первым сводом законов Московской Руси. Образование и укрепление единого независимого Русского государства к концу XV века потребовало создание правовой основы, в которой бы были учтены изменения государственного устройства, объединены разрозненные источники права: Русская Правда, уставные и судные грамоты русских князей. По содержанию текст судебного кодекса можно разделить на 3 части: постановления о центральном суде и нормы уголовного права (статьи 1-36), о местных судах (статьи 37-45), о гражданском праве и гражданском процессе (статьи 46-66), дополнительные статьи (67-68).

В нормах уголовного и уголовно-процессуального права Судебника имущественным преступлениям было уделено особое внимание. Их анализ позволил прийти к выводу, что термин «татьба» был употреблен в статьях памятника права в широком и узком значении. Он предваряет содержание статьи 8, обозначив родовую характеристику, включенных в нее действий – «А ТАТБЕ» (о воровстве). Тем самым была определена уголовно-правовая сфера регулирования общественных отношений. Именно в этом качестве проявляется широкое толкование данного термина. Он же в статье включен в перечень деяний, которые можно отнести как к имущественным преступлениям, так и посягательствам иного вида. Ответственность установлена за «татьбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело». В диспозиции «татьба» употреблена в узком значении, исключительно как деяние при хищении чужого имущества.

В судебнике феодальное право подводило под понятие «лихое дело» преступления против жизни и собственности. Этот термин, как родовое понятие, в ст. 8 Судебника включает в свое содержание разбой, душегубство (убийство),

³³ Российское законодательство X - XX веков. Том 2 / под общ. ред. д. ю. н., проф. О. И. Чистякова. М., 1985. С. 54-62.

повторную татьбу (воровство), ябедничество (злостную клевету с вымогательской целью обвинить в преступлении невинного)³⁴.

Проводя соотношение между условным наименованием статьи и перечисленными в ней преступлениями, мы приходим к выводу, что в широком значении «татьба» охватывает как единичное преступление воровства, так и неправомерное завладение имуществом, в процессе совершения иных преступлений «душегубства» (убийства), или «ябедничества» (шантажа, клеветы с целью вымогательства).

Юридическая конструкция рассматриваемой статьи содержит не только конкретные формы деяний, но и обобщённую формулировку «иное какое лихое дело» в значении иное преступление. Если прямо обозначенные деяния в буквальном или расширительном толковании связать с имущественными посягательствами, то «иное лихое дело» включено в диспозицию в значении преступления без видовой принадлежности.

Представляется, что правовая природа статьи 8 Судебника неоднородна, так как объединяет в себе положения материального и процессуального права. К уголовному праву относится установление преступности деяний и наказания за них. В уголовно-процессуальной части нормы определено: «А доведуть на кого ... и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью...» (Если приведут на кого-либо улики (доказательства) в ... и окажется (что тот, на кого приведены улики, действительно заведомый) преступник, то боярину велеть его казнить смертною казнью...).

Такая юридическая техника свидетельствует, что составители документа еще не проводили юридически значимого разграничения между материальным и процессуальным правом, объединяя в основание уголовной ответственности с последующим правом боярина наказать виновного деяние и доказательства его совершения.

Терминология в уголовно-правовых нормах продолжает носить не конкретизированный и условный характер, что имело место и в предшествующих

³⁴ Черепин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Часть вторая. М., 1951. С. 327.

источниках древнерусского права. Такой подход законодателя позволяет ему в статье 8 «А ТАТБЕ» установить наказание за иные преступления, не связанные с незаконным завладением чужим имуществом. По нашему мнению, в этой части был сделан акцент на процессуальную составляющую нормы, которая объединяет имущественные и другого вида преступления. Наличие доказательств, указывающих на совершение преступником деяния как имущественного, так и неимущественного характера, являются основанием для применения к нему смертной казни.

Объединение в одной статье разнородных преступлений под общим названием «О татбе» объясняется нами тем, что большинство деяний перечисленных в ней относятся именно к имущественным преступлениям, которые, как в настоящее время, так и в период действия рассматриваемого источника права, были наиболее распространенными видами преступлений.

Юридическая техника конструирования нормы в уголовно-правовой сфере, примененная в статье 8 Судебника, была использована и в других статьях. «А государскому убойце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнию» (ст.9). В норме установлена ответственность за разнородные преступления: убийство, заговор против власти, святотатство, и воровство, соединённое с убийством, разглашение секретных сведений, поджог города с целью выдачи его врагу. Терминология «ведомой лихой человек» (заведомый преступника) свидетельствует о том, что наказание в виде смертной казни применялось к лицу, виновность которого в деянии не вызывала сомнения. Вывод об этом может быть сделан только на основании факта очевидности совершения преступления, подтверждаемого свидетельскими показаниями.

Уголовно-правовой анализ норм памятника права показал неоднозначность уяснения конкретных видов имущественных преступлений, в том числе, в соотношении понятий воровства, кражи, разбоя. В статье 10 Судебника «О ТАТЕХ» (о ворах) ответственность предусмотрена для виновных впервые совершивших неквалифицированную кражу, при условии, что участие в предше-

ствующих преступных эпизодах не доказано. Устанавливая в статье наказание в виде смертной торговой казни битья кнутом, законодатель исключает из преступных деяний «церковные татбы и головные».

В теоретических работах не вызывает разночтение «церковная татьба», понимаемая как церковная кража, так как в отношении иных деяний против интересов церкви используется термин «святотатство».

«Головная татьба» на различных исторических этапах доктринальных исследований Судебника однозначного понимания не находит. Сформировались два основных подхода.

«Головная» татьба» – это кража холопов³⁵; похищение свободного человека с целью его продажи в рабство³⁶.

Ю. Г. Алексеева давая объяснение отнесению «головной татьбы» к особо тяжким преступлениям, влекущим за собой смертную казнь, концентрировал внимание на распространенность в период действия Судебника случаев продажи похищенных за границу – крымским или казанским татарам. В результате этого преступления «жертва головного татя теряет не только свободу, но и родину, и православную веру – похищенный становится безродным невольником на восточном работорговом рынке». Именно этим объясняется «жесточайшее наказание» за головную татьбу³⁷.

Иное толкование построено на лексическом значении слова «головшина» – убийство, поэтому «правильнее всего думать, что «головная татьба» – воровство, сопровождающееся убийством»³⁸.

Нам представляется целесообразным, в целях уяснения смысла термина «головная татьба», применить грамматическое толкование. Отметим, что формулировка, в которой это понятие вводится в статьи документа, свидетельствует, что оно является разновидностью родового понятия «татьбы», обладая всеми общими признаками воровства и дополнительной характеристикой, позво-

³⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 1906. С. 351.

³⁶ Рожнов А. А. Кража (татьба) по Судебнику 1497 года // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 40.

³⁷ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 218.

³⁸ Черепин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Часть вторая. М., 1951. С. 329.

ляющей выделить это деяние в отдельный вид кражи. Словосочетания в статье 9 «...церковному татю, и головному...», статьи 10 документа «...церковные татбы и головные...» включают в себя одно деяние, в двух его разновидностях: церковной кражи и кражи с убийством потерпевшего.

С позиции признания «головной татбы» похищением человека, логичной была бы формулировка, грамматически оформленная в следующих редакциях: «...церковному татю, головному татю ...» «...церковные татбы, головные татбы...». Такая юридическая конструкция отражала бы самостоятельный характер каждого из деяний, исключая их отнесение к однородному преступлению. В связи с чем, позиция Л. В. Черепина представляется нам более обоснованной, позволяющей рассматривать «головную татбу» как кражу, сопряженную с убийством.

Если в рассматриваемой норме законодатель связал в один преступный эпизод кражу и убийство («татю, и головному»), то в статье 3 Русской Правды использовалась иная терминология для описания внешне схожих ситуаций: «Аже кто убиеть княжа мужа в разбой...». Как мы писали ранее, большинство исследователей первого кодифицированного памятника права относили разбой к преступлениям против личности, отождествляя его с нападением на личность.

Однако, в отличие от Русской Правды, в Судебнике мы находим самостоятельно закреплённые лексемы: татба, разбой, душегубство, тать головной, что позволяет прийти к заключению об изменении терминологического подхода к обозначению убийства как самостоятельного преступления или в процессе хищения чужого имущества. Душегубство – это убийство, как деяние против личности, «тать головной» – это причинение смерти потерпевшему, сопряженное с кражей имущества. Разбой в Судебнике как вид имущественного преступления, отличен от иных видов воровства, тем, что состоит в нападении с применением насилия.

Квалифицированное воровство в документе выделялось по признаку повторного совершения кражи, при условии доказанности множественности преступлений. «А поймают татя вьдругые с .татбою, ино его казнити смертною

казнию...» (ст.11); «А с поличным его приведут впервые, а взмолвят на него человек пять или шесть по великого князя по крестному целованию, что он тать ведомой, и преж того неодинова крадывал, ино того казнити смертною казнию...» (ст. 13).

По мнению Н. С. Таганцева, «границы, отделяющие повторение от совокупности, значительно изменяются в отдельных законодательствах, но общей чертой этого понятия повсюду остается учинение нового преступного деяния уже после того, когда прежняя виновность, однородная или разнородная, была обнаружена и установлена судом...»³⁹. Однако в статье 13 Судебника описывается ситуацию, при которой виновного привели на суд к князю впервые. Уже в процессе рассмотрения дела на основании свидетельских показаний была установлена виновность лица и в других, ранее совершенных, эпизодах воровства, что дает основание для применения к преступнику смертной казни. В документе нет разделения ответственности в зависимости от наличия или отсутствия осуждения лица за предшествующие эпизоды кражи. Сама повторность деяния образует квалифицированную «татьбу».

В. П. Коняхин отмечает, что впервые появилось упоминание о неоднократности преступлений. Судебниками (XV- XVI вв.) количество нормативных предписаний общего характера постепенно росло: появились положения о рецидиве, неоднократности преступлений. В каждом случае «фрагменты» будущей Общей части фиксировались законодателем по принципу казуальности - бессистемно, не более чем удачные находки в области примитивного в целом уголовного законодательства того времени⁴⁰.

Множественность преступлений в Судебнике признавалась обстоятельством повышающим социальную опасность преступника, устранение которой не могло быть достигнуто кроме лишения его жизни.

³⁹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Общая часть: Лекции. М., 1994. Т. 2. С. 301—312.

⁴⁰ Коняхин В. П. Страницы истории. Предпосылки законодательного закрепления Общей части российского уголовного права. (К 170-летию принятия свода законов Российской империи 1833 г.) // Государство и право. 2003. № 4. С.98.

Соглашаемся с мнением В. Ф. Анисимова, что в Судебнике Ивана III не прослеживается имевший место в законодательстве Древней Руси подход по-
дробнейшей дифференциации уголовной ответственности за кражу с учетом
предмета преступления. Признаки субъективной стороны преступления по-
прежнему не влияли на уголовную ответственность за посягательства на соб-
ственность⁴¹.

Судебник 1497 года на определенном этапе развития Московского госу-
дарства не мог соответствовать требованиям времени. Обилие вновь возника-
ющих государственных и общественных отношений продолжило развитие за-
конодательства, чем, по мнению Н. П. Загоскина, объясняется появление второ-
го или Царского Судебника, изданного в 1550 году. Он, по мнению автора,
представлял собой, в сущности, исправление Судебника 1497 года сообразно
требованиям времени и указаниям практики⁴².

Дополнительный материал: [Нормы уголовного права в Судебнике 1497 го-
да](#)

⁴¹ Анисимов В. Ф. Законодательство России о преступлениях против собственности с признаками хищения: досоветский период // Вестник Югорского государственного университета. 2007. № 7. С. 14.

⁴² Загоскин Н. П. История права Московского государства. Том 1. Казань, 1877. С. 64.

4. Значение Судебника 1550 года в сфере уголовно-правовой охраны чужой собственности

В Судебнике 1550 года⁴³ имущественные преступления получили свое дальнейшее дополнение. Терминологически в документ перешли наименования деяний этой группы из предшествующих памятников права (татьба, грабеж, разбой), а также были введены новые термины для обозначения отдельных видов хищения.

Судебный поединок остается формой разрешения дел о поджогах, или убийстве, разбое, воровстве (ст. 12). К его избранию в процессе обращались в ситуациях, при которых предполагаемый преступник не был задержан с поличным либо отсутствовали свидетели, которые во время допроса могли обвиняемого в преступлении назвать «лихим человеком». Отсутствие прямых доказательств ставит выдвинутые обвинения под сомнения, которые разрешаются между обвиненным и истцом на поле боем.

В статье 16 Судебника 1550 года при обвинении ответчика «в бою, или в грабежу, или в займех» «право ино судити» предоставляется «на ответчикову волю: хочет, с послухом на поле лезет или, став у поля у креста, на целованье ему или без целованья даст...».

Терминология, использованная законодателем при конструировании норм в статьях 12 и 16 исследуемого документа, не позволяет сделать однозначный вывод о виде процесса, в котором проходит разрешение требований стороны. В тексте статьи нет таких терминов как «обида» (преступление), «лихой человек» (преступник). Правовые последствия, которые возлагаются на «побежденного», носят имущественный характер и состоят в возмещении ущерба истцу, оплате пошлин. Сама категория дел: поджог, разбой, воровство, грабеж и другое, в современном толковании воспринимается нами как преступление.

⁴³ Судебник 1550 г. с дополнительными указами: составной. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011310716/ (дата обращения: 25.03.2025)

Юридическая конструкция, четко не проводящая разграничение между преступлением и проступком, как нами было отмечено ранее, применялась при отсутствии прямых доказательств, подтверждающих обвинение истца. По нашему мнению, нормы статей 12, 16 Судебника 1550 года нельзя в полном объеме отнести как к сфере регулирования гражданско-правовых, так и уголовно-правовых отношений.

Одновременно такие формулировки и судебные поединки были практическое значение при отправлении правосудия: 1) максимально исключить подачу исков и жалоб, снизив организационные нагрузки лиц, участвующих в отправлении правосудия, так как истец осознавал, что прямых доказательств нет, и ему в бою придется добиваться справедливости. Риски быть побежденным, на которого возлагаются все материальные затраты по судебному процессу, выступали сдерживающим фактором для ложных доносов; 2) формировался принцип презумпции невиновности. Нельзя признать виновным в преступлении человека при отсутствии на то доказательств. Быть признанным побежденным в судебном поединке не тождественно признанию «лихим человеком».

Иная конструкция ситуаций, при которых человека привели на суд с поличным, указывающим на его причастность к совершению преступления. Она исключает двоякое толкование правовой природы содеянного, так как сама терминология указывает на преступность деяния.

В статье 52 исследуемого памятника права закреплено: «А приведут кого с поличным впервые, ино его судити да послати про него обыскати. И назовут его в обыску лихим человеком, ино его пытати; и скажет на себя сам, ино его казнити смертною казньою; а не скажет на себя сам, ино его вкинути в тюрьму до смерти, а исцево заплатити из его статка». В тексте не конкретизируется преступление. Признак «с поличным» следует толковать как нахождение при лице какого-либо предмета, указывающего на совершение им общественно опасного деяния как имущественного, так и иного характера. Но только этого признака недостаточно для признания лица преступником. Закон обязывает суд провести допрос. Представляется, что допрошенными выступят лица, которые этого че-

ловека привели. Если во время допроса пойманного с поличным назовут ведомым лихим человеком, то он будет подвергнут пыткам. Если под их воздействием он признается, то к нему применяется смертная казнь, если нет – то помещение в тюрьму до смерти, а истцу выплатить из его имущества.

Приходим к заключению, что судебный процесс берет свое начало с момента привода в суд лица, задержанного с поличным. В своем продолжении он может приобрести форму уголовного процесса, если на допросе доставленного в суд назовут «заведомо лихим человеком», либо – гражданского процесса, если во время допроса скажут, что он добрый человек, тогда решение по делу будет принято на усмотрение суда.

Наличие вещественных доказательств, показаний свидетелей и признание обвиняемым своей вины в Судебнике 1550 года вне зависимости от вида совершенного деяния влечет за собой смертную казнь. Такая строгость закона, по нашему мнению, определяется социальной опасностью осужденного. Он был пойман с поличным, но в ходе допроса было установлено, что он «лихой человек», то есть ранее был замечен в совершении преступлений. Следовательно, такое строгое наказание определено с учетом прежней преступной деятельности.

Более мягок закон к лицам, впервые совершившим воровство, кроме церковных краж и связанных с убийством. Для них было предусмотрено применение торговой казни, битьё кнутом (ст. 55). Законодатель определил условие при наличии которого, множественность преступлений не устанавливалась: «а виной в прежней тадбы довода на него не будет...».

Статью 56 памятника права мы рассматриваем, как содержащую специальную норму, по отношению к норме, предусмотренной в статье 52, так как в ней ответственность предусмотрена за вторично совершенное воровство, то есть лихим человеком, ранее уже совершившим преступление. Если в статье 52 преступление не конкретизировано, в норме установлено унифицированное основание для применения к «лихому человеку» смертной казни или помещения в тюрьму за любое преступление, то в статье 56 ответственность установлена за

повторную кражу. Судебное заседание по обвинению по обвинению в первичной краже сбор доказательств виновности преступника должен был начинаться с допроса и признания его «лихим человеком». При повторной краже процесс на начальной стадии предусматривал пытку, направленную на признание лицом своей вины. И в первом, и во втором случае признание вины выступало необходимым условием назначения наказания в виде смертной казни.

По нашему мнению, термин «лихой человек» характеризует в нормах исследуемого памятника права преступника, который ранее совершал преступление.

Буквальное толкование признаков, закрепленных в исследуемых статьях, не позволяет сформулировать однозначный вывод: привлекался ли виновный ранее к ответственности. Суждение о том, что человек «лихой» делается на основании допроса лиц, процессуальный статус которых не конкретизирован. Согласно статье 56 Судебника 1550 года такой допрос должен проводиться по месту жительства лица, подлежащего ответственности. Полученные в результате таких допросов сведения объективны условно, так как могут быть основаны на субъективном мнении тех или иных лиц, не подкреплены соответствующими грамотами (приговорами), в которых излагаемые ими факты подтверждались бы.

В судебном процессе преступник может обвинить другое лицо в том, что он также участвовал в татьбе. В статье 57 законодатель прописал: «А на кого тать взмолвит, и про того обыскати». Полученные сведения подлежали доказыванию: «И будет по обыску в какове деле в прежнем прирочной человек з доводом, ино его пытати; а скажет на себя сам, ино казнити татиною ж казнью. А не будет на него довода и в обыску про него худа не скажут, ино татиным речем не верити, дати его на поруку». Но даже если не будет доказательств, и на допросе его не назовут лихим человеком, то обвиненного все равно должны отдать на поруки. Каких либо последствий для лица, указавшего на него как преступника, не предусмотрено в статье. Отсутствие доказательств вины порождает неверие о стороны суда его словам.

В следующей статье мы находим терминологию, применяемую к имущественным преступлениям, которая в предшествующих памятниках права отсутствовала: «А мошеннику та же казнь, что и татю. А хто на оманщике взыщет и доведут на него, ино у ищей иск пропал. А оманщика, как его ни приведут, ино его бити кнутьем» (ст. 58).

На отсутствие обмана как способа преступления в праве древнерусского государства обращал внимание И. Я. Фойницкий, который считал, что на первобытном уровне развития общества, торговля, как основная экономическая сфера, подвергалась преступлениям с разбоем и набегами. Поэтому в этот период в законодательстве наблюдался полнейший индифферентизм к имущественному обману. Затем постепенно уясняется преступность имущественных обманов. Первоначально они имеют незначительный объём. С течением времени объём преступлений этого вида значительно увеличивается⁴⁴.

Обращает на себя внимание разделение в статье «мошенника» и «оманщика», как по описанию деяния, так и по наказанию, предусмотренному для них. Для мошенника устанавливалась такая же казнь, как и для вора. Обманщика за его деяние в любом случае влекло битьё кнутом. Различие в строгости наказаний указывает на повышенную общественную опасность содеянного «мошенником». Но в чём его отличие от «оманщика».

Сам документ не содержит описание данных преступлений. Поэтому в целях уяснения смысла терминологии мы обращаемся к теоретическим источникам.

В. М. Владимирский-Буданов в своем обзоре истории русского права, давал следующее толкование «мошенничеству» в Судебнике 1550 года: «Мошенничество как похищение вещей посредством обмана, не отмечено в древнейших законах. В Судебнике царском (ст. 58) появляется первый раз этот термин, но не ясный смысл статьи Судебника подает повод к сомнению, что разумеется в нём под мошенничеством, преступление ли, называемое так ныне, или карманная кража (от слова «мошна»), как думает проф. Фойницкий. Но, несомненно,

⁴⁴ Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование. СПб., 1871. С. 11-12.

следует признать здесь первое, ибо рядом со словом «мошенник» стоит в той же статье – «оманщик»⁴⁵.

И. Я. Фойницкий рассматривал обман при мошенничестве как способ облегчения совершения татьбы. Само мошенничество ученый признавал ловкой, но мелкой карманной кражей, признавая что «Судебник не наказывает обман как средство выманивания чужого имущества с изъятием потерпевшим видимого согласия на взятие его вещи...»⁴⁶.

Если согласиться с мнением автора, что «мошенничество» – это отдельный вид воровства – татьбы, то усложняется понимание законодательной установки: «А мошеннику та же казнь, что и татю». В памятнике выделяются специальные виды татьбы: церковная, головная, однако, в данном случае приведенное положение закона не позволяет рассматривать мошенничество как разновидность воровства, потому что в законодательном изложении мошенник и вор отнесены к двум самостоятельным видам преступников.

И мошеннику и вору в статье 58 Судебника 1550 года устанавливалась за содеянное смертная казнь, что также по нашему мнению, опровергает толкование мошенничества, как мелкой карманной кражи. Отрицание нами этого подхода связано именно с термином «мелкая», потому что мошна, как мешочек для хранения денег, могла иметь разное денежное наполнение.

Действительно, эпизодичное употребление термина «мошенник» в документе делает попытки его доктринального толкования только одним из возможных вариантов, вложенного в этот термин законодательного значения.

По нашему мнению, мошенничество в исследуемом документе является имущественным преступлением, терминологически произошедшим от «мошна». «Мошенником» в прежние времена являлся «лихой человек», специализирующийся в своей преступной деятельности именно на незаметном для потерпевшего подрезании «мошны», которая обычно крепилась на поясе одежды владельца. Отличительными чертами таких преступлений были: предмет –

⁴⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права: 5-е изд. СПб., Киев, 1907. С. 380.

⁴⁶ Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву: Сравнительное исследование. СПб., 1871. С. 31-32.

«мошна»; способ – незаметное извлечение с одежды потерпевшего. По сути, «мошенник» в смысле положений статьи памятника права соответствует в современном лексиконе термину «карманник». Преступные навыки как сейчас, так и в те времена могли сформироваться только в результате систематических действий, а, следовательно, этим обстоятельством и объясняется строгость предусмотренного для этого преступника наказания.

Почему законодатель разграничил мошенничество и воровство? Отвечая на этот вопрос, мы возвращаемся к выделенным выше признакам мошенничества, которые делают это преступление особенным, требующим специального законодательного обозначения.

Далее в своем исследовании И. Я. Фойницкий называет отдельную ситуацию, при которой мошенничество выделено из татьбы, это: «ино у ищей иск пропал. А оманщика, как его ни приведут, ино его бити кнутьем». Объем частного случая здесь не разъяснён; но, по всей вероятности, Судебник разумел здесь действие, которое выделено из мошенничества уже указом 1573 года: «а который лихой человек взял от кого деньги, а в суде стоя его продаст, за кого стоял...»⁴⁷.

Предлагаемое толкование «оманщика» И. Я. Фойницким исключает его деяние из числа имущественных преступлений, признавая ложными показаниями в суде, от которых «кто-то потерпел ущерб от обманщика». По нашему мнению, такое обоснование, основанное на положениях документа принятого позднее исследуемого, нельзя признать удачным.

В тексте статьи не конкретизируются действия «оманщика», а также содержание ущерба от них. Представляется, что обман, находящейся в причинно-следственной связи с причинённым потерпевшему ущербом, можно отнести к обману в торговых делах, так как в этот период времени основным видом экономической деятельности была именно торговля. На обманутом лежала обязанность сообщить об обмане властям. В противном случае, «его иск пропадает» (ст. 58).

⁴⁷ Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву: Сравнительное исследование. СПб., 1871. С. 33.

Нами не признается толкование «оманщика» как лжесвидетеля, еще и потому, что лжесвидетельство состоит в донесении властям, отправляющим правосудия, ложной информации. А в исследуемой норме совершенный обман станет известен властям только, если о нём сообщит им обманутый.

Хотя прямо «обман» в Судебнике 1550 года не привязан к торговле, по нашему мнению, его следует рассматривать вне хищения, как самостоятельный имущественный проступок, влекущий за собой более мягкое наказание, чем воровство.

Основной формой уничтожения и повреждения чужого имущества признавался поджог. Поджигатель карался смертной казнью.

Обобщая проведенный анализ судебника 1550 года, нами отмечается, определенная ступень развития терминологического аппарата, определяющего отдельные формы хищения, а также иные имущественные проступки. Наказание в виде смертной казни за квалифицированные виды хищения применялось только при условии признания виновным своей вины. Если в результате пыток виновный не соглашался с предъявленным обвинением, то наказание состояло в тюремном пожизненном заключении. Если предъявленное обвинение не было доказано, и подозреваемый не объявлялся «лихим человеком», то он передавался на поруки. До этого момента он должен содержаться в тюрьме.

Дополнительный материал: [Нормы уголовного права в судебнике 1550 года.](#)

5. Систематизация имущественных преступлений в нормах Соборного уложения 1649 года

Соборное уложение 1649⁴⁸ года (или Уложение царя Алексея Михайловича) – первый российский печатный и систематизированный законодательный акт. Документ был разделён на главы, каждая из которых включала в себя совокупность норм.

М. Ф. Владимирский-Буданов писал, что система норм права в документе довольно беспорядочная. Между тем форма постановлений Уложения отличается ясностью и определенностью. Этим Уложение обязано своему конкретному приему выражения (но не казаустическому)⁴⁹. Такая двойственная оценка документа, по нашему мнению, оправдана. Во-первых, двигаясь в своем развитии, российский законодатель отходил в приемах юридической техники от описания казуса к абстрагированию типичных ситуаций, наделяя нормы права признаком формальной определенности. Во-вторых, система имела определенные изъяны, состоящие в расположении однородных норм в разных главах Уложения.

Н. С. Таганцев определяя структуру и содержание документа, писал: «Как свод узаконений, уложение заключало в себе постановления по всем отраслям права: в нем перемешаны статьи, относящиеся к законам государственным, финансовым, полицейским, гражданским, судопроизводственным; законы уголовные сосредоточены главным образом в главах I, II, X, XXI, XXII, но они встречаются и в отдельности и в других главах»⁵⁰.

Имущественным преступлениям посвящена отдельная глава XXI «О розбойных и о татиных делех». К ним были отнесены следующие преступления: татьба простая и квалифицированная (церковная, на службе, конокрадство, совершенная в государевом дворе, кража овощей из огорода и рыбы из садка), разбой (в виде промысла), грабеж обыкновенный или квалифицированный (со-

⁴⁸ Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / текст ред. проф. М. К. Любавским. М., 1907.

⁴⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1907. С. 231.

⁵⁰ Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая. Выпуск I. СПб., 1887. С. 149.

вершенный «служилыми» людьми или детьми в отношении родителей), мошенничество (как хищение, связанное с обманом, но без насилия), насильственное завладение чужим имуществом (землей, животными) и др.⁵¹.

Извлечение из статьи 8 Уложения: «розбой, или татьбу, или иное какое воровство...» отражает терминологический ряд, обозначающий хищения чужого имущества в группе имущественные преступления. Он дает представление о том, что «воровство» включено в законодательный акт в качестве родового понятия, которое объединяет в себе различные способы незаконного завладения чужим имуществом. Отдельные формы воровства конкретизированы: «розбой», «татьба», но их перечень оставлен открытым.

М. Ф. Владимирский-Буданов отмечает, что розбой выделен из татьбы, в отличие от предшествующих памятников права. Объект «этого преступления и теперь остается сложным: в нем все еще подразумевается и нападение на имущество, и нападение на жизнь и здоровье, но именно с целью отнятия имущества»⁵². Такой вывод был сделан автором с упором на положения статьи 16 документа : «будет приведут розбойника, и его пытать. Да будет он с пытки повинится, что он розбивал впервые, а убийства не учинил...».

Рассуждения ученого-криминалиста дореволюционного периода нашли свою поддержку в толковании терминов уголовного права той эпохи современными филологами, изучающими тексты деловых бумаг, составленных в XVII-XVIII в.в.

Как пишет Е. Н. Полякова, закономерности употребления терминов в памятниках центра и периферии являлись общими, что обусловлено становлением в данный период национального литературного языка и традиционным влиянием центральной деловой письменности на местную. В конце XVII термин

⁵¹ Исаев И. А. Собрание сочинений. Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. М., 1986. С. 84-85

⁵² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1907. С. 360.

воровство сужает семантику и постепенно приходит на смену древнейшей лексеме татьба, хотя сохраняется и более общее значение «преступление»⁵³.

В сфере терминологии уголовного права применяется лексема кража. Данная лексическая единица регулярно используется в памятниках разных жанров для обозначения тайного присвоения чужого.

С XVII века разбой используется в терминологическом значении «насильственное изъятие чужого имущества», «нанесение с применением силы материального и (или) физического ущерба»⁵⁴.

В Уложении ответственность за повторную «татьбу» устанавливалась более строгая, но и она дифференцировалась в зависимости от количества повторений преступных эпизодов.

В статье 9 документа правовым последствием впервые совершенной «татьбы» без убийства было битье кнутом, отрезание татю ему левого уха «и посадить его в тюрьму на два года, а животы его отдать исцом в выть, и ис тюрьмы выимая его, посылать в кайдалах работать на всякия изделия, где государь укажет.»

Признание татем вины «в дву татьбах» без убийств предусматривало в качестве наказаний бить его кнутом, «и урезав у него праваго уха, посадить в тюрьму на четыре года, а ис тюрьмы выимая его посылать на всякия государевы изделия, потому же в кайдалах.» (ст. 10). Смертная казнь устанавливалась за татьбу «три, или четыре или больши...» (ст. 12).

М. Ф. Владимирский-Буданов в процессе исследования института множественности, указывает на то обстоятельство, что как в ранее действующих законах, так и в Уложении повторение не отличается от стечения преступлений. Кроме татьбы в нем, понятие повторения применено к разбою⁵⁵.

Н. С. Таганцев положения статей 10, 12 Уложения относит к специальному повторению, признавая, что ответственность за него предусмотрена не ко

⁵³ Полякова Е. Н. Лексика местных деловых памятников XVII – начала XVIII века и принципы ее изучения. Пермь, 1979. С. 71, 77.

⁵⁴ Овчинникова М. В. Из истории терминологии уголовного права XVIII века (на материале памятников деловой письменности Забайкалья) // Филология и человек. 2008. №3. С. 151, 153.

⁵⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1907. С. 361.

всем, а только к некоторым видам преступлений, в группу которых входят имущественные. Неоднократное совершение воровства, по мнению автора, отражает особенную опасность виновного лица, «или в которых неисправимость преступника указывает на его особенную закоренелость и нравственную испорченность». К признакам специального повторения ученый отнес: 1) совершение виновным лицом двух и более преступлений одного вида; 2) «наказание, положенное за первое преступление, должно быть отбыто»; 3) усиление наказания за повторное воровство не утрачивает своего юридического значения и при значительном временном разрыве между отбытым наказанием по первому эпизоду и новым преступлением⁵⁶.

Зарождение института общей части уголовного права – множественности преступлений в памятниках русского права происходило постепенно. Если в предшествующих Уложению документах второй эпизод татьбы предусматривал смертную казнь, то в исследуемом документе этот вид наказания был предусмотрен за третий и более преступный эпизод.

Признавая названный Н. С. Таганцевым признак специального повторения – отбытие наказания за ранее совершенные преступления, мы считаем, что разграничение ответственности за второе, третье и более воровство соответствует современному толкованию рецидива, как множественности преступлений, разделение которого на виды поставлено, в том числе, с учетом количества судимостей лица.

Позиция М. Ф. Владимирского-Буданова, что «повторение не отличается от стечения преступлений» в Уложении 1649 года вызывает возражение. Терминологически «стечение преступлений», в нашем понимании, соответствует «сопряженности преступлений», что, в свою очередь следует отнести к реальной совокупности. Например, «А будет тать учинит и на первой татьбе убийство, и его казнить смертью» (гл. XXI ст. 13). В отличие от специального повторения как аналога современного рецидива преступлений, в статье 13 ответ-

⁵⁶ Таганцев Н. С. О повторении преступлений. СПб., 1867. С. 232.

ственность установлена за два преступления, совершенные в одно время, ни за одно из которых лицо не было привлечено к уголовной ответственности.

Повторение соответствует не простому рецидиву, а специальному, так как относится к однородным или тождественным преступлениям, например, воровству. Н. С. Таганцев при его описании применил термин «неоднократное совершение». В период своего действия уголовно-правовая норма в ст. 16 УК РФ содержала определение неоднократности преступлений. Этот вид множественности относился к повторному совершению однородных или тождественных преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено.

«Стечение преступлений» в статьях Уложения применимо к посягательствам, совершаемым в один временной промежуток или одновременно на систематической основе, например, «которые воры на Москве и в городах воруют, карты и зерню играют, и проигрався воруют, ходя по улицам, людей режут, и грабят, и шапки срывают,...» (ст. 15).

Повышенная строгость наказания за множественность соответствует общественной опасности содеянного. За убийство, совершенное в процессе первого воровства, в статье 13 предусмотрена смертная казнь.

В статье 15 установлено, что в отношении лиц, которые «ходя по улицам воруют, людей режут, и грабят, и шапки срывают... указ тот же, как писано ... сего о татех». Грамматическое толкование этого извлечения из статьи свидетельствует о преступных действиях, носящих много эпизодный характер, совершаемых при стечении в преступлении нескольких лиц. Основная направленность перечисленных в статье действий определяется стремлением виновных завладеть чужим имуществом. Терминологический ряд, используемый законодателем для обозначения форм воровства в этой статье, дает основание полагать, что оно могло быть совершено как тайно, так и с применением насилия или с убийством, что рознит общественную опасность содеянного и не позволяет установить единую меру ответственности. В норме ответственность за перечисленные действия устанавливается через ссылку на другие статьи «о та-

тех», в которых наказание для «татя» устанавливалось с учетом числа преступных эпизодов.

В Соборном уложении содержание мошенничества не раскрывается. Оно влечет за собой наказание аналогичное тому, что предусмотрено «чинить татем за первую татьбу» (ст. 11). Данное положение памятника права нами рассматривается как еще один довод того, что Соборное Уложение, как и Судебник 1550 года, определяет мошенничество как разновидность татьбы – карманной кражей, чем объясняется равная мера ответственности за них, поэтому мы не согласны с мнением М. Ф. Владимирского-Буданова, что в исследуемом документе мошенничество противопоставляется татьбе⁵⁷.

В пользу нашей позиции можно сослаться на расположение статьи 11(о мошенничестве). Она закреплена в главе «О РОЗБОЙНЫХ И О ТАТИНЫХ ДЕЛЕХ», между статьями, устанавливающими ответственность за татьбу.

Выше по тексту мы обращались к анализу диспозиции нормы в статье 8 данной главы, в которой перечислялись татьба, разбой и «иное какое воровство», которое и включает в себя мошенничество. Воровство в юридических конструкциях Соборного Уложения выступает родовым понятием, которым охватывается совокупность форм хищений, включая их специальные виды.

В отдельной статье регламентирована ответственность для церковных татей. Как и в предшествующих документах, наказание для них предусматривалось самое суровое – смертная казнь. Место совершения преступления – церковь и предмет – церковное имущество в своем значении для населения наделяются особым сакральным смыслом. Значимость таких предметов определялась не только их стоимостью, но и значением в отправлении обрядов при богослужении. Объектами церковного хищения была собственность церкви и религиозные чувства верующих, что оценивалось населением как тяжкий грех, и строгое наказание за него признавалось справедливым. В. И. Сергеевич в своем исследовании древнерусских источников права отмечает: «В XVII веке система получает решительное торжество. Московское правительство наказывает уже

⁵⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1907. С. 362.

не в частном интересе, а в целях устрашения, для того, чтобы искоренить злодеев»⁵⁸.

«Татьба» в зависимости от контекста, в котором она включена в нормы Соборного уложения, несет одно из двух смысловых значений: 1) при перечислении форм хищения обозначает кражу; 2) при обозначении совокупности форм хищений соответствует родовому понятию «воровство».

Повышенная общественная опасность церковной татьбы определена предметом преступления, а не способом его совершения. По нашему мнению, церковный вор по статье 14 привлекается к ответственности при любом способе хищения, а не только в качестве лица, совершившего тайное незаконное завладение церковным имуществом.

В главе X «О суде» в статьях 221, 222 определены обязанности лица, проникшего в сад или огород, и «в саду с(ь) яблоней яблока ощищет насильством, или ночью покрадет...» или «в огороде какой овощ насильством пограбит или покрадет...», возместить истцу убытки по стоимости фрукта и овоща. Однако для похитителя овощей «за насильство или за кражу» предусматривалось еще «наказанье смотря по делу».

В сущности, описанные действия по предмету соответствуют мелкому воровству, на это указывают и термины: «покрадет», «пограбит». Но законодатель почему-то не разместил их в главе «О РОЗБОЙНЫХ И О ТАТИНЫХ ДЕЛЕХ». Другой момент, требующий уяснения смысла, это разница в правовых последствиях хищения яблок и овощей. Почему кража или грабеж с огорода должно влечь наказание по усмотрению суда, а хищение из сада этого не предусматривает?

М. Ф. Владимирский-Буданов давал следующее объяснение этому законодательному положению: «... похищение мелких предметов для непосредственного потребления (в садах, в огородах) вовсе не подводится под понятие татьбы, и грабеж таких вещей наказывается также снисходительно (Уложение

⁵⁸ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права: 4-е изд. доп. и поправлено. СПб., 1910. С. 408.

Х, 221–222)»⁵⁹. Данная правовая оценка описанных ситуаций вызывает у нас ряд возражений. Во-первых, используемая в их юридических конструкциях терминология совпадает с той, что включена в уголовно-правовые нормы главы XXI Уложения. Во-вторых, на «снисходительность» наказания в статье 222 ничего не указывает. В ней сказано: «наказанье смотря по делу». Следовательно, суд сам будет решать вопрос о выборе вида наказания, которое не обязательно будет мягким.

Отсутствие в статье 221 требования закона о применении к лицам наказания за «с(ь) яблоней яблока оциплет насильством, или ночью покрадет», позволяет отнести описанные действия к неправомерным в сфере гражданско-правовых отношений. Поэтому гражданский иск к виновному лицу выступает формой предусмотренной для их восстановления.

Иная ситуация при хищении овощей из огорода. Преступник за него должен понести наказание, а это форма государственного реагирования на общественно опасное деяние.

Отвечая на вопрос, почему в статьях 221, 222 Соборного уложения дана различная правовая окраска схожих по характеру и степени опасности ситуаций, мы концентрируем внимание на предмете преступления. Плодоношение яблонь в саду является естественным природным процессом, который не требует вложения человеческого труда или минимум трудовых затрат.

Огородничество – это процесс культивирования овощных культур, который начинается с посадки семян и заканчивается сбором урожая. Он требует постоянной трудовой деятельности между начальным и конечным этапом этого процесса. Также собранный урожай овощей подлежал хранению, переработке и обеспечивал основной рацион питания в не сезон их выращивания. Часть выращенной крестьянами на огороде продукции выплачивалась в виде оброка собственнику земель. Утрата в результате хищения овощей сводила весь вложенный в них труд к нулю, порождая риски нехватки продуктов питания для семьи в зимнее время, а, кроме того, при значительном ущербе от хищения

⁵⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1907. С. 361.

сельхозпродукции убыток несли не только сами крепостные крестьяне, но и собственники-землевладельцы. Защита феодальной собственности была одной из приоритетных целей правового регулирования по Соборному Уложению 1649 г. Обозначенные обстоятельства требовали установления более строгой государственной формы реагирования на хищение овощей, чем фруктов.

В статье 222 хищение овощей предусмотрено в двух формах: «насильством пограбит или покрадет», то есть посредством насильственного грабежа и тайного хищения.

В отличие от других преступлений, Соборное уложение не определяет наказание отдельно за грабеж. Следует еще заметить, что грабеж в XVII в. еще не всегда однозначно воспринимался как преступное деяние, то есть как имущественное преступление; в ряде случаев это был либо гражданско-правовой деликт, либо как злоупотребление служебным положением⁶⁰.

В статьях документа ответственность за грабеж устанавливалась наравне с кражей, например, «воруют, людей режут, и грабят» (XXI, 15), «насильством пограбит или покрадет...» (X, 222). Разбой простой и квалифицированный был отделен от иных форм воровства и правовые последствия его совершения предусмотрены в иных уголовно-правовых нормах (XXI, 16, 17, 18, 19).

В. И. Сергеевич отмечал, что «в разбое, как и в грабеже, есть угроза насилия и самое»⁶¹. Наличие в них совпадающих характеристик затрудняет их разграничение, так как само законодательство не даёт ответа на вопрос: в чём оно состоит?

В начале XVII в., до принятия Соборного Уложения 1649 года, судьи спрашивали иногда законодателя: «Те статьи во что ставити: в разбой или в грабеж?»⁶². Но и в следующем памятнике права нет ответа на этот вопрос.

Разделение насильственного грабежа и разбоя, как двух форм открытого насильственного хищения, позволяет усмотреть повышение общественной

⁶⁰ Упоров И. В. Регламентация грабежа как преступления против собственности в Соборном Уложении 1649 г. // Новое слово в науке: перспективы развития. 2016. № 1-2 (7). С. 381.

⁶¹ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В.И. Сергеевич. СПб., 1903. С. 426.

⁶² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1907. С. 360-361.

опасности последнего, определяемое применением в процессе его совершения более опасного вида насилия, чем при грабеже. Поэтому наказание за первичный и повторный разбой предусматривалось строже.

Неопределенность правовой природы грабежа в Соборном уложении порождена включением термина «грабити» в статьи, расположенные в различных главах документа. Вышеприведенный анализ относится к грабежу как форме хищения.

В главе VII «О службе всяких ратных людей Московского государства» Соборного уложения регламентируется порядок призыва на военную службу, ее прохождение и меры ответственности за нарушение установленных правил ее несения, обеспечения довольствием. В статье 21 указанной главы подробно описан порядок приобретения воинами «запасов и конских кормов». Он носит возмездный характер. Предусмотрен запрет на завышение торговыми людьми цены, установленной по «указу царьского величества и по воеводскому розсмотрению... хлебным запасом и конским кормом положена указная цена, дешевле торговые цены...».

Законодатель, описывая действия ратных людей в нарушении установленных правил по безвозмездному завладению продовольствием и кормами, обозначает их термином «грабити»: «А будет кто служилые люди, будучи на государеве службе, учнут у кого имати хлебныя запасы и конския кормы насильством, или учнут кого грабити,...», то «и на тех людех, кто кому какия убытки учинят, те убытки правити вдвое» (VII, 22); «А будет кто ратные люди, едучи на государеву службу, или з государевы службы по домом, учнут ставитя по селом и по деревням во дворех, или в гумнах для воровства, и станут грабити...», то за грабежь чинити им наказание, смотря по вине. А что они у кого грабежем возмут, и то на них правити вдвое и отдавати тем людем, у кого они что грабежем возмут» (VII, 30).

Данные действия в Уложении, называемые грабежом, получили в теории уголовного права различную оценку.

М. Ф. Владимирский-Буданов усматривает в них самоуправство, состоящее в самовольной реквизиции, осуществляемой в походе ратными людьми (VII, 22, 30). По мнению автора, в этой части исследуемого документа сохраняется «древний снисходительный взгляд на явное отнятие имущества»⁶³.

И. А. Исаев относит грабеж в Соборном уложении к имущественным преступлениям, выделяя его разновидности: обыкновенный или квалифицированный (совершенный «служилыми» людьми или детьми в отношении родителей)⁶⁴.

Установление самостоятельной ответственности за нарушение порядка поступления, несения военной службы или в процессе возвращения домой после ее окончания в виде воровства и грабежа направлено на поддержание дисциплины и правопорядка. Причинение имущественных убытков населению со стороны служивых людей на государственной службе наносило вред авторитету государственной власти, что могло привести к волнению народных масс, восстанию.

Грабеж, в состав которого входит специальный субъект, по нашему мнению, имеет отличие от аналогичных действий в составе этой формы воровства, совершаемого общим субъектом. Нарушение требований, установленных в статье 21 главы «О службе всяких ратных людей Московского государства» по возмездному порядку приобретения воинами «запасов и конских кормов», посягает на порядок несения военной службы. Его логично признать основным непосредственным объектом грабежа служивых людей, а дополнительным — право собственности торговых людей и населения.

Охрана общественных отношений в Соборном уложении при смежности объективных признаков состава преступления, разграничивалась по содержанию субъективной стороны. Это можно проследить на составах уничтожения имущества посредством поджога.

⁶³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1907. С. 360-361.

⁶⁴ Исаев И. А. История государства и права России: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 187.

Основываясь на мотиве и цели указанных действий, законодатель поместил в различные главы документа составы этих преступлений. Умышленное уничтожение по мотивам вражды или корыстной цели: «А будет кто некия ради вражды, или разграбления зажжет у кого двор, и после того он будет изыман, и сыщется про него допряма, что пожар он учинил нарочным делом, и такова зажигалщика казнити зжечь» (X, 228), позволяет отнести деяние к имущественным преступлениям.

Ответственность за поджог изменником города в цели оказания помощи врагу: «А будет кто умышлением и изменою город зажжет, или дворы, и в то время, или после того зажигальщик изыман будет, и сыщется про то его воровство допряма, и его самого зжечь безо всякого милосердия», предусмотрена в группе преступлений против государственной власти в главе «О ГОСУДАРЬСКОЙ ЧЕСТИ, И КАК ЕГО ГОСУДАРЬСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ОБЕРЕГАТЬ» (III ст. 4).

Подход к разграничению ответственности по основному объекту посягательства – между преступлениями против собственности и против государственной власти – сформулированный в памятнике права и учитывающий содержание субъективной стороны, сохраняет актуальность для современного российского законодательства. Личные мотивы и цели уничтожения имущества были включены в субъективную сторону составов преступлений против собственности. Цель – оказание помощи врагу, причинение вреда экономической безопасности государства указывала на преступления против основ конституционного строя.

Дополнительный материал: [Систематизация имущественных преступлений по Уложению 1649 года](#)

6. Краткий анализ военно-уголовного законодательства Петра I по охране государственной и частной собственности

О том, что переход от XVII века к XVIII веку в России не ознаменовался снижением числа совершаемых имущественных преступлений: разбоев, грабежей, краж, писал в своём историко-догматическом исследовании Л. С. Белогриц-Котляревский: «Внушительный размер общих преступлений тем более был грозен для спокойствия Московского государства, что преступники организовывались в шайки, снабженные самыми разнообразными орудиями и оружием, облегчавшими осуществление их преступных замыслов». Торговые иноземцы жаловались на то, что от воров и разбойников нет проезда по большим дорогам⁶⁵.

Современные Петру известия говорят о небывалом развитии разбоя. Разбойничьи шайки, «предводимые» беглыми солдатами, соединялись в благоустроенные и хорошо вооруженные конные отряды и нападали «порядком регулярным», уничтожали многолюдные села, останавливали казенные сборы, врываются в города. Иной губернатор боялся ездить по вверенному ему краю, и сам князь Меншиков, петербургский генерал-губернатор, считавший себя способным прорыть Ладожский канал, не краснея объявил Сенату, что не может справиться с разбойниками своей губернии. Разбоями низ отвечал на произвол верха: это была молчаливая круговая порука беззакония и неспособности здесь и безрасчетного отчаяния там⁶⁶.

К формам государственного реагирования на происходящий преступный произвол того времени исследователи относили: меры полицейского предупреждения (одно из рациональных мер), применение уголовных наказаний⁶⁷.

Среди мер предупреждения преступлений в те времена выделялись: отдача правонарушителей под надзор полиции, воспрещение жительства в столицах и иных местах, высылка административным порядком в определенные местности России, выдворение иностранцев за границу. В некоторых особых случаях

⁶⁵ Белогриц-Котляревский Л. С. О воровстве-краже по русскому праву: Историко-догматическое исследование. Киев, 1880. С. 75-77.

⁶⁶ Ключевский В. О. Русская история полный курс в 4 ч. Часть 3. М., 2025. С. 291-292.

⁶⁷ Белогриц-Котляревский Л. С. О воровстве-краже по русскому праву: Историко-догматическое исследование. Киев, 1880. С. 79.

эти меры могли быть определены установленным порядком без формального производства суда⁶⁸.

В более ранних памятниках права предупреждение состоял в передаче виновного на поруки. В дальнейшем своем развитии сфера предупреждения новых преступлений стала находить свою регламентацию в возложении обязанностей на полицию по осуществлению мер административного реагирования на правонарушителя.

Право наказывать основывается на необходимости охранять безопасность в государстве, а по сему, за деяния, нарушающие безопасность должны быть определены наказания и при том такие, которые были бы достаточны для предупреждения сих деяний, то есть заключали бы в себе ни более ни менее зла, нежели сколько нужно для предупреждения оных⁶⁹.

П. С. Ромашкин уголовное и уголовно-военное законодательство Петра I определял «как могучее орудие для укрепления национального государства помещиков и торговцев»⁷⁰.

Как отмечается в науке уголовного права «Петр, осознавая необходимость кодификации законодательства, в продолжение 26 лет трудился над тем, чтобы свести в одно целое все эти разнородные законы, устранить их несогласованность с уложением 1649 г., кодифицировать их или заменить их новыми законоположениями и уставами»⁷¹.

К закономерному итогу эта законотворческая деятельность Петра I в форме принятия итогового документа не привела.

В период с 1696 года до 1725 года было принято значительное количество правовых источников, необходимых для проведения государственных ре-

⁶⁸ Уваров И. А. Становление системы предупреждения преступности в России начала XVIII–XIX веков // Юрист – Правоведь. 2013. № 2. С. 57.

⁶⁹ Нейман И. Е. Начальные основания уголовного права. СПб., 1814. С. 14.

⁷⁰ Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I / под ред. проф. А. А. Герцензона. М., 1947. С. 3.

⁷¹ Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I / под ред. проф. А. А. Герцензона. М., 1947. С. 14.

форм. Особо место среди них занимают акты военного законодательства, к которым относится Устав воинский 1716 г.⁷²

Т. И. Шворина определяя значение в системе законодательных актов построения уголовного права России, признала, что в данном документе «многие его постановления, касающиеся ряда составов преступления и основных институтов общей части уголовного права, послужили основой для дальнейшего развития русского уголовного права»⁷³.

Он состоит из трёх частей. В первой нашла отражение структура организации войск. Вторая часть – «Артикул воинский» включала нормы государственного и уголовного права, об устройстве военных судов и порядке судопроизводства в них. Именно в этой части закреплялась глава «О зажигании, грабительстве и воровстве». Третья часть документа – «Об экзерциции» – была посвящена строевой службе, военному обучению и воспитанию, правам и обязанностям полковых чинов.

Современные исследователи российского уголовного права отмечают, что в связи с введением Артикула Воинского Петра I 1715г.⁷⁴ законодатель впервые употребил современный термин «преступление» для обозначения уголовно-наказуемого деяния. Но шаги законодательного развития сочетались с пробелами в вопросах регламентации уголовной ответственности.

Неполнота правового регулирования одних документов допускала применение аналогии права. Отдельные ученые признают, что в этот период преступным считалось, не только то, что запрещено в законе или указе, но и то, что в них не было предусмотрено, но было вредно для государства, что нарушало «интерес государственный». Например, П. С. Ромашкин делает отсылку на ст. 143 Морского устава. В ней допускается применение аналогии закона в части определения наказания для лица, совершившего на корабле преступление, не

⁷² Военные уставы Петра Великого: Сб. док. / Отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В.И. Ленина. М., 1946.

⁷³ Шворина Т. Воинские артикулы Петра I / под ред. М. М. Исаева. М., 1940. С. 14-15.

⁷⁴ Полное собрание законов Российской империи Т. 5: 1713-1719. СПб., 1830.

предусмотренное уставом⁷⁵. Такие юридические конструкции норм есть и в Военном артикуле. Например, в арт. 179 за неосторожное уничтожение имущества вид наказания не конкретизирован; согласно арт. 189 похитители овощей, дров, кур, гусей должны быть подвергнуты наказанию, но какому в статье не прописано.

По сути, Артикул воинский представлял собой Военно-уголовный кодекс – без Общей части (он не отменял Соборное уложение, а действовал параллельно с ним). В нем предусматривалась ответственность, как за воинские, так и за иные преступления, в том числе имущественного характера⁷⁶.

Глава 21 «О зажигании, грабительстве и воровстве» включает в себя совокупность составов преступлений, размещенных в 18 артикулах, отражающих военно-уголовный характер документа. Субъектами имущественных преступлений по большинству артикулов признавались военнослужащие. Само наименование главы определяет виды деяний в неё включенных.

К началу XVIII в. имущественное преступление определялось как совершенное умышленно нарушение закона и царской воли в сфере имущественных прав⁷⁷. Однако уже в обозначенном выше правовом акте были предусмотрены неосторожные деяния этого вида.

Глава открывается составами уничтожения и повреждения имущества. Ответственность разделена в зависимости от формы вины. В арт. 178 сказано: «Кто из офицеров или рядовых самовольством или нарочно без указу ... сожжет, ... сломает, ... смертью имеет быть казнен и сожжен». Терминология, используемая при конструировании состава, позволяет прийти к выводу об умышленной форме вины в описанных действиях. Как и в современном законодательстве в тот период умышленные деяния расценивались как более общественно опасные по сравнению с неосторожными преступлениями. О чем сви-

⁷⁵ Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I / под ред. проф. А. А. Герцензона. М., 1947. С. 35.

⁷⁶ Анисимов В. Ф. Законодательство России о преступлениях против собственности: досоветский период // Вестник Югорского государственного университета. 2007. № 7. С. 15.

⁷⁷ Макаренко Н. Г. Имущественные преступления в российском праве в XVIII - начале XX вв.: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... к.ю.н. Новгород, 2012. С. 6, 10.

детельствует строгость предусмотренного наказания – смертная казнь. Конкретизация в норме способа её исполнения – «сожжение», свидетельствует о приверженности законодателя принципу Талиона. Н. И. Фалеев в своем диссертационном исследовании, посвященным целям воинских наказаний в период правления Петра писал: «... задача воинского наказания в рассматриваемую эпоху свелась к грубой форме устрашительного воздействия на толпу. На такой почве выросла система воинских наказаний Артикула Петра Великого; ...: устрашение вырастает в ужасающие размеры; принцип пользы для государства проникает всю систему воинских наказаний, заботиться об исправлении преступника представляется невыгодным, неэкономичным, противоречащим стремлениям государства. Наказать – значит уничтожить, и чем выразительнее уничтожение злой воли, тем лучше результаты»⁷⁸.

Давая оценку строгости наказания в рассматриваемой статье, мы должны учитывать, что это преступление совершалось военными в период марша. Петр I использовал организационные и правовые меры, направленные на создание и поддержание дисциплины в действующих войсках. Преступные проявления военнослужащих «без указа» причиняли имущественный ущерб жителям «городов, сел, деревень», одновременно нанося вред единоначалию в армии, выстроенной согласно Устава воинского системе подчиненности.

П. О. Бобровский признавал, и мы согласны с данным суждением, что «... в нашей отечественной истории Петр Великий ни как не может нести ответственность за суровость в наказаниях и казнях за такие преступления, на которые не обратило никакого внимания суровое Соборное Уложение; а эти преступления в обновленной России были общеопасными и могли быть губительными для молодого государства»⁷⁹.

Между тем признаем неоправданную жестокость сожжения, как способа исполнения смертной казни. В политике государя в первой четверти XVIII века

⁷⁸ Фалеев Н. И. Цели воинского наказания: дис. на соис. ... э.-орд. проф. по Каф. воен.-уголовных законов в Александров. воен.-юр. акад. СПб., 1902. С. 197.

⁷⁹ Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: историко-юридическое исследование: с прил. снимков подлинной рукописи Артикула воинского. СПб., 1887. С. 93.

отмечается переплетение стремления к просвещению российского государства с полным подчинением власти монарха, которое должно было обеспечиваться строгостью и наглядностью через публичность исполнения наказаний.

Петр оставлял за собой не только выбор форм и методов реформ, но и выбор «духа народа», полагая, что он формируется государевым указом и привычкой его исполнения. Ни в Воинском уставе, Генеральном регламенте, Табели о рангах, указе о подушной подати нет ни одного упоминания об «общем благе» и даже о первостепенности «государства», «первым слугой» которого так любил позиционировать себя Петр в разговорах. В идеологических преамбулах, обязательной составной части всех значимых государственных нашла место только для обоснования божественной природы царской власти и необходимости подчинения ей⁸⁰.

В арт. 179 установлена ответственность за неосторожное уничтожение или повреждение имущества: «А если каким небрежением или неосторожностью, или виною офицеров и солдат, такие подобные пожары в квартирах или инде где учинятся, то оные, которые в том виновны, убыток по судейскому приговору наградить, и сверх того, по изобретению вины и неосторожности наказаны имеют быть». Определяя, в каком значении признаки «небрежение» и «неосторожность» включены в содержание состава, мы приходим к заключению, что в контексте с другими признаками их следует отнести к характеристике деяния. Причиной пожара признавались небрежные или неосторожные действия офицеров и солдат, «которые в том виновны». Подобные формы поведения состоят в несоблюдении определенных правил безопасности обращения с огнем, невнимательностью субъекта, что исключает злой умысел, отражая содержание неосторожной формы вины. В анализируемой статье термины с семантикой вины имеют разное правовое значение:

⁸⁰ Черникова Т. В. Европейские идейные смыслы в контексте царской воли Петра I // Вестник РУДН.. 2022. № 3. С. 329-330.

«Виною офицеров и солдат» — материально-правовой признак, фиксирующий причинно-следственную связь действий военных с пожаром (без квалификации как небрежности или неосторожности);

«Которые в том виновны» — процессуальный признак, устанавливаемый по судебскому приговору на основе доказательств.

Неосторожность и вина, как условия возложения наказания, по арт. 179 должны быть установлены в совокупности. Только «по изобретению вины и неосторожности» виновные в содеянном «наказаны имеют быть». Само наказание не конкретизировано, однако, как нам представляется, данная юридическая конструкция исключает возможность назначения смертной казни.

В арт. 181 установлен запрет на поджоги «на земле неприятельской» «без указа», если такие действия приводили к «убытку и ущербу... войск его величества» или «прибытку» неприятеля. Виновный в этом должен был быть наказан «шпицрутеном», то есть, подвергнут телесному наказанию с применением гибкой палки.

Смертная казнь в данной статье устанавливалась за сожжение квартир военноподначальников, иных лиц при наличии злого умысла, содержание которого в документе не получило своего толкования. Но формулировка признаков состава позволяет сформулировать вывод об умышленном характере деяния, совершенном с низменным мотивом или целью.

Развитие норм уголовного права проходило по пути терминологических изменений от документа к документу.

Л. С. Белогриц-Котляревский в своем исследовании документа признает, что воровством или кражей в Воинских артикулах называется тайное похищение чужой собственности. Для обозначения этой формы хищения использовались термины: воровство и кража. Законодатель использовал «воровство» в данном правовом акте для обозначения любого преступления в исключительных случаях, в отличие от прежних документов⁸¹.

⁸¹ Белогриц-Котляревский Л. С. О воровстве-краже по русскому праву: Историко-догматическое исследование. Киев, 1880. С. 95.

Установление ответственности за воровство и кражу уже не носило ранее имевший примитивный характер, а проводилось с учетом роли лица в совершенном преступлении и стадии его исполнения.

Т. И. Шворина отмечала тот факт, что особенностью структуры Воинских артикулов является наличие при многих статьях специальных толкований, имеющих силу закона. В ряде случаев они дополняют законодательный материал новыми нормами⁸². Это можно отнести к арт. 189, в котором толкование выделено отдельной нормой. В ней закреплено следующее: «Оные, которые в воровстве конечно вспомогали, или о воровстве ведали, и от того часть получили, или краденое ведаю добровольно приняли, спрятали и утаили, оные властно, яко самые воры, да накажутся». Современное толкование видов соучастников позволяет идентифицировать в приведённой норме действия пособника («оные, которые в воровстве конечно вспомогали»). Указанные лица несут наказание за содеянное наравне с другими участниками преступления.

В основной норме арт. 185 описано двух объектное преступление: «Кто людей на пути, и улицах вооруженною рукою нападет, и оных силою ограбит ... одного купно с теми, которые при нем были и помогали колесовать и на колеса тела их потом положить». Законодатель в качестве субъекта вооруженного разбоя определил как исполнителя, так и пособника, установив равную для них ответственность.

В Толкование к арт. 185 сформулированы два вида пояснений относительно оснований и мер ответственности: 1) за действия лиц, совершивших тайное или открытое ненасильственное незаконное вторжение в дом, хозяйственные постройки, с целью хищения; 2) за неоконченное деяние вора, который «ворветца в намерении украсть, но и в том пойман или отогнан, или помешает ему кто, что ничего с собою не унес...».

Две законодательно описанные ситуации были выделены из основного состава в силу пониженной общественной опасности содеянного. В первом абзаце Толкования к рассматриваемому артикулу описаны квалифицированная

⁸² Шворина Т. Воинские артикулы Петра I / под ред. М. М. Исаева. М., 1940. С. 19.

кража и ненасильственный грабеж. Они представляют собой менее тяжкие преступления в сравнении с вооруженным разбоем. Поэтому за них смертная казнь не предусмотрена, а только телесное наказание.

Во втором абзаце Толкования описано покушение на воровство, при котором преступник не смог завладеть чужим имуществом в силу объективных причин: он был задержан на месте преступления, или не смог завладеть чужим имуществом. За что виновного «шпицрутенами полегче наказать надлежит».

Дополнительно в Толковании к арт. 185 предусматривалось право на лишение жизни вора, проникшего в дом ночью с целью хищения, так как умысел его «не для единой кражи, но чтоб и умертвить, в дом ночью врываяцца». Уже в то время законодатель признавал правомерность такой необходимой обороны при посягательстве, характер которого обороняющимся вследствие неожиданности и обстановки исполнения не мог объективно быть оценен.

Данный подход в оценки правомерности описанных действий сохранен и в современном правоприменении. Так, Верховный Суд Российской Федерации уделил особое внимание данному вопросу, признав, что ситуация с незаконным проникновением в жилище в ночное время относится к случаям, при которых лицо вследствие неожиданности посягательства не может объективно оценить степень и характер опасности нападения, что исключает ответственность за превышение пределов необходимой обороны⁸³. Это руководящее разъяснение высшей судебной инстанции, по нашему мнению, должно быть облечено в законодательную форму.

К хищениям, влекущим за собой смертную казнь, были отнесены действия «офицер, рейтар или солдат», которые могли «грабить и насилить, или что у него силою отнимать, хотя на улице, в походе чрез землю, или в обозе, городех, крепостях и деревнях...» (арт. 182), а так же деяния общего субъекта, «кто церкви или иныя святыя места покрадет, или у оных что насилно отъимет, також и тех, которые в обоз, крепости и города всякой провиант привозят...»

⁸³ П. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/8306/> (дата обращения: 29.04.2025)

(арт. 186). В первом составе повышение общественной опасности определялось специальным субъектом, который допускал мародерство в местностях, через которые шли войска. Второй состав объединил в себе действия церковных воров и похитителей провианта из обозов.

Строгость наказания объяснима. Воровство из церквей традиционно признавалась в памятниках права особо опасным преступлением. Стремление к поддержанию дисциплины и боеспособности регулярной армии требовало эффективных мер противодействия правонарушениям военных и гражданских лиц.

В Артикуле проводится разграничение ответственности в зависимости от стоимости похищенного: «Ежели ... число краденаго более двадцати рублей не превозыдет...» (арт. 189), «Ежели ... ценою более двадцати рублей...» (арт. 191).

Основываясь на следующих опубликованных данных, что «Рядовой военный получал жалование 11 рублей. А вот генерал гораздо больше - 1800 рублей. Писарь довольствовался жалованием в 40 рублей в месяц. А на рубль при Петре покупали: 100 куриц; 8 овец; 40 килограмм мяса; 4 пары сапог; 3 тонны ржаного хлеба. Курс серебряного рубля Петра I к российскому рублю составляет 1 к 4500»⁸⁴, мы приходим к заключению, что хищение на сумму менее 20 рублей сложно признать мелким (незначительным), но только в том случае, если в качестве ориентира брать за основу актуальную стоимость предметов и величину заработной платы военнослужащих. Но в соотношении военного довольствия даже рядового солдата того времени к покупательной способности рубля, наше мнение меняется. Хищение на сумму менее 20 рублей нельзя признать мелким. Оно может быть отнесено к простому не квалифицированному хищению для лиц, совершивших его впервые.

Уголовно-правовую оценку хищения как мелкого можно дать деянию, описанному в Толковании к арт. 189 представлено разъяснение, которое можно отнести исключительно к мелкому хищению: «Овощные воры, такжеже кото-

⁸⁴ Что можно было купить на 1 рубль при Петре I?. URL: <https://dzen.ru/a/YukxvPjQahaJNnbL> (дата обращения: 29.04.2025)

рые дрова, кур, гусей и рыбы крадут, по рассмотрению воровства да наказуются». Выбор вида и размера наказания законодатель относит к усмотрению суда.

Представляется правильным отнесение к этому виду хищения, описанное в Толковании к арт. 195: «Наказание воровства обыкновенно умягчается, или весьма отставляется, ежели кто ... иное что невеликой цены украдет...».

Выбор наказания за хищение предметов стоимостью менее 20 рублей ставился в зависимость от первичности или повторности преступного эпизода «...надлежит вора в первые шестью сквозь полк прогнать шпицрутен, вдругоредь двенадцатью, а втретие, отрезав нос и уши, сослать на каторгу...».

За четвертый эпизод воровства этого вида наказание предусматривалось в арт. 191. В этой же статье устанавливалась ответственность за хищение на сумму свыше 20 рублей.

Признавалась тяжким незаконное завладение имуществом без учета стоимости похищенного, если преступление было совершено «во время нужды водяной или пожарной или из артиллерии, магазейну, амуниции или цейхгауза его величества, или от своего собственного господина, или от товарища своего, или на месте, где он караул имел ...».

За любое из деяний по арт. 191 виновный должен быть повешен. Указание на то, что он должен быть специальным субъектом в статье не предусмотрено.

В отдельной норме закона прописана ответственность караульного, который совершит кражу во время дежурства (арт. 192).

Несмотря на схожесть объективной стороны отдельных форм и видов хищения и тождества, предусмотренных за них наказаний законодатель устанавливал ответственность общего и специального субъекта в разных артикулах, признавая специфику военных преступлений.

Прообразом конструкции хищения в форме присвоения и растраты в современном уголовном законодательстве можно признать положения арт. 193. «Ежели кому что в верные руки на сохранение дастся, а потом в принятии он

запретя, или иным каким способом искать будет, чтоб утаить, тогда оно, яко вора, таким же образом, по состоянию дела и цене поверенного ему добра, наказать». Виновный в таком деянии признается вором в широком терминологическом значении, так как законодатель выходит за пределы его применения только тайному похитителю чужого имущества.

Петр I принимал непосредственное участие в редакции документа. Его замечания по рукописи Артикула 1715 г. включают дополнения и поправки. Принципиальные поправки меняли смысл и значение той или иной статьи, характер предусматриваемой ею санкций. В рамках вопроса нашего исследования обращает внимание поправка в арт. 194 (растрата и похищение денег, вместо «государевых» – «государственных»). В него Петром было сделано дополнение, которым наказание через повешение распространялось не только на расхиителей государственной казны, но и на тех, кто знал об этом, но не доложил⁸⁵.

Наказание за присвоение государственных средств наказывалось строже, что имело место в нормах уголовного законодательства советского периода.

Артикул в главе 21 выполнял не только охранительную функцию, но регулятивную. Так, в арт. 195 он устанавливал обязанность для лиц «кто что найдет в походе или инде где, на дороге и местах, хотя б что ни было». Они «долженствует офицеру своему о сем донести, и найденное без замедления принести ... найденное господину, кому надлежит, отдано было». Не исполнение этого требования закона вело к признанию лица вором. Он должен быть «наказан быть яко за кражу, и найденное паки возвратить».

В действующем законодательстве эта обязанность регламентирована в гражданском праве (ст. 227 ГК РФ). Но вот прямого признания хищением присвоения найденного имущества в уголовном законе, ныне действующем, не предусмотрено.

Соответствующее толкование дано в постановлении Конституционного суда РФ. Если лицо, обнаружившее найденную вещь, наряду с невыполнением

⁸⁵ Епифанов П. Военно-уставное творчество Петра Великого / Военные Уставы Петра Великого. Сборник документов / под ред. Н. Л. Рубинштейна. М., 1946. С. 40.

действий, предусмотренных статьей 227 ГК РФ, совершает сокрытие найденной вещи либо сокрытие признаков, позволяющих индивидуализировать вещь или подтвердить ее принадлежность законному владельцу, то такое поведение может свидетельствовать о возникшем умысле на хищение. Необходима оценка не только факта завладения найденным имуществом, но и его обращения в свою пользу. Такое поведение приобретает общественно опасный характер и образует единое сложное деяние, направленное на неосновательное обогащение, и по своей природе является кражей⁸⁶.

В очередной раз, как и в ситуации с регламентации необходимой обороны в процессе незаконного проникновения в жилище с целью хищения, отдельные ситуации, имевшие законодательное разрешение в Артикуле воинском 1715 года, в современном российском праве разрешаются на основе судебного толкования.

Толкование к арт. 195 предусматривало смягчение ответственности или освобождение от неё за присвоение найденного: «ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съестное или питейное, или иное что невеликой цены украдет, или кто в лишении ума воровство учинит, или вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть».

Уяснение смысла содержания данной нормы позволяет усмотреть формирование в уголовном законодательстве признаков лица, подлежащего уголовной ответственности – вменяемость, возраст.

Л. С. Белогриц-Котляревский особо выделял роль Артикула воинского в вопросах «узаконений о наказании воровства», которые отразились в значительной степени в своде законов 1832 года. До его принятия «названный па-

⁸⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 ГК РФ, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ, статей 75, 87 и 88 УПК РФ в связи с жалобами граждан А. В. Галимьяновой и В. С. Пузрякова». URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 29.04.2025)

мятник не только не был забыт судами 18 ст., а напротив служил подспорьем при разрешении судебных казусов»⁸⁷.

В главе 21 Артикула воинского отсутствует состав мошенничества или кого-либо иного имущественного преступления, совершаемого путем обмана. В отличие от иных форм хищения именно мошенничество в предыдущих законодательных источниках не имело своего закрепления в современном толковании этой формы хищения.

И. Я. Фойницкий указал на отсутствие в исследуемом документе общего определения преступного обмана, отмечая его наличие не в главе имущественных преступлений, а в главах о ложных поступках. В них автор выделил два вида обмана: в количестве и посредством употребления ложного имени. Первый состоял в обмере и обвесе. В петровском законодательстве они карались как противозаконные способы завладения чужим имуществом. Второй вид обмана не ограничивался имущественными отношениями, в артикуле все виды обмана были объединены в единую рубрику главу 22 «О лживой присяге и подобных сему преступлениях». Постановления артикулов оба обмана остерегаются называть мошенничеством. В итоге автор приходит к заключению, что для уяснения мошенничества артикулы не вносят ничего нового⁸⁸.

Проводя сопоставление наименования главы 22 с содержанием входящих в неё артикулов, мы соглашаемся с заключением И. Я. Фойницкого, что обман в данном памятнике права как способ совершения преступления выступает критерием, по которому разнобъектные преступления объединены в одну главу. В ней установлена ответственность за ложную присягу (арт. 196), за фальшивомонетчество (арт. 199), изготовление поддельных печатей (арт. 201) и др. В действующем уголовном кодексе они закреплены в различных главах в зависимости от объекта посягательства.

Преступление за обмер и обвес, как оно описано в арт. 200: «Ежели кто мерою и весом лживо поступит, оный не точию то добро (которым он обманул)

⁸⁷ Белогриц-Котляревский Л. С. О воровстве-краже по русскому праву: Историко-догматическое исследование. Киев, 1880. С. 95.

⁸⁸ Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву: Сравнительное исследование. СПб., 1871. С. 42,43, 44.

имеет возратить втрое, но и сверх того денежный штраф дать, и на теле имеет быть наказан», как нам представляется, следует отнести к нарушению правил торговли, экономическому преступлению, а не к имущественному посягательству.

В Артикуле 1715 года прослеживается развитие уголовного законодательства в сфере регламентации ответственности за имущественные преступления. Оно выражается в следующих ключевых аспектах:

- 1) конкретизация терминов для обозначения форм хищения;
- 2) разграничение ответственности за умышленные и неосторожные деяния;
- 3) выделение ответственности со специальным субъектом в отдельные составы;
- 4) признание присвоения найденного воровством с возложением на виновного лица наказания;
- 5) установление обстоятельств, позволяющих смягчить наказание за воровство или освободить от ответственности;
- 6) усиление наказания за хищение государственного имущества.

Дополнительный материал: [Краткий анализ военно-уголовного законодательства Петра I](#)

7. Место преступлений против собственности в Проекте Уголовного Уложения Российской империи 1813 года

Значимую роль в формировании кодифицированного систематизированного уголовного законодательства в России сыграл «Проект Уголовного Уложения Российской империи» 1813 года⁸⁹ (далее – Проект).

В документе представлена более или менее цельная система, построенная на определенных теоретических началах. В нем выделена общая часть, представляющая нормировку преступления, как родового понятия, и часть особенную, излагающую отдельные виды преступлений⁹⁰.

Современные ученые, отмечая методологическое значение Проекта, признают тот факт, что «все последующие уголовные законы Российской Империи и советского государства, как бы они не назывались, в той или иной мере содержали в себе «родимые пятна» проекта Уголовного уложения 1813. Главное чему они служили, это обеспечению обоснованности, логичности и последовательности содержания соответствующих уголовных законов⁹¹.

В главе четвертой части третьей проекта 1813 г. содержались статьи о преступлениях против собственности.

Главу четвертую открывал § 492. В этой главе была закреплена достаточно согласованная и наглядная группировка преступлений против собственности. В названном параграфе говорилось: «К преступлениям сего рода принадлежат: 1) Истребления и повреждения собственности; 2) Похищение и присвоение оной. Преступления первого рода заключаются в отделениях I и II, преступления же второго рода – в отделениях III, IV, V и VI». Наименование и содержание отделений III и IV позволяли сделать вывод, что понятие «похищение

⁸⁹ Проект уголовного уложения Российской империи. [Сост. в Комиссии для составления законов]. О наказаниях за частные преступления. СПб., 1813.

⁹⁰ Белогриц-Котляревский Л. С. О воровстве-краже по русскому праву: Историко-догматическое исследование. Киев, 1880. С. 200.

⁹¹ Цепелев В. Ф. О методологическом значении проекта Уголовного уложения Российской Империи 1813 года для развития российского уголовного законодательства // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, 30–31 мая 2013 г. М., 2013. С. 239-240.

собственности» охватывало разбой, грабеж, воровство; понятие «присвоение собственности» – присвоение чужой собственности или права путем обмана⁹².

К основным концептуальным основам, заложенным в Проекте и нашедшим свое воплощение в современном уголовном законодательстве, мы относим ряд положений, примененных к регламентации ответственности за исследуемую группу преступлений:

- Законодательное закрепление перечня обстоятельств, определяющих увеличение наказания (§ 494);
- Установление меры наказания в зависимости от степени фактического участия лица в совершении преступления, значение этого участия для достижения цели преступления, выделение главных и второстепенных ролей участников деяния (§ 495, 497);
- Добровольное сообщение о готовившемся преступлении и предупреждение наступления вредных последствий отнесено к обстоятельству, смягчающему наказание (§ 498);
- Отграничение умышленного и неосторожного истребления имущества, за которое предусматривалось наказание, от казуса, не влекущего за собой ответственность (§ 504, 505);
- Легальное толкование отдельных форм хищения: «Разбой есть нападение с целью похищения имущества другого лица с применением насилия, опасного для потерпевшего (§ 513), «Грабеж – это открытое хищение чужого имущества, совершенное на улицах, городах, селениях и при случайных встречах на дорогах, при отсутствии опасных обстоятельств, отнесенных к разбою (§ 520);
- Признание кражей найденного чужого имущества (§ 524);
- Формулировка родового понятия воровства: «Воровством или кражей почитается всякое похищение чужой вещи, без согласия того, кому она принадлежит или у кого находится в сбережении» (§ 523).

⁹² Елисеев С. А. Преступления против собственности по проекту Уголовного Уложения Российской Империи 1813 г. // Веснік БДУ. Сер. 3. 2014. № 1. С. 71.

По мнению Е. А. Елисеева, составители проекта, определяя состав воровства или кражи, отошли от сложившегося в российском уголовном праве представления о краже как о тайном похищении чужого имущества. К воровству или краже они отнесли как тайное, так и открытое похищение чужого имущества. Воровство, по проекту, могло быть совершенным и с насилием, а также с оружием «явным или скрытым» (§ 527)⁹³.

Л. С. Белогриц-Котляревский в этом вопросе придерживался мнения, что «проект 1813 года, хотя и не разлагает родового термина воровства на три видовых: воровство-кража, воровство-мошенничество, воровство-грабеж, тем не менее, широким понятием воровства или кражей поддерживает старый порядок вещей. Признак тайного похищения в проекте выброшен; воровство-кража обнимает похищение чужой движимой собственности – вещей или денег-без согласия того, кому эта собственность принадлежит или у кого находится в сбережении, при чем безразлично, совершается ли похищение тайно или явно, лишь бы в дело не были пущены, те способы действия, которые знаменуют понятие разбоя»⁹⁴.

Разночтения положения § 523 Проекта в части отождествления воровства и кражи вызваны неопределенностью законодательных конструкций составов хищений.

В содержании данного параграфа описано преступление, к которому применимо наименование как «воровство», так и «кража». Но далее в статьях при описании деяний употребляется только один из терминов.

В § 524 присвоение найденной чужой вещи именуется исключительно кражей.

Наименование статей-параграфов в Проекте размещено на полях документа. Ориентируясь на них, можно уяснить юридическое значение закрепленных в них норм.

⁹³ Елисеев С. А. Преступления против собственности по проекту Уголовного Уложения Российской Империи 1813 г. // Веснік БДУ. Сер. 3. 2014. № 1. С. 72.

⁹⁴ Белогриц-Котляревский Л. С. О воровстве-краже по русскому праву: Историко-догматическое исследование. Киев, 1880. С. 202.

«Определение воровства или кражи» (§ 523) – данная формулировка, по нашему мнению, позволяет рассматривать указанные деяния как однородные, но не тождественные. Их объединяет общность признаков, но разграничивает союз «или». «Что вменяется еще в кражу» (§ 524) по смыслу несет дополнение к определению кражи в § 523, но не распространяется на содержание «воровства».

Кражей в Проекте признается «похищение между родителями и детьми, или родственниками в двух первых степенях, живущими в семействах, также между мужем и женою...» (§ 531).

Представляется, что о самостоятельности исследуемых деяний свидетельствует положение § 535. В нём установлены правила удовлетворения за украденные вещи и убытки для «обличенных в воровстве или краже их участников». Как и в положении § 523 воровство и кража включены в содержание нормы альтернативно, но значение союза «или» в них разнится. При определении воровства и кражи он указывает, что в их основе лежит одна и та же легальная дефиниция. В контексте § 535 обозначенный союз наделен смысловой нагрузкой «то либо иное деяние», что не позволяет рассматривать воровство и кражу как тождественные преступления.

Неудачность законодательных формулировок проекта, влекущих за собой двойственность при уяснении их смысла, можно «объяснить слабостью российской юридической мысли начала XIX в., не способной более или менее точно определять признаки того или иного преступления»⁹⁵.

В Проекте к рассмотрению Уголовным Судом, были предусмотрены следующие виды воровства:

1. «По цене украденной вещи воровство принадлежит Уголовному Суду и наказанию, ежели оно превышает 5 рубл., так, кража от 5-20 рублей составляет нижнюю степень уголовной вины, от 20-100 рубл. большую, а свыше 100 рубл. самую важную (§ 526).

⁹⁵ Елисеев С. А. Преступления против собственности по проекту Уголовного Уложения Российской Империи 1813 г. // Веснік БДУ. Сер. 3. 2014. № 1. С. 73.

2. По другим повышающим опасность обстоятельствам: воровство, совершенное в церкви, в государевом дворце, с насилием, скопом, с оружием, во время пожара, наводнения и др. (§ 527).

Кража, как разновидность воровства, в Проекте не определяется через тайное хищение чужого имущества, но она выделяется как специальный вид воровства. Давая уголовно-правовую оценку ряду положений исследуемого документа, мы соглашаемся с мнением Л. С. Белогриц-Котляревского, что к воровству относимы способы хищения чужого имущества, не включенные в составы разбоя. Кража как частный случай воровства либо прямо сформулирована в норме (§ 524, § 531), либо ответственность за нее устанавливается при отсутствии в воровстве повышающих общественную опасность обстоятельств. Так, в § 546 закреплено правило назначения наказания за воровство, согласно которому надлежит учитывать совершенно оно с «увеличивающими обстоятельствами, или произведено без таковых». Их конкретизация сформулирована в подразделах: 1. «За воровство без увеличивающих обстоятельств, или за кражу»; 2. «За воровство сопровождаемое увеличивающими обстоятельствами». То есть, к краже могло быть отнесено и тайное хищение, и открытое хищение, не содержащее обстоятельств, перечисленных в § 527.

Насилие при воровстве имело отличное от современного толкования содержание. Согласно § 528 оно состояло в: «1. Когда кто в дома или другие строения, во дворы, сады, или иные огражденные места входит, или пробирается через стены, крыши или другие затворы, или через подрывы земли. 2. Когда кто входит в оные. Употребляя ключи, крючья и другие для отпираания замков и задвижек приготовленные орудия, или тому подобные средства».

Несмотря на схожесть терминологии, в основе которой в Проекте сформулирован насильственный способ хищения, ее толкование позволяет разграничить разбой и насильственное воровство.

Разбоем признавалось нападение с открытой силою, опасной для потерпевшего (§ 513), то есть насилие в данном составе состояло в физическом воздействии со стороны преступника в отношении владельца имущества. При во-

ровстве насилие иное. Оно не содержит «открытой силы», а представляет собой формы незаконное вторжения в жилище, помещение, иное хранилище.

В Разделе II «О наказаниях за разного рода воровства» определяются меры наказания за: святотатство и воровство в церкви; воровство казенного имущества; воровство частной собственности. Ответственность дифференцировалась в зависимости от наличия или отсутствия обстоятельств, повышающих общественную опасность содеянного (§ 527).

Повышая ответственность за хищение казенного имущества, законодатель конструировал составы с учетом того, что виновный должен заведомо знать о принадлежности похищаемого государству (§ 542). Соотношение наказаний устанавливалось в следующем порядке: за «кражу казенную ниже 5 р. с частной от 5 до 20 рублей, и восходя постепенно так, чтобы за воровство казенное от 20 до 100 р. приходилось наказывать как за частное выше 100 р., а за высшее 100 р. по § 38». Наиболее строгое наказание для дворян состояло в разжалование и изъятие знаков отличия без лишения дворянства, с определением места жительства навечно в отдаленных губерниях. Для лиц, не имеющих чинов и дворянства – в телесном наказании кнутом и высылке на вечное поселение без клеймения.

Отделение пятое Проекта «О наказаниях за присвоение чужой собственности через обман» включало в себя раздел «Общие постановления» и «Разного рода обманы, подлежащие Уголовному Суду».

В § 552 было дано законодательное определение обмана, как способа незаконного завладения чужим имуществом или правом на него. Им признавалось «всякое деяние, через которое один пользуясь неведением, легковерием или неосмотрительностью другого, присваивал себе чужую собственность или права».

Виды обмана градировались по важности, определяя подсудность Уголовному или полицейскому Суду.

Обман как способ завладения имуществом не признавался воровством. Посредством обмана не крали, воровали, а присваивали имущество или право на него:

- По договорам и сделкам разного рода;
- По делам торговым и ремесленным;
- По злоупотреблению лиц, обязанных охранять собственность или права другого лица;
- По ложным банкротствам (§ 554).

С процессуальной точки зрения вызывает интерес положение документа о том, что уголовное преследование по факту причинения имущественного ущерба посредством обмана в Уголовном Суде осуществлялось «по предварительному признанию какого-либо действия обманым в суде Гражданском» (§ 557). По мнению И. Я. Фойницкого, «Этим правилом редакторы надеялись избавить уголовные суды от ябеднических исков об обманах, к нему нередко прибегает молодое законодательство»⁹⁶.

Отдельный вид обмана признавался кражей: «Ежели обман состоял в умышленной утайке или продаже чужой вещи заведомо об одной, то виновный подлежит тому же наказанию, какое определено за простое воровство» (§ 557 «Когда обман вменяется в кражу»).

В Проекте, как и в Артикуле воинском, данная глава объединяет в себе составы по способу совершения – обману, а не по видовой принадлежности преступлений. К присвоению чужого имущества посредством обмана законодатель отнес воровство (§ 557), уклонение от уплаты таможенных платежей (§ 560), причинение имущественного ущерба посредством заключения договора лицом, неспособным исполнить обязательства по нему (§ 564), ростовщичество (§ 565), присвоение вверенного имущества (§ 567, 568), ложное банкротство (§ 574) и др.

Понятие мошенничества не было сформулировано в Проекте. Присвоение чужой собственности через обман объединили в однородную группу имущественные преступления, экономические, а также служебные. Для всех них характерен обман как способ совершения преступления, а также причиняемый им имущественный ущерб. Разграничение между ними проходило по сфере реали-

⁹⁶ Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву: Сравнительное исследование. СПб., 1871. С. 71.

зации обмана: торговля, экономическая деятельность, служебная, бытовая сфера. Каждая из них предполагала особый род взаимоотношений между виновным и потерпевшим, например, стороны договора; сотрудник таможни и лицо, перемещающее товар через границу; опекуны и опекаемые несовершеннолетние, допуская возможность ситуаций, при которых виновного и потерпевшего на момент совершения преступления не связывали ни какие отношения.

Несмотря на то, что проект Уголовного уложения 1813 г., не был принят Государственным советом, он отразил в себе концепции уголовного права Общей и Особенной части того времени, впитавшие в себя как положения западного права, так и древнерусских памятников права.

В конце XVIII — первой четверти XIX в. проблема систематизации уголовного законодательства, наряду с упорядочением законодательства в целом, выдвинулась в число первоочередных вопросов развития юридической сферы деятельности российского государства. Важной вехой и составной частью этого процесса был проект Уголовного уложения 1813 г.⁹⁷.

С. А. Елисеев отдельно определяет значение положений о преступлениях против собственности в Проекте. Они получили реализацию в позднейшем российском уголовном законодательстве на всех этапах своего развития как правовых актах царской России, так в советских уголовных кодексах. Концептуальное решение проекта 1813 г. о делении похищений имущества на два основных вида (разбой и воровство) нашло отражение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», упразднившем состав грабежа. Исходные положения проекта 1813 г. о преступлениях против собственности оказались в той или иной мере пригодными для долгой жизни в российских уголовных законах⁹⁸.

Дополнительный материал: [Краткая характеристика Уложения 1813](#)

⁹⁷ Андрусенко О. В. Деятельность законодательных комиссий в 1800-1820 г.г. по систематизации уголовного законодательства России // Проблемы права. 2015. № 2 (50). С. 177.

⁹⁸ Елисеев С. А. Преступления против собственности по проекту Уголовного Уложения Российской Империи 1813 г. // Веснік БДУ. Сер. 3. 2014. № 1. С. 74.

8. Преступления против прав на имущество в Своде законов Российской Империи 1832 года

Продолжение работы в этом направлении получило свое закрепление в Своде законов Российской империи 1832 года (далее-Свод законов), в который вошёл раздел II книги XV тома – Свод законов о судопроизводстве по преступлениям⁹⁹.

М. М. Сперанский, признанный государственный деятель, основатель российской юридической науки стал фактическим руководителем Второго отделения – канцелярии для осуществления систематизации законодательства. Работа этой организации состояла не в создании новых законов, а упорядочивание ранее и ныне действующих: «Надлежало составить два свода: один исторический, в коем изложены законы со всеми их изменениями, другой свод законов существующих»¹⁰⁰.

Возобновленная Государственным советом с 1821 г. деятельность по упорядочиванию российского законодательства, имела «две пользы: 1) обнаружить их недостатки и показать, сколь неосновательными были представления тех, кои считали все оконченным; 2) оно подало повод к разрешению как в гражданских, так и в уголовных законах весьма важных вопросов». Михаил Михайлович называл свод одним из «образов составления закона», понимания под ним соединение разрозненных правовых актов по какой-либо части, расположенной в известном порядке: хронологическом или азбучном, или систематическом, когда законы расположены по предметам и по тому же плану, какой принят в Уложении¹⁰¹.

Такой формат систематизации российского законодательства, по мнению Г. Ф. Шершневеца, породил «сомнение в силе свода, возникшее уже при самом рождении последнего. Оно тяготеет над всей дальнейшей историей этого само-

⁹⁹ Свод законов о судопроизводстве по преступлениям // Свод законов Российской Империи. СПб., 1832. Т. XV. Кн. II.

¹⁰⁰ Сперанский М. М. О существе свода // Русская старина. 1876. № 3. С. 587–588.

¹⁰¹ Сперанский М. М. Предположения к окончательному составлению законов // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Фонд 731. Ед. хр. 996. Л. 3–4.

бытного явления, не только не ослабевая, но, напротив, все возрастая. Вопрос заключается в том: представляет ли собой Свод Законов только новую форму прежних законов, которая имеет силу лишь при условии соответствия, по содержанию, подлинному тексту этих законов, или же Свод Законов является новым законом, который отменяет собой силу прежних законов, послуживших материалом для его содержания?»¹⁰².

Согласимся с мнением ученых, отстаивающих позицию, что Свод законов Российской империи в первоначальной своей редакции включал в себя не новеллы законодательства, а представил действующее в систематизированном виде. «Общее распределение законов в составе свода соответствовало двум главным целям, которые желали достичь его созданием: сделать более удобным применение законов при производстве дел и дать средства к систематическому их изучению, так чтобы «те же законные книги, а не две системы разные, были основанием и в отправлении дел, и в учебном образовании»¹⁰³.

Исследователи документа отмечают, что положения свода законов о краже представляют собой не более как извлечение из истории предшествующего законодательства. В документе нашли отражение незначительные изменения исторического прошлого. В основу теоретических определений преступлений против имущества, в том числе и кражи, был положен Указ 1781 года «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях»¹⁰⁴.

Обращаясь к разделу X свода законов «О наказаниях за преступления против прав на имущество» свода законов уголовных¹⁰⁵, мы видим, что его структуру образуют следующие главы: 1. «О разбое», 2. «О зажигательстве», 3. «О воровстве», 4. «О подлоге в имуществах», 5. «О запрещенной азартной игре и запрещенных лотереях».

¹⁰² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1995. Т. 2. С. 59.

¹⁰³ Томсинов В. А. Создание «Полного собрания законов» и «Свода законов» Российской империи // Юридическое образование и юриспруденция в России в первой четверти XIX века. М., 2011. С. 263.

¹⁰⁴ Белогриц-Котляревский Л. С. О воровстве-краже по русскому праву: Историко-догматическое исследование. Киев, 1880. С. 223.

¹⁰⁵ Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая Павловича составленный. Законы уголовные. Свод законов уголовных. Спб., 1833.

Указ 1781 года «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях» по своему объему документ не большой, состоящий из 8 статей. Он открывается своего рода пояснительной запиской, в которой разъяснена причина его издания: «Встречаются в законах настоящих различные недостатки, неясности и неудобства особенно по делам уголовным... Из многих дошедших к нам дел и представлений видно, что подобные несходства оказываются при исследовании судом уголовного преступления воровства, нашли Мы за нужное относительно суда и взыскания по сему преступлению предписать до будущего соизволения Нашего следующие статьи»¹⁰⁶. Из чего следует, что основное предназначение Указа было дать легальное толкование действующих законодательных положений о воровстве.

Значение свода законов уголовных состояло в систематизации, соединении воедино действующих разрозненно в дополнение друг к другу законодательных актов, в которые были включены положения уголовного законодательства.

М. М. Сперанский в рассматриваемый период создает Руководство к познанию законов. В этом сочинении философско-правового содержания автор изложил своё видение истины, правды, законов нравственных и общественных. Сила закона, по мнению Михаила Михайловича, проявляется в обществе, в котором между людьми должен существовать нравственный порядок. Одним из установлений, на котором выстраиваются общественные отношения, признается собственность вещественная: «Собственность имущества есть власть над тем, что произведено или произведено нашими силами. Собственность имущества ограничивается первенством одержания и совершенную независимостью предмета, и получает вид и значение владения гражданского ... под защитой верховной властью». Без защиты властью эта собственность существовать не может¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Указ нашему Сенату «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях» 1781 г. URL:<https://viewer.rusneb.ru/ru> (дата обращения: 13.05.2025)

¹⁰⁷ Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 1845. С. 28-29.

Представленное выше извлечение из труда М. М. Сперанского позволяет раскрыть содержание объекта уголовно-правовой охраны раздела десятого Свода законов уголовных «О наказаниях за преступления против прав на имущество». Им следует признать собственность, объединяющую в себе имущество с правом на него, находящиеся под защитой государственной власти от действий третьих лиц.

Данный раздел открывается главой «О разбое». Его легальное толкование расширено в сравнении с текстом § 513 Проекта 1813 года: «Разбой есть нападение на какое-либо место, жительство, деревню, двор или какое-либо здание, для похищения имущества, произведенное открытою силою и с явною опасностью лица, насилием угрожаемого» (ст. 679). Как и ранее в основе этого преступления лежит нападение с целью хищения чужого имущества, однако, в Своде детализируется направленность нападения на – «место, жительство, деревню, двор или какое-либо здание». Это дополнение позволяет более точно разграничить такие способы хищения как открытое насильственное без нападения и с нападением с применением насилия. Нападение, как действие виновного лица, связано с определенным местом совершения хищения чужого имущества, которое не находилось при самом потерпевшем, а размещено в жилище, дворовых постройках или других местах. В момент владелец имущества мог присутствовать на месте преступления и тогда в его адрес высказывались угрозы применения физического насилия с целью обеспечить незаконное завладение чужим имуществом и устранения этому воспрепятствования с его стороны. Нападение носило открытый характер, то есть виновные не скрывали своих намерений в момент незаконного вторжения в жилище, хранилище или иное помещение.

Разбой, включенный в группу преступлений против прав на имущество, к воровству не был отнесен. Объяснение такому положению законодательства нами усматривается именно в специфике деяния – нападении. Ему подвергались деревни, дворы или здания, для похищения находящегося в них имущества. Формальная конструкция состава разбоя позволяла признать его окончен-

ным преступлением в момент нападения, изъятие имущества не входило в его объективную сторону. Воровство, признаваемое похищением, имело материальный состав. Различие в конструкции состава было критерием отграничения воровства от разбоя.

В современном российском уголовном законодательстве разбой также сконструирован по типу формального состава преступления. Несмотря на то, что уголовный закон относит его к хищению, не все теоретики встают на позицию законодателя, считая, что он формой хищения чужого имущества не является, так как в нем не предусмотрено изъятие предмета преступления. Мнение ученых по этому вопросу совпадает с позицией составителей Свода законов.

Подтверждение того, что Свод законов уголовных сконструировал разбой как формальный состав, можно найти, проанализировав положения ст. 681. В ней перечислены обстоятельства, повышающие наказание за разбой. Но в их перечень не входит стоимость похищаемого имущества, следовательно. Это имеет смысл, если изъятие имущества при разбое не является обязательным признаком объективной стороны.

В главе «О разбое» определены наказания для особого вида соучастников: становщиков и пристаносодержателей (ст.682). Согласно ст. 15 Свода законов уголовных к ним отнесены лица, организующие и (или) содержащие притон, стан, в которых собирались воры и разбойники (ст. 15). Нападение на жилище, а тем более деревню невозможно совершить единолично, спонтанно. Поэтому для разбойных нападений характерен групповой способ совершения, требующий предварительной преступной деятельности, которая формировалась на станах, что терминологически соответствует в современном языке притону.

По Указу 1781 года «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях»¹⁰⁸ устанавливались три вида воровства: воровство-грабеж, воровство-кража, воровство-мошенничество. Тожественное разделение воровства на виды имеет место в ст. 691 Свода законов

¹⁰⁸ Указ нашему Сенату «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях» 1781 г. URL:<https://viewer.rusneb.ru/ru> (дата обращения: 13.05.2025)

уголовных, что отражает принцип преемственности при составлении данного документа.

В ст. 690 Свода законов уголовных установлено терминологическое тождество между похищением чужой собственности и воровством. Воровство выражалось в трех формах: мошенничество, кража, грабеж. Оставлено без изменений классификация кражи и мошенничества на виды в зависимости от стоимости похищенного: 1) до 20 рублей; 2) от 20 до 100 рублей; 3) свыше 100 рублей.

Детализировано воровство данных форм на сумму похищенного менее 20 рублей: 1) до 5 рублей; 2) от 5 до 10 рублей; 3) от 10 до 15 рублей; 4) от 15 до 20 рублей. Этим видам воровства было дано наименование «маловажные» (ст. 695). Их совершение сельскими обывателями, как свободными людьми, так и крепостными подлежали рассмотрению Полицейскому ведомству, при условии их совершения первично, вторично или в третий.

Дела в отношении представителей дворянства, городских жителей по обвинению в совершении маловажной кражи подлежали рассмотрению Суду (ст. 696).

Для духовного сословия и дворянства закон не предусматривал дифференциацию наказания при «различии воровства-мошенничества и воровства-кражи ... по цене предмета, и по тому, в первый ли раз преступление учинено, или во второй или третий ... подвергать виновных одному и тому же наказанию» (ст. 697).

Определяя стоимость похищенного в качестве критерия разделения хищения на виды в ст. 700 Свода законов уголовных устанавливались правила ее исчисления. Похищенное имущество, в том числе, скот, серебряные, золотые монеты и другое оценивались через ассигнации по курсу, установленному Правительству в год совершения преступления. В отличие от рассматриваемого периода правило установления стоимости похищенного для квалификации содеянного в современном применении норм уголовного закона имеет не законода-

тельную регламентацию, а сформулировано в руководящих разъяснениях высшей судебной инстанции.

Законодательно определена форма возмещения ущерба потерпевшему. Она варьировалась в зависимости от «свойства украденного». Ассигнации выплачивались виновным потерпевшему в счет стоимости украденных вещей, скота, ассигнаций; «за российскую серебряную, золотую или медную монету, такую же монету, а червонцы, иностранную золотую или серебряную монету, таким же числом серебряных рублей, сколько оных по содержанию следовать будет».

В ст. 702 исследуемого документа приведено определение воровства-мошенничества. Оно объединило в своем содержании различные формы преступного поведения, результатом которых было причинение имущественного ущерба другому лицу. Мошенничеством признавалось воровство, которое имело исполнение в виде: карманной кражи в многолюдном месте; завладения вещью посредством обмана, вымысла или внезапно; у другого лица что-то отнять или унести; среза с одежды позумента (золотой, серебряной или мишурной тесьмы); срывания шапки; продажи поддельного товара, выдаваемого за настоящий; обмера, обвеса, иного обмана как способа присвоения чужого имущества.

Способами мошенничества признавались не только различного рода обманы, но и ловкость рук при изъятии имущества, открытое похищение посредством рывка шапки с головы потерпевшего, срезания нашивок с одежды. Давая оценку правовой природы мошенничества в Своде законов уголовных, И. Я. Фойницкий писал о её двойственности: «Постановления о мошенничестве составляют пласт русский, но он заметно опередил русскую жизнь указанием общей наказуемости всякого имущественного обмана, которое поэтому забывалось практикой; постановления о лживых поступках – пласт немецкий ...». При-

знаками воровства-мошенничества автор также называл предмет – «чужое движимое имущество, частное или казенное», цель – «корыстное намерение»¹⁰⁹.

Несмотря на различие способов хищения чужого имущества, объединённых в мошенничество, между ними существует, хоть и отдаленно, определённый элемент смежности. Обман, ловкость рук, внезапное действие по срезанию, срыву предмета как способы хищения с объективной стороны лишены критерия тайности. Они могут быть очевидны для потерпевшего, например, срывание шапки с головы, или неочевидны, например, карманная кража, обмер или обвес. Для таких способов характерно отсутствие временного промежутка между началом действия виновного лица по завладению чужим имуществом и осознанием потерпевшим, что в отношении него будет совершено преступление, в результате которого принадлежащее ему имущество будет изъято. Оно приходит к нему уже в процессе исполнения виновным хищения или по его окончании сразу либо по истечению времени. Именно данная характеристика, по нашему мнению, позволяет с объективной стороны усмотреть в различных, на первый взгляд, способах хищения элементы общности.

Воровство-кража в документе охватывает классическую ситуацию тайного завладения чужим имуществом, при котором определяющее значение отведено только объективному критерию тайности, то есть отсутствию в момент незаконного завладения чужим имуществом потерпевшего и третьих лиц (ст. 703).

Кроме тайного способа завладения имуществом к краже было отнесено присвоение переданного на хранение имущества и обращение в свою пользу находки без объявления об этом в надлежащем порядке. В отношении лица, объявившего находку, предусматривалось разрешение пользоваться вещью. При опознании вещи прежним хозяином требование о её возврате подлежало удовлетворению после уплаты «нашедшему установленную законами часть цены» (ст. 705).

¹⁰⁹ Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву: Сравнительное исследование. СПб., 1871. С. 73, 74.

В ранних исследованиях документа сформулирована позиция, что «из некоторых статей можно довольно решительно заключить, что для понятия кражи не требуется, чтобы вор похищал исключительно во имя личных целей: понятие кражи будет налицо, хотя бы вор имел ввиду и удовлетворение целей другого»¹¹⁰.

Автор делает отсылку на ст. 832, 833 Свода законов уголовных. В них содержатся положения не материального, а процессуального права, определяющие порядок доказывания, что обнаруженное у лица имущество является ранее похищенным.

В определении воровства-мошенничества составитель документа закрепил, что виновный в отношении полученного в результате обмана имущество имеет намерение его «себе присвоить без воли и согласия хозяина». Воровство-кража направлено на употребление виновным похищенного в свою пользу.

По нашему мнению, при буквальном толковании норм материального уголовного права об ответственности за воровство не обнаруживается обоснование того, что виновный может действовать при хищении чужого имущества в интересах иного лица, а не только собственных.

Вопросы ответственности за воровство-грабеж выделены в Отделение третье документа с одноименным наименованием. Легальная дефиниция этой формы хищения сформулирована в ст. 726.

Грабеж представлен в Своде законов уголовных открытым хищением на суше или на воде посредством нападения на потерпевшего под угрозой применения физической силы, в том числе с использованием орудия, а также под угрозой уничтожения имущества посредством поджога или потопа, или иного способа его уничтожения. Им также признается насильственное изъятие имущества в темноте, похищение одежды с потерпевшего, движимого имущества с повозок, корабля.

¹¹⁰ Белогриц-Котляревский Л. С. О воровстве-краже по русскому праву: Историко-догматическое исследование. Киев, 1880. С. 228.

При грабеже виновный «на кого либо нападет или остановит». Представляется, что нападение состоит в прямом физическом воздействии на потерпевшего с целью завладение его имуществом. Применение к нему психического насилия определяет содержание второго деяния. Высказывание одной из вышеперечисленных угроз должно воспрепятствовать передвижению потерпевшего и принудить его к передаче вещей грабителю.

Употребление при конструировании составов грабежа и разбоя термина «нападение», образует их смежность, требующую уяснения специфики каждой их форм незаконного завладения чужим имуществом.

Как было отмечено ранее, составитель исследуемого правового акта, поместив разбой в разделе «О наказаниях за преступления против прав на имущество», не включил его в главы о воровстве. Следовательно, грабеж – это открытое насильственное или ненасильственное хищение, а разбой – иное насильственное преступление против прав на имущество.

Исследовав положения документа, относящиеся к регламентации ответственности за разбой и грабеж, мы выделяем следующие критерии разграничения: 1) грабеж как хищение направлен на носителя имущественных прав и владельца имущества; разбой состоит в нападении на жилище, деревню, двор, иное здание; 2) грабеж может быть как насильственным, так и ненасильственным; разбой исполняется только посредством открытой силы; 3) грабеж может быть совершен как единолично, так и в группе; законодательно предполагается, что нападения при разбое совершаются «виновными» (ст. 680), которые собирались на станах, держатели которых признавались соучастниками разбоя; 4) насилие при грабеже по степени опасности не создавало угрозу жизни, а только являлось способом срывания одежды с потерпевшего, вещей с повозок, с корабля; насилие при разбое порождало угрозу жизни потерпевшего, поэтому одним из квалифицированных видов разбоя закреплялся разбой, сопряженный со «смертоубийством».

Таким образом, проанализировав данные положения и проводя соотношения с текстом современного уголовного закона, мы приходим к заключению,

что разбой в Своде законов уголовных имеет больших смежных черт с нападением при бандитизме (ч. 2 ст. 209 УК РФ), чем с деянием, описанным в ст. 162 УК РФ.

В следующей главе «О подлоге в имуществах» содержится ряд составов преступлений, объединённых в общую группу по действиям виновных лиц при переходе имущества, прав на имущество, на совершение которых они не имели право. Ответственность за них устанавливалась вне положений закона о воровстве. Однако само наименование главы определяло направленность преступных действий.

Она включала составы, которые в нынедействующем уголовном законодательстве расположены в различных разделах. Отдельные из них соответствуют преступлениям против собственности, другие – преступлениям в сфере экономической деятельности.

В ст. 728 документа уголовная ответственность устанавливалась за «за подложно составленную от лица другого крепость, за насильственное принуждение к подписанию оной...». Крепость в лексическом толковании того времени означала документ, подтверждающий право на владение какой-либо собственностью, аналог современному Свидетельству о праве собственности. По сути, в тексте статьи описан конкретный случай современного мошенничества по приобретению права на чужое имущество, а также можно усмотреть признаки принуждения к заключению сделки или вымогательства.

Современная форма мошенничества усматривается в описании деяния в ст. 731: «Кто проданное прежде имение продаст в другой раз...». «Имением» в устаревшем значении называли имущество, собственность. В настоящее время предметом выступает объект недвижимости, чаще всего продажа одной квартиры двум собственникам или сдача в аренду жилья нескольким арендодателям одновременно.

В исследуемой главе установлена ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытое преступным путем (ст. ст. 733, 734). Выделяя их в самостоятельные составы, законодатель, одновременно наравне с обя-

занностью виновных лиц возместить ущерб хозяину имущества предусматривает его передачу Уголовному Суду как «участника в похищении или обмане» (при продаже) или как «участника в подлоге или похищении» (при покупке краденного).

В главу «О подлоге в имуществах» выделялись такие отделения, как: «III. Подлог по займам и взятии лихвенных процентов; IV. Подлог по займам, обеспеченным залогом; V. Подлог по духовным завещаниям; VI. Подлог в издании чужих сочинений под своим именем; VII. О подложной несостоятельности».

Большинство составов этих групп имеют исключительно экономическую направленность, при которой ущерб причиняется в результате обмана в процессе оформления заёма, установления завышенных процентов по займам, ложного банкротства.

В действующем УК РФ отсутствует основание уголовной ответственности за ростовщичество. Однако в Уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 годов оно предусматривалось. Объектом ростовщичества признавалось чужое имущество, понимаемое так же, как и при мошенничестве и вымогательстве, в смысле не только конкретного имущества, но и имущественных прав и выгод. Имущественные выгоды могли выражаться в выговоренном виновным праве на получение чрезмерных процентов¹¹¹.

П. А. Скобликов включает ростовщичество в инфраструктуру профессиональной преступности. Оно «заключается в приобретении имущества посредством противозаконной эксплуатации потерпевшего, в получении имущественной выгоды посредством ссуды капитала в рост за чрезмерные проценты с использованием тяжелого экономического положения потерпевшего»¹¹².

Признаем суждение автора справедливым в части, а именно, что «в действующем УК РФ последние лет наблюдается тенденция смягчения и полного освобождения от ответственности лиц, со стороны которых имеет место факти-

¹¹¹ Исаев М. М. Уголовное право. Особенная часть. Имущественные преступления. М., 1938. С. 61.

¹¹² Скобликов П. А. Уголовно-правовое значение профессионализации преступной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 12 (145). С. 17.

ческий, криминологический либо даже уголовно-правовой рецидив преимущественно корыстных преступлений»¹¹³.

По нашему мнению, ростовщичество в современной России приобрело значительное распространение. Отдельной нормы, устанавливающей ответственности за него в УК РФ 1996 года нет. Лица, осуществляющие этот вид преступной деятельности, привлекаются к ответственности за незаконное предпринимательство, незаконную банковскую деятельность либо переносят рассмотрение спора в гражданско-правовую сферу.

Кредиторы злоупотребляют принципом свободы договора при заключении соглашения о выдаче кредита. Об этом в одном из своих решений указал Верховный Суд РФ: «Принцип свободы договора, закрепленный в статье 421 Гражданского кодекса РФ, не является безграничным. Сочетаясь с принципом добросовестного поведения участника гражданских правоотношений, он не исключает оценку разумности и справедливости условий договора, - отметили судьи. - Условия договора не могут противоречить деловым обыкновениям и не могут быть явно обременительными для заемщика. Таким образом, встречное предоставление не может быть основано на несправедливых договорных условиях, наличие которых следует квалифицировать как недобросовестное поведение»¹¹⁴.

Ростовщичество как форма злоупотребления профессиональным участником банковской сферы, так и общим субъектом обладает спецификой, выделяющей этот вид преступной деятельности в самостоятельное посягательство. Поэтому, мы считаем, целесообразным и отвечающим задачам борьбы с преступностью в экономической сфере криминализировать ростовщичество.

В следующей главе документа признавалось преступным составление фальшивых завещаний (ст. 741). В современном правоприменении квалифика-

¹¹³ Скобликов П. А. Уголовно-правовое значение профессионализации преступной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 12 (145). С. 20.

¹¹⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда от 26 марта 2016 года по делу № 83-КГ16-2. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29032016-n-83-kg16-2/> (дата обращения: 27.05.2025)

ция такого деяния у специального субъекта-нотариуса может быть проведена по ст. 202 УК РФ, у общего субъекта – по ст. 159 УК РФ.

Уже в то время государство вставало на защиту авторских и смежных прав, предусматривая ответственность за издание чужого произведения под своим именем или продажу автором своей рукописи, права на издание нескольким лицам «без взаимного их согласия» (ст. 742). Данные деяния были отнесены к преступлениям против прав на имущество. Этот подход не был поддержан современным уголовным законодательством, в котором нарушение авторских и смежных прав помещено в раздел «Преступления против личности» главу «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина».

А. А. Жиженко отметил, что в любом законодательстве, особое место по своему социальному значению занимает обширная группа преступлений, именуемых имущественными. К ним примыкает группа преступлений, направленных против исключительных прав. «Правовыми благами являются, с одной стороны, имущество в собственном смысле, с другой, нематериальные блага, имеющие отчасти личный, отчасти имущественный характер: это – проявление интеллектуального творчества человека (авторство)»¹¹⁵.

В настоящее время ряд ученых предлагают выделить отдельную главу или раздел «Преступления в сфере интеллектуальной собственности»¹¹⁶, в которой бы нашли свое закрепление эти преступления.

Данная позиция приобретает актуальность в связи с увеличением числа составов по охране этого вида собственности. Они расположены как в группе преступлений против личности, так и в сфере экономике. Важность и специфика этого объекта уголовно-правовой охраны позволяет определить его в качестве самостоятельного основания для отдельного структурного элемента Особенной части УК РФ.

¹¹⁵ Жиженко А. А. Преступления против имущества и исключительных прав. Ленинград, 1928. С.5.

¹¹⁶ Например, Шульга А. В. Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества. М., 2007. С. 201; Титов С. Н. Уголовно-правовое обеспечение охраны интеллектуальной собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 8–9.

В главе второй «О зажигательстве» установлена ответственность за уничтожение имущества путем поджога. Она дифференцируется в зависимости от содержания субъективной стороны и роли лица в преступлении. Наказанию подлежат лица, совершившие это деяние умышленно или по неосторожности. В первом случае определено наказание «кнутом и ссылка на каторжные работы» (ст. 685). Такому же наказанию подлежали: 1) помогавшие поджигателям; 2) те, кто, узнав о намерении поджога, об этом не донесут заблаговременно и тем допустят привести его в исполнение (ст. 686).

За неосторожный поджог имущества наказание не конкретизировалось. Этот вопрос был отдан на усмотрение суда «соразмерно вины» (ст. 688).

Лицо, совершившее пожар «нечаянно», ответственности не подлежало (ст. 689). Описание этой ситуации указывает на отсутствие как умысла, так и неосторожности в психической деятельности лица в момент совершения действий, приведших к возгоранию имущества. Представляется, что термин «нечаянно» в законодательстве рассматриваемого периода определял невиновное причинение вреда, то есть ситуацию, при которой человек не мог и не должен был предвидеть общественно опасный результат своих действий.

Преступным признавалась угроза поджога во время ссоры или в алкогольном опьянении, которая впоследствии не была реализована, а также недонесение об этом лицом, «кто слыша таковы слова, не донес об оных» (ст. 687). В действующем уголовном законодательстве России угроза уничтожения имущества не имеет самостоятельного значения в качестве основания уголовной ответственности. Она выступает способом преступлений как против собственности, например, вымогательство либо против личности, например, понуждение к действиям сексуального характера.

Завершает раздел «О наказаниях за преступления против прав на имущество» глава пятая «О запрещенной и азартной игре и запрещенных лотереях». Она включает в себя два состава соответственно её наименованию.

Признавая права на имущество объектом уголовно-правовой охраны в разделе десятом Свода законов уголовных, законодатель включил в него пять

глав. В каждой из них закреплены составы преступлений, устанавливающие основания уголовной ответственности за причинение имущественного вреда в той или иной форме. Имущественные права выступали основным объектом. Иные общественные отношения, воздействие на которые приводило к имущественному вреду, играли роль дополнительного. В качестве таковых выступали: жизнь, здоровье, неприкосновенность жилища при разбое; здоровье при грабеже; общественные отношения по договору займа при его подлоге; авторские и смежные права при их присвоении и незаконном использовании и др.

Таким образом, раздел десятый Свода законов уголовных объединил в себе как общеуголовные корыстные преступления против собственности, так и ряд экономических преступлений, посягающих на вещную и интеллектуальную собственность.

Дополнительный материал: [Свод законов Российской Империи 1832 года](#)

9. Простые и квалифицированные составы преступлений против собственности в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года

Следующим шагом в развитии уголовного законодательства России стали разработка и принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (далее – Уложение 1845 года)¹¹⁷. Текст документа предварял Указ Правительствующему Сенату. В нем признавалось, что исполнение Законов Уголовных есть «одно из вернейших ручательств благоустройства общественного и спокойствия частных лиц».

Перед составителями Уложения 1845 года была поставлена задача при работе над документом не отступать от основных начал отечественного законодательства, чтобы «все как важнейшие, так и менее важные преступления и проступки были определены в нем с большую, удовлетворительнейшую против прежнего точностью и означены не только разные их степени, но и обстоятельства, которые увеличивают или уменьшают вину подсудимого, и чтобы за каждое противозаконное деяние было положено соответствующее ему, соразмерное со свойствами его, наказание или взыскание, дабы через то устранился, по возможности, всякий произвол при произнесении приговора, и обвиняемые были подчинены одному прямому действию закона»¹¹⁸.

Сформулированное выше правило работы над законодательным актом должно было устранить существовавшее в предшествующих документах положение о назначении наказания по усмотрению суда, так как в отдельных случаях оно порождало судебский произвол в этом вопросе.

Уложение 1845 года в зависимости от общественной опасности преступного деяния разделяло его на преступление и проступок.

¹¹⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.

¹¹⁸ Указ Правительствующему Сенату. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.

Преступлением признавалось всякое нарушение закона, которое посягало на неприкосновенность прав Власти Верховной и установленных ею властей, или же на права и безопасность общества или частных лиц (ст. 1).

В основе уголовного проступка лежало нарушение правил, предписанных для охраны определенных законом прав и общественной или же личной безопасности или пользы (ст. 2).

Согласимся с тем, что «основными критериями, разграничивающими преступление и проступок, являлись объект посягательства и вид нарушаемой нормы. В последнем случае речь идет о принципе построения системы Особенной части Уложения. В ней по убывающей закреплялась иерархия охраняемых уголовным правом социальных ценностей»¹¹⁹.

В наименованиях разделов Особенной части документа законодатель включал указание на вид преступного деяния. В отношении наиболее ценных объектов уголовно-правовой охраны проступки не выделялись, например, в преступлениях против веры (разд. I), в преступлениях государственных (разд. III).

Название иных разделов содержало указание, как на преступление, так и на проступок, например, «О преступлениях и проступках против порядка управления» (разд. IV), «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» (разд. V).

В исследуемом правовом акте составы данной группы разделены на святотатство (хищение церковного имущества), преступления против имущества и доходов казны, преступления против собственности частных лиц.

Церковное воровство на протяжении всей предшествующей истории развития уголовного законодательства России признавалось квалифицированным видом хищения, обладающим наибольшей общественной опасностью наравне с хищениями, сопряженными с лишением жизни потерпевшего. В этом вопросе Уложение 1845 года проявило преемственность, не допустив уголовно-

¹¹⁹ Логецкий А. А. Преступление и проступок в уголовном праве XIX – начале XX веков: автореф. ... дис. к.ю.н. М., 2003. С. 12.

правовую оценку хищения церковного имущества как проступка, отнеся преступные деяния этого вида исключительно к преступлению. Они помещены в раздел второй «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений» глава четвертая «О святотатстве, разрытии могил и ограблении мертвых тел».

Для обозначения хищения церковного имущества был использован термин святотатство – «всякое похищение церковных вещей и денег, как из самих церквей, так и из часовен, ризниц, и других постоянных и временных церковных хранилищ, хотя бы они находились вне церковного строения» (ст. 241).

Повышение ответственности предусматривалось за квалифицированные виды: 1) святотатство, соединенное с оскорблением святыни; 2) святотатство, соединенное с насилием; 3) святотатство, соединенное с взломом.

Разграничение оснований уголовной ответственности за церковное похищение проводилось по предмету преступления: священные предметы (крест, Евангелие, мощи и др. (ст.243); освященные вещи, используемые при богослужении (ст. 246); неосвященные вещи, используемые при богослужении (ст. 247); деньги из столбов, выставленных с образами или крестами для сбора на церковь (ст. 249).

Особенность предмета преступления, в части его принадлежности к церкви, должна была осознаваться виновным лицом, для привлечения его к уголовной ответственности за святотатство. Совершение хищения предметов из церкви или иных мест богослужений свидетельствовало об осознании виновным принадлежности похищаемого имущества, так как имело место «в таких обстоятельствах, которые не дозволяли бы в том сомневаться».

В рассматриваемый временной период сбор денег при церквях и часовнях осуществлялся не только на церковь, но и на оказания помощи бедным, иным благотворительным целям. Именно в этих ситуациях требовалась правильная уголовно-правовая оценка содеянного, так как наказание дифференцировалось в зависимости от принадлежности имущества. Похищение пожертвований в пользу бедных приравнивалось к воровству-краже, как преступлению против

собственности частных лиц. Такая же правовая оценка должна была быть дана действиям виновных в похищении «денег на церковь собираемых, если доказано, если они не знали об истинном предназначении сего сбора» (ст. 254).

Во многих статьях главы «О святотатстве, разрытии могил и ограблении мертвых тел» деянием признается «похищение». Святотатство – это всякое похищение. Однако в ст. 241 его виды не определены. Классификация «по видам сего преступления и сопровождавшим оною обстоятельствам» мы находим в разделе двенадцатом «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц» главе третьей «О похищении чужого имущества» в ст. 2128. Такими признавались разбой, грабеж, воровство-кража, воровство-мошенничество.

Для обозначения форм хищения, при конкретизации в отдельных статьях исследуемой главы оснований уголовной ответственности за святотатство и наказания за него, законодатель использовал различную терминологию: 1) насильственный грабеж – «насильственное ограбление», «ограбление с насилем» без убийства и увечья лица, к которому было применено физическое воздействие в процессе преступления (ст. 242); тайное хищение – «покража денег» (ст. 249); присвоение вверенного имущества – «присвоение денег от кого-либо данных на свечи или вообще на церковь..., но еще в имущество церковное или монастырское не поступивших...» (ст. 251).

Проводя сравнительный анализ текстов статей 242 и 243, мы усматриваем в каждом из них наличие квалифицирующего обстоятельства – незаконного проникновения в церковь. Однако его терминологическое обозначение не совпадает. Для насильственного грабежа употреблено словосочетание «с насилем ворвавшимися в оную (церковь) людьми». В ст. 243 установлена ответственность за похищение священных предметов с взломом из церкви или церковной ризницы. Представляется, что «взлом» относится к ненасильственному проникновению в помещение церкви, а, следовательно, логично прийти к заключению, что хищение в этой ситуации могло быть совершено либо тайно, либо открыто без применения насилия.

В составах святотатства мы не находим насилия опасного для жизни и здоровья потерпевшего в качестве способа совершения хищения церковного имущества. Насилие при грабеже в составах данной группы не предусматривает наступления смерти или увечья.

Вновь обращаемся к разделу двенадцатому «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц» главе третьей «О похищении чужого имущества», но уже к ст. 2130. В ней установлена ответственность за разбой в церкви. Согласно положению ст. 2029, под разбоем понимается «всякое на кого либо для похищения принадлежащего ему или находящегося у него имущества нападение, когда оно учинено открытую силою с оружием, или хотя и без оружия, но сопровождалось или убийством или покушением на него, или же нанесением увечья, ран, побоев, или же других телесных истязаний, или такого рода угрозами или иными действиями, от которых представлялась явная опасность для жизни и здоровья, или свободы лица или лиц, повершихся нападению».

Способом разбоя признавалось насилие опасное для жизни или здоровья или угроза такого насилия, которые могли сопровождаться использованием оружия или без такового. В качестве последствий деяния при разбое предусматривались смерть, телесные повреждения.

Объективная сторона данного состава включала в себя также иные, не конкретизированные действия, способные создать явную опасность для жизни, здоровья или свободы потерпевшего.

Легальная формулировка разбоя в церкви содержит следующее выражение: «даже когда при том не было прямого святотатства, или и покушения на оное...». Она лишена однозначного толкования. Смысловая нагрузка допускает признание разбоем в церкви только хищение имущества физических лиц, в обоснование такой позиции можно привести расположение нормы в разделе «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц». Однако служебная частица «даже», по нашему мнению, в тексте статьи употреблена в значении «в том числе». Что указывает на двоякость ситуации, при которой

разбой в церкви относим и к святотатству (похищению церковного имущества), покушению на него, а также к хищению вещей частных лиц.

Для сравнения приведем конструкцию состава грабежа в церкви: «За грабеж, учиненный в церкви, когда при том не было святотатства и оскорбления святыни...» (ст. 2140). Отсутствие в ней частицы «даже» однозначно исключает святотатство. В этом нет необходимости, так как в отличие от разбоя в церкви, ответственность за «насильственное ограбление», «ограбление с насилием», совершенные в церкви или часовни с целью хищения церковного имущества, установлена в статье главы «О святотатстве разрытии могил и ограблении мертвых тел». Санкция в ст. 242 строже, чем в ст. 2140. Грабеж-святотатство предусматривал наказание до 15 лет каторжных работ, а насильственное похищение в церкви личной собственности – до 12 лет.

Разбой, соединенный с причинением смерти или увечий, предусматривал в санкции статьи лишение всех прав состояния и ссылку на каторжные работы без срока. Строгость наказания свидетельствует о высокой общественной опасности содеянного, которая, по нашему мнению, не меняет своего содержания относительно направленности действий на личное или церковное имущество, при условии совершения преступления в церкви. Объектом преступления выступает не только собственность в любой своей принадлежности, но и жизнь, и здоровье священнослужителей и прихожан. Законодатель установил единое основание уголовной ответственности за разбой в церкви, так как дал тождественную оценку общественной опасности разбою-святотатству и разбоем в церкви.

Одновременная защита собственности, жизни, здоровья, личной свободы обосновывает более строгое наказание даже в сравнение с посягательством на жизнь, при котором убийство «учинено для ограбления убитого» (ст. 1924). Оно предусматривало наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылку на каторжные работы от 15 до 20 лет.

Название главы «О святотатстве, разрытии могил и ограблении мертвых тел» отражает её содержание тремя группами преступлений: 1) похищение цер-

ковного имущества; 2) разрытие могил без цели хищения; 3) похищение имущества с мертвых тел.

В ст. 256 ответственность устанавливалась за разрытие могил. Субъективная сторона определяла преступность деяния одной из установленных в норме целей: ограбление мертвых тел либо поругание над погребенными. Двойственность правовой природы данного состава порождена объединением в один альтернативный состав деяния, направленного на завладение имущества, находящегося на теле умершего, и, действия, оскорбляющее чувства верующих о почитании покойных. Объяснение такой юридической конструкции состава мы видим в определении важности общественных отношений, охраняемых уголовным законом в данной норме. Умышленное разрытие могил при наличии одной из указанных выше целей представляет собой общественно опасное деяние против веры. Поэтому именно её законодатель признал основным объектом уголовно-правовой охраны в составе, предусмотренном в ст. 256.

В УК РФ ответственность за похищение имущества из могил прямо не предусмотрено. Аналогию со ст. 256 Уложения 1845 года можно провести со ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения». Объектом состава в действующем уголовном законодательстве выступает общественная нравственность, неотъемлемой составляющей которой является почитание памяти покойных.

В процессе исследования мы не нашли судебной практики по квалификации хищения вещей из разрытой могилы. В теории по этому вопросу позиции расходятся.

З. А. Незнамова усматривает в хищение предметов из могилы, равно как хищение цветов и венков совокупность преступлений, предусмотренных ст.244 и ст.158 УК РФ¹²⁰.

С позиции Ю. М. Ткачевского вещи, положенные в гроб, не обладают правовым признаком предмета хищения, так как «являются ничейным имуще-

¹²⁰ Незнамова З. А. Виды преступлений против общественной нравственности // Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко и др. М., 2001. С. 482.

ством». Прежний собственник мертв, в связи с чем прекращается его правоспособность. Потенциальные наследники или иные лица фактически отказались от прав на эти предметы, предав их тлению или кремации. Поэтому, считает автор, что «завладение ими считается не кражей, а надругательством над телом умершего и местом его захоронения»¹²¹. Такой подход в правовой оценке анализируемого состава соответствует положению ст. 256 Уложения 1845 года.

С одной стороны, незаконное завладение предметами из раскопанных могил с корыстной целью терминологически неправильно включать в действия по надругательству над телами умерших, так как их совершение имеет различную психическую направленность. С другой стороны, правоприменение по квалификации и имущественных преступлений, и фактов «некрофилии» по ст. 244 УК РФ, обосновано признанием законодателем в качестве основного непосредственного объекта общественную нравственность.

Уголовное законодательство продолжило свое развитие по пути разделения ответственности за хищение государственного имущества и имущества частных лиц. В Уложении 1845 года, начиная с первой редакции, предусмотрены раздел седьмой «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны», раздел двенадцатый «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц».

Раздел седьмой означенного правового акта включает в себя девять глав. Из его названия можно определить содержание общественных отношений, находящихся под уголовно-правовой охраной: государственная собственность и экономические интересы государства.

Основные правила уголовно-правовой квалификации имущественных преступлений этой группы и определения наказания за них установлены в первой главе «Общие положения». На её основе можно сформулировать вывод, что разделение составов преступлений против казенной собственности и собственности частных лиц проводится только по ситуациям, имеющим специфические

¹²¹ Ткачевский Ю. М. Преступления против общественной нравственности // Курс уголовного права. Особенная часть. Том 4. М., 2002. Гл. IV. § 5. С. 456.

особенности объективной стороны преступления, вытекающие из предмета – казенного имущества.

При отсутствии таковых похищение казённой собственности влекло за собой для виновных те же наказания, что установлены за «похищение собственности частной и с таким же разделением по роду похищений, совершенного посредством разбоя, грабежа, воровства-кражи, воровства-мошенничества, или утайки, и по обстоятельствам то преступление сопровождающим» (ст. 581). Подробнее данную группу составов проанализируем далее. Вначале остановимся на составах, в которых предметом преступления выступало государственное имущество.

Входящие в раздел седьмой главы выделены по видам нарушений отдельных Уставов, в которых устанавливались правила осуществления стратегически значимых видов экономической деятельности, разрешение на ведение которых выдавалось государством, и обращения с казенным имуществом: глава вторая «О нарушении Уставов монетных», глава третья «О нарушении Уставов о гербовой бумаге», глава четвертая «О нарушении Уставов горных», глава пятая «О нарушении Уставов о соли», глава шестая «О нарушениях Постановлений по питейному сбору и акцизу», глава седьмая «О нарушении Уставов о выдаче и продаже табака», глава восьмая «О нарушении Уставов таможенных», глава девятая «О нарушении Уставов о казенных лесах». Практически в каждой из них предусмотрена ответственность за хищение.

Как показал анализ положений раздела седьмого, критерием для установления самостоятельных составов незаконного завладения казенным имуществом выступали предметы, добыча и обращение которых происходило под государственным контролем.

В ст. 632 (гл. 4) предметом хищения выступали драгоценные камни, золото, серебро или платина. Ответственность предусматривалась для исполнителей, а так же для подстрекателей и пособников кражи. Ссылочная санкция нормы для определения наказания направляла правоприменителя к санкции ст. 623 той же главы, уравнивая ответственность между хищением этих предметов и их

незаконную разработку. Объективная сторона преступления состояла в тайном похищении драгоценных камней при разработке приисков, – золота, серебра, платины при разработке руд, промывании песка.

Следует признать обязательным признаком объективной стороны время совершения преступления – период разработки приисков, руд или во время промывания песка. Этот признак объективной стороны предопределяет особую характеристику предмета. Он посредством труда человека уже добыт из естественной среды, однако не прошел учет и не был клеймен. Именно в таких случаях добытые предметы не поступают в доход государства, в связи с чем, этими действиями наносится имущественный ущерб.

В ст. 632 деяние определено как кража. Однако у нас есть ряд возражений относительно правильности такой законодательной оценки. Во-первых, если в основе похищения лежит изъятие из фондов собственника, то в этой ситуации добытые предметы еще не поступили в фонды собственника. Они обращаются в пользу виновного до этого момента. Во-вторых, незаконное завладение драгоценными камнями, золотом, платиной или серебром, по нашему мнению, происходит посредством злоупотребления добывающим лицом права, соединенного с обманом выполнения такой работы. Государство или частный владелец рудника доверяет работнику выполнять обязанность по сдаче добытого в процессе смены камня или металла в фонды собственника. Последний злоупотребляя доверием, обращает добытое в свою пользу, одновременно применяя пассивный обман, состоящий в умолчании о добытых предметах. Между тем представленную критику можно признать оправданной только частично, так как использование термина кража в рассматриваемом составе не употреблено в значении, относящемся воровству. В данном документе в форме хищения они соединены в одно понятие – кража-воровство, а в ст. 632 законодатель наделил смысловой нагрузкой «кражу» как действие по неправомерному обращению драгоценных камней и металлов при их добыче и разработки рудника.

В современном законодательстве подобные деяния можно отнести к одному из нарушений правил сдачи драгоценных металлов и драгоценных кам-

ней, при условии установления крупного размера в содеянном, например, в ст. 192 УК РФ.

Из нарушений Уставов горных исключены описанные выше деяния, совершенные в отношении «золота, серебра, платины, иных металлов уже заклепанных и хранящихся в домах, конторах или других местах». Их похищение из указанных мест квалифицируется и наказывается как воровство-кража частной собственности согласно положениям раздела двенадцатого. Данное разграничение выступает дополнительным обоснованием позиции того, что деяние в ст. 632 Уложения 1845 года логично отнести к преступлениям против доходов казны, а не против государственного имущества.

Хищение иных металлов с заводов и фабрик по их добыче также отнесено к группе преступлений против собственности частных лиц (ст. 645). Такой законодательный подход объясним тем обстоятельством, что иные металлы не относились к стратегическим ресурсам, что предопределяла иные правила их разработки и добычи, а также снижение общественной опасности действий по их нарушению.

В главе пятой «О нарушении Уставов о соли» преступлением признавалась «покража или тайная продажа соли из варниц и анбаров людьми заводчика без его ведома...» (ст. 662). Как отмечают историки, соль на протяжении долгого времени русской истории была одним из самых дорогих и почитаемых продуктов. Добыча этого жизненно важного минерала представляла технически сложный и длительный процесс. Вплоть до XIX в. соль получали преимущественно по старинной технологии – путем выпаривания на огне из рассолов – природной минеральной или морской воды¹²².

«Покража из варниц» состояла в деянии, совершаемом в процессе получения соли при её выпаривании. Готовый продукт незаконно обращался работником в свою пользу или без ведома заводчика тайно продавался им с места

¹²² Соколова А. Без соли и стол кривой: соляная варница в собрании Исторического музея / Исторический музей. URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=3437> (дата обращения: 3.06.2025)

выпаривания или хранения. В результате чего причинялся имущественный ущерб собственнику соляных «варниц и анбаров».

Субъектом такого деяния признавались «люди заводчика». Виновные подлежали наказанию за «воровство-кражу, учиненную домашними», предусмотренную в ст. 2151 главы двенадцатой.

Кража драгоценных металлов и соли в процессе их добычи и получения фактически отлична от действий, образующих хищение собственности частных лиц, однако, юридически они уравнены. Прямое указание в законе на их правовую оценку в качестве воровства-кражи позволило сформировать для правоприменителя единообразный подход при квалификации таких деяний.

Глава девятая седьмого раздела Уложения 1845 года открывается Отделением первым «О наказаниях и взысканиях за похищение и самовольную порубку казенного леса». В нем установлена ответственность за похищение и самовольную порубку казенного леса (ст. ст. 941, 943). Виновные в похищении подвергаются наказанию согласно санкции уголовно-правовой нормы за «воровство-кражу без увеличивающих вину обстоятельств согласно ст. 2159.

В примечании к ст. 941 установлены условия, исключаящие преступность деяния, описанного в данной статье: «Не считается похищением казенного леса, когда порубка сделана в нем государственными крестьянами, имеющими право на отпуск им леса от казны безденежно, если они вырубят не свыше годовой пропорции и в участке, назначенном для рубки, когда она сделана ими после первого ноября и ими за два месяца до того была подана куда следует об отпуске леса просьба, оставшаяся без разрешения». Только в своей совокупности, включенные в примечания требования, указывали на отсутствие основания для привлечения лица к уголовной ответственности за похищение казенного леса.

В отдельной норме предусмотрена ответственность за посягательства в отношении специального предмета – саженные и сеяные дубовые леса. Дубовые леса в XIX веке в России имели важное экономическое и экологическое значение. Их ценность была связана с интенсивной эксплуатацией, которая

привела к сокращению площадей дубовых насаждений и изменению их состояния. Огромное количество лучших деревьев дуба вырубали для нужд градостроения. В отличие от Западной Европы, где из-за дефицита древесины массовый переход на использование камня в градостроении произошел еще в раннем средневековье (V–VII вв.), в России древесина в качестве основного строительного материала использовалась вплоть до конца XIX в.¹²³.

Поэтому для восполнения освоенных дубовых насаждений активно проводились работы по высаживанию саженцев и посеву желудей. В результате наравне с естественным лесным массивом, существовали значительные площади искусственных дубовых насаждений. Лесоразведение входило в ведение Лесного департамента. Эта деятельность оплачивалась за счет казны, поэтому преступление было включено в группу против имущества и доходов казны.

В отличие от положений современного уголовного законодательства в тот период предметом хищения выступали как естественные, так и искусственно высаженные лесные насаждения.

Законодатель разграничил ответственность за похищение и самовольную порубку казенного леса. Смежность составов определяется тождественностью деяний, так как похищение леса включает в объективную сторону самовольную порубку. Однако если похищение леса предполагало обращение в пользу виновного срубленных деревьев, то самовольная порубка совершалась без их вывоза (ст. 943).

В ст. 944 предусматривалась ответственность за отказ самовольных порубщиков «по первому требованию лесной стражи» прекратить свои действия или при поимке за оказанное сопротивление с применением насилия или без такового. Данное законодательное положение дает основание для вывода о том, что в силу повышенной общественной опасности похищения казенного леса, стадия покушения на него, состоящая в порубке деревьев, признавалась окончательным преступлением – самовольной порубкой. В отличие от похищения мо-

¹²³ Царалунга В. В. Трагедия российских дубрав // Лесной журнал. 2005. № 6. С. 26.

ментом её окончания было прекращение таких действий вследствие их пресечения лесной стражей или по другим причинам.

Особенность самовольной порубки как преступления заключается в том, что чаще всего она совершалась с участием нескольких человек, выполняющих большой объем физической работы по рубке и вывозу деревьев. Случаи, когда крестьяне отправлялись в лес чуть ли не всеми семействами, отмечались на протяжении всего дореволюционного периода в самых разных частях империи¹²⁴.

Это обстоятельство было учтено законодателем при конструировании квалифицированных составов похищения и самовольной порубки казенного леса. В ст. 945 в качестве исполнителей преступления названы «целые селения» или преступная группа, в состав которой входило более 9 человек.

В рамках этой статьи ответственность участников определялась через уголовные наказания за преступление и денежные взыскания за проступки. Разграничение преступления и проступка этого вида было проведено с учётом роли виновного. «Личным наказаниям подвергаются главные виновные, или подговорщики, или же когда невозможно с точностью определить главных виновных, то старшие в семействах или домохозяева, в том участвующие, а равно старшины селений, если они участвовали в преступлении. Все прочие приговариваются лишь к денежным ... взысканиям».

В Отделение третье «О особых наказаниях и взысканиях за похищение, порубку и повреждение лесов корабельных» главы девятой Уложения 1845 года включены составы преступлений с более ценным видом леса – корабельным. «Корабельные леса должны почитать запрещенными не по одному только наименованию рода дерев, но по доброте их в качестве и способности доставления к портам и пристаням»¹²⁵.

¹²⁴Тяпкин М. О., Демчик Е. В. Характеристика самовольной порубки леса в исторической ретроспективе // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2. С. 148.

¹²⁵Статья 38 Устава о лесах 1802 года // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXVII. С. 350–356.

В составы данного отделения похищение и незаконная порубка деревьев включены в качестве альтернативных деяний. В ст. 976 предметом преступлений определены: дубовые, лиственные, сосновые деревья, произрастающие в корабельных рощах. Ответственность дифференцирована в зависимости от повторности совершаемых преступных эпизодов: первично, вторично, в третий раз.

За аналогичные преступные посягательства в отношении елей, берез, осин и прочих деревьев, посаженных по периметру корабельных рощ с целью защиты, меры наказания определяются со ссылкой на ст. 942 (ст. 977). Избранные корабельные рощи обозначались номерами и должны были быть отделены от дикорастущих лесов просеками, а от полей межниками по распоряжению правления его землемерами при чиновнике лесного управления, которому они и поручались в особенное смотрение¹²⁶.

Общим признаком для предмета преступления в обозначенных выше статьях является их искусственное происхождение как результат деятельности человек по посадке или посеву. Но предназначение их различно. Дубы как предмет преступления по ст. 942 подлежал к использованию в экономической сфере, а лесная посадка в качестве предмета состава по ст. 977 играла роль буферной зоны между корабельной рощей и ее внешними границами.

Уложение 1845 года не выделило в отдельную группу преступления экологического толка. Для деяний, направленных на природные ресурсы, в качестве объекта были определены имущественные интересы государства. Древесина была востребованным материалом во многие сферы экономической деятельности, строительстве военного флота в России. Неправомерное завладение таким предметом или его самовольное использование снижало уровень доходности государственной казны.

Изложенный подход структурирования уголовного закона, при котором нарушение правил использования природных ресурсов закреплялось в группе

¹²⁶ Пуряева А. Ю. Корабельные леса в дореволюционном лесном законодательстве России // Вестник Воронежского государственного университета. 2011. № 1. С. 136.

экономических преступлений, в том числе, и незаконная порубка лесов, существовал на протяжении долгого времени в уголовном законодательстве России, вплоть до принятия УК РФ 1996 года. В нем была выделена самостоятельная глава «Экологические преступления», в которой имущественные интересы государства стали играть роль дополнительного непосредственного объекта.

Раздел двенадцатый «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц» завершает Особенную часть Уложения о наказаниях исправительных и уголовных 1845 года. Он состоит из пяти глав: «О насильственном завладении чужим недвижимым имуществом, о захвате и неправильном пользовании доходами или иными выгодами чужого имения и о истреблении граничных меж и знаков» (гл. I), «Об истреблении и повреждении чужого имущества» (гл. II), «О похищении чужого имущества» (гл. III), «О присвоении и утайке чужой собственности» (гл. IV), «О преступлениях и проступках по договорам и другим обстоятельствам» (гл. V). Раздел объединил преступления и проступки против собственности частных лиц отличные между собой по предмету преступления (движимое и недвижимое имущество); по способу воздействия на него (насильственный захват, неправомерное завладение, уничтожение или повреждение, присвоение и утайка).

В отдельную группу включены преступления и проступки, совершение которых стало возможным в связи с определенными отношениями между субъектом и потерпевшим, вытекающими из договорных или иных обстоятельств.

Хищению имущества частных лиц посвящена одна из глав. Документ не относил к нему насильственный захват недвижимого имущества, присвоение и утайку чужой собственности.

Деяния, предусмотренные в главе первой «О насильственном завладении чужим недвижимым имуществом, о захвате и неправильном пользовании доходами или иными выгодами чужого имения и о истреблении граничных меж и знаков», условно делимы на три вида: 1) насильственном завладении чужим не-

движимым имуществом; 2) извлечение доходов от использования захваченной земли; 3) истреблении граничных меж и знаков.

В ст. 2094 предусматривалась ответственность «за всякое нападение с насилием на чужие земли, дома, или иное какое-либо чужое недвижимое имущество с намерением завладеть оным». Законодатель определял направленность деяния на присвоение прав на недвижимость «даже и законных, но еще непризнанных окончательно судебным решением». Формулировка статьи позволяет толковать данное преступление в двух альтернативно закрепленных аспектах: 1) насильственный захват недвижимости при отсутствии на нее прав; 2) насильственный захват земли, дома, или иного объекта недвижимости в процессе незавершенного гражданского спора относительно прав на них со стороны одного из участников, до принятия судебного решения. Дуалистичность представленной формулировки охватывает как посягательство на чужое имущество частных лиц, так и на имущество, выступающее предметом гражданского спора нескольких претендентов на него, предусматривая равную за них ответственность.

Положения Новгородской и Псковской ссудных грамот в этой части, рассмотренные нами выше, вызывали неоднозначные правовые оценки ученых-криминалистов. Нападения на недвижимую собственность одни из них относили к самоуправству (М. М. Исаев), другие – к деянию с целью грабежа (В. О. Ключевский).

Уложение 1845 года устранило неопределенность предшествующих правовых актов в этом вопросе посредством указания в легальной дефиниции хищения на движимое имущество в качестве предмета преступления, а также с разделением хищения и насильственного нападения с целью завладения недвижимым имуществом и прав на него. Последнее закреплялось в документе самостоятельным имущественным преступлением.

В отдельную норму выделено основание уголовной ответственности за лиц, кто «для вступления во владение по бесспорному или признанному окончательно судебным решением праву каким-либо недвижимым имением, или,

для возвращения неправомерно захваченной или удерживаемой его собственности, вместо принятия к тому указанных законных мер употребит насилие...» (ст. 2097). Проведена дифференциация ответственности по данному составу в зависимости от наступления в результате насилия «ран, увечья или иное тяжкое повреждение в здоровье».

В настоящее время в уголовном законодательстве России отсутствует отдельный состав о насильственном захвате недвижимого имущества. Правовая оценка таких действий в части спорных объектов подлежит квалификации как самоуправство. Но в теории уголовного права широко обсуждается вопрос о необходимости установления ответственности за «рейдерство». Как отмечается, в теории уголовного права особенностью российского рейдерства является применение насильственных методов при получении корпоративного контроля и отчуждении имущества. Однако под понятие преступления, закрепленное ст. 14 УК РФ, рейдерство не подпадает по формальным основаниям. Особенной частью УК РФ такой специальный состав преступления не предусмотрен¹²⁷.

Представляется, что насильственный захват земли, иной недвижимости в целях извлечения имущественной выгоды от её использования наиболее приближенно отражает суть современного рейдерства. Оно, по мнению одних ученых, по своей сути направлено «на похищение чужого имущества путем незаконного изменения права собственности, в том числе и недвижимости, с использованием обманных действий в правовой и судебных сферах государства, с последующим захватом собственности с применением или с угрозой применения сил и средств, опасных для жизни и здоровья человека, с причинением владельцам имущества ущерба в крупном или особо крупном размере»¹²⁸, и заслуживает самых жестких мер реагирования – уголовных¹²⁹.

¹²⁷ Воеводкин А. Е. Уголовно-правовая охрана отношений по управлению корпорацией как способ противодействия рейдерству: дисс. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2018. С. 19, 48.

¹²⁸ Константинов В. Рейдерство – не мошенничество! // Законность. 2008. № 11. С. 40-41.

¹²⁹ Лопашенко Н. А. Рейдерство // Законность. 2007. № 4. С. 7–12.

Есть суждения, что «рейдерство – это более сложная правовая конструкция, чем хищение»¹³⁰. С. М. Кочои считает неудачным юридическую конструкцию рейдерства, в основе которой положен термин «незаконное завладение имуществом, так как он объединяет «изъятие», и «обращение» чужого имущества, что соответствует деяниям при хищении, чем рейдерство не является¹³¹.

Проблема остается актуальной, но пути к ее законодательному разрешению были заложены еще в статьях Уложения 1845 года, и до настоящего времени остаётся предметом доктринальных исследований, отражая тесную взаимосвязь между имущественными преступлениями и деяниями в сфере экономической деятельности.

В качестве квалифицирующих обстоятельств, повышающих общественную опасность насильственного нападения данного состава, были предусмотрены следующие обстоятельства: 1) совершение деяния вооруженными людьми; 2) потерпевшим нанесены «тяжкие побои или допущено что-либо иное, грозившее, по-видимому, опасностью жизни, или нанесением увечья, ран или повреждения здоровью».

Применения насилия опасного для жизни или здоровья в объективной стороне состава преступления не предусматривало наступление последствий в виде причинения вреда здоровью или смерти.

«Если при насильственном нападении для завладения чужою недвижимою собственностью, будут нанесены какие-либо раны, увечья или иное тяжелое повреждение здоровья ...», то наказание назначается по правилам совокупности преступлений (ст. 2095).

В документе предусмотрено установление совокупности преступлений с «насильственным нападением на чужую собственность или же за разбой, грабеж или кражу, смотря по тому, которым из сих способов движимое имущество было похищено» если «при нападении с насилием на землю, дом или иную не-

¹³⁰ Воеводкин А. Е. Уголовно-правовая охрана отношений по управлению корпорацией как способ противодействия рейдерству: дисс. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2018. С. 50.

¹³¹ Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000. С. 45.

движимую собственность, захвачено или увезено ... движимое имущество...» либо произойдет «всякое при том истребление или повреждение имущества, как движимого так и недвижимого» (ст. 2096).

В ст. 156 Уложения 1845 года дано определение совокупности преступлений и закреплено правило назначения наказания при этом виде множественности преступлений: «... совокупность преступлений, т.е. когда подсудимый признан виновным в учинении нескольких в одно или разное время дотоле еще ненаказанных и давностью или же общим или особенным прощением непокрытых противозаконных деяний, суд упомянув в своем определении обо всех наказаниях, следующих за каждое из тех преступлений, приговаривает его к тягчайшему из сих наказаний и в самой высшей оного мере».

Данное правило назначения окончательного наказания при совокупности преступлений определяло размер по максимальной границе наиболее строго вида наказания, назначенного за одно из преступлений, входящих в совокупность. Первые законодательные шаги в процессе регламентации института множественности преступлений и его значения в вопросах наказания характеризовались упрощенным подходом юридической техники, по сравнению с действующим уголовным законодательством. В тот период действовало правило выбора срока и размера наказания, как за единичное преступление, так и при совокупности в пределах санкции статьи. В первой ситуации законодатель предоставлял суду право выбора наказания в размере от минимального до максимального предела с учетом «увеличивающих» общественную опасность содеянного обстоятельств. Определяя правила назначения наказания по совокупности преступлений, уголовный закон суду такое право не предоставлял. Им установлено прямое требование к виду и размеру окончательного наказания в виде «тягчайшего» из назначенных «в самой высшей оного мере». Но следует признать, что такой подход в большинстве решений судов в полной мере учитывал повышенную опасность множественности преступлений при назначении наказания, так как в санкциях статей квалифицированных составов включались наиболее строгие виды с максимальным размером.

Нападение как способ объективной стороны имущественного преступления, введённый в уголовное законодательство России с начальных этапов его зарождения, остался и в составах Особенной части действующего УК РФ. Термин «нападение» включен в диспозиции статей: ст. 162 (разбой); ст. 209 (бандитизм); ст. 227 (пиратство) и др.

Но его толкование при правоприменении и в доктрине уголовного права неоднозначно, так как «используя термин «нападение» при определении признаков деяния в конкретном составе преступления, законодатель не раскрывает его понятия и содержания». Признаем справедливость утверждения, что «в обыденном сознании нападение ассоциируется с насилием, а термин нередко употребляется как синоним слова «насилие»¹³². Но такое отождествление при толковании данного вида деяния создает терминологическую тавтологию, так как, например, в составе разбоя в качестве способа его совершения закреплено насилие опасное для жизни и здоровья.

Анализ эмпирического и теоретического материала позволяет выделить наиболее обобщенные признаки этого открытого посягательства на чужое имущество: 1) оно внезапно; 2) соединено с насилием; 3) направлено на физическое лицо или организацию.

Теоретиками признается, что нельзя сформулировать общее понятие нападения как вида деяния на основании одного «эталонного» состава преступления. Стремительность, интенсивность (опасность), открытость, вооруженность, направленность умысла (цели) – все это факультативные признаки нападения. В качестве видового понятия нападение – это неспровоцированное внезапное агрессивное-насильственное воздействие на потерпевшего или на охраняемые уголовным законом объекты¹³³.

¹³²Рарог А. И., Нагаева Т.И. Нападение как вид преступного деяния // LEX RUSSICA. 2012. № 2. С.343.

¹³³Рарог А. И., Нагаева Т.И. Нападение как вид преступного деяния // LEX RUSSICA. 2012. № 2. С.352, 357.

В юридической литературе можно встретить точку зрения об исключении признака «нападение» из законодательных формулировок признаков объективной стороны полностью либо в отношении отдельных составов¹³⁴.

Источником такой неопределенности правовой природы «нападения» как деяния в отдельных видах преступлений, в том числе, имущественных, нами усматривается именно в текстах ранее рассмотренных нами правовых источниках – памятниках российского права. Основные проблемы, по нашему мнению, перешедшие в современное российское уголовное законодательство состоят в следующем: 1) «нападение ... на земли, дома, или иное какое-либо недвижимое имущество» (ст. 2094 Уложение 1845 г.) – «нападение на организации» (ст. 209 УК РФ); 2) отнесение разбоя к хищению (ст. 2129 Уложение 1845 г.) – разбой форма хищения (ст. 162 УК РФ), хотя не содержит в себе обязательного признака родового понятия – причинения имущественного ущерба.

В настоящее время в доктрине уголовного права не была сформулирована удачная альтернатива термину «нападения» в отдельных составах действующего уголовного закона, которые бы объединили в себе все имманентное свойство, приписываемые данному действию. Поэтому законодатель вынужден оставаться на исторически сложившейся позиции, изменить которую предпринимают юристы-правоведы.

Глава вторая исследуемого раздела Уложения 1845 года «О истреблении и повреждении чужого имущества» включает в себя два отделения: 1) «О зажигательстве» (отд. 1); 2) «О истреблении и повреждении чужого имущества взрывом пороха, газа или инаго удобовоспламеняющагося вещества, или же потоплением или инымъ образомъ» (отд. 2). Преступления разделены на виды по способу совершения: 1) путем поджога; 2) посредством взрыва, потопления, иным способом.

Равная ответственность была установлена за умышленный поджог «обитаемого здания», церкви, «принадлежащей Государю Императору или одному

¹³⁴ Например, Токарчук Р. Е. Насилие как составообразующий признак хищений: вопросы уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008; Шарапов Р. Д. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.

из Членов Императорской Фамилии дворец»; разных мест города, с намерением распространить пожар по всему городу или по крайней мере в большей части его, или хранилище пороха, или «больницу, в коей находились в то время больные»; либо доказано, что виновный в умышленном поджоге был уже прежде изобличен в подобном преступлении (ст. ст. 2106, 2107).

К квалифицированным видам поджога чужого имущества отнесено: поджог здания, в коем помещается какая-либо часть государственного управления или суда, или архивы, где хранятся бумаги принадлежащие правительству, или же институты, иные общественные заведения, или же библиотеки, кунсткамеры, музеи, или тюрьмы; поджог корабля или иного судна, если в то время на нем находились люди или же поблизости были другие суда; поджог магазинов жизненных припасов или же военных и морских снарядов и др. (ст. 2107).

В УК РФ сам умышленный поджог чужого имущества отнесен к квалифицированному виду умышленного уничтожения или повреждения имущества. Закон не выделяет в квалифицированные составы деяния, направленные на объекты недвижимости, в том числе, в которых размещаются государственные структуры. В ч.2 ст. 167 УК РФ предусмотрено наступление тяжких последствий, к которым можно отнести посягательство этого вида на данные объекты.

Однако исторический опыт в этом направлении приобретает актуальное звучание в свете имеющих место поджогов зданий военкоматов и подрывов банкоматов. Если в действиях организаторов такого преступления усматриваются признаки террористического акта или диверсии, то исполнители, введенные в заблуждение со стороны «иностранных кураторов» обещанием погашения кредита или возврата похищенных денежных средств, не преследуют цели, предусмотренные в ст. 205 УК РФ.

Одним из решений правильной квалификации содеянного с учетом общественной опасности поджога зданий и помещений, в которых размещены государственные, военные организации, поджога или подрыва помещений банков и расположенных в них или других местах банкоматов может стать дополнение

ст. 167 УК РФ особо квалифицированном составе, который включал бы в себя обозначенные обстоятельства.

Самостоятельные основания ответственности устанавливались за «за приготовление к учинению поджога приисканием, приобретением или приспособлением нужных для того материалов, когда в умысле на оный виновный достаточно изобличен» (ст. 2111) и за «за покушение на зажигательство, Когда пожар, учиненный чрез поджог, хотя уже и начался, но потушен в самом начале старанием самого раскаявшегося в том зажигателя, или при званными им на помощь людьми» (ст. 2110).

В составе преступления, предусмотренного ст. 2112, усматриваются признаки приготовления к специальному виду мошенничества в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ): «поджог какого-либо самому зажигателю принадлежащего имущества, обеспеченного в страховом от огня обществе, буде сие им сделано единственно в намерении получить от того денежную прибыль». В Уложении 1845 года такие действия, образуя окончанный состав преступления до момента незаконного получения страхового возмещения, влекли за собой «лишение всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение». Строгость наказания повышала эффективность уголовно-правовой защиты имущественных интересов страховых обществ, предваряя саму возможность наступления для них имущественного ущерба от таких преступных действий.

В отдельных статьях закреплены основания уголовной ответственности за специальные виды уничтожения чужого имущества: 1) «поджог с умыслом чужого леса» – ст. 2113; 2) «истребление огнем чужого хлеба на корне, или в снопах, или в скирдах, или овине, или ином необитаемом строении, а равно и фруктовых садов, хмельников, сенокосов, или уже скошенного сена, или складов дров, и за поджог торфяных земель» – ст. 2114.

Юридические конструкции составов преступлений о «зажигательстве» содержат смежные по своему лексическому значению термины для обозначения деяний. Уяснение их смысла имеет в настоящее время теоретическое понимание того – тождественны они или нет; как их содержание влияет на опреде-

ление момента окончания преступления; чем predetermined выбор того или иного деяния в конкретном составе преступления.

А. В. Лохвицкий – русский юрист, доктор права, автор курса русского уголовного права, живший в период действия Уложения 1845 года, давал следующее толкование деяниям при «зажигательстве»: «Поджог есть умышленное истребление чужого имущества огнем. «Зажигательство» стоит как общий заголовок; а в отдельных статьях говорится о поджоге; по грамматическому смыслу эти слова однозвучны. Но «истребление огнем» имеет другое значение; оно есть результат, конечная цель поджога. ... Но при действии огнём между поджогом и истреблением обыкновенно находится более или менее продолжительный интервал. ... Словом, в большинстве случаев поджог и истребление огнем не одно и то же. «Учинение пожара» составляет среднюю ступень между поджогом и истреблением огнем»¹³⁵. Опираясь далее на представленное толкование, автор делает заключение о том, что «Поджог это собственно только покушение на преступление... . «Учинение пожара» ... показывает, что поджог пошёл в ход Поджог, однако, не считается покушением на преступление сожжения; оно считается полным преступлением, потому что довершение его составляет уже простой, естественный ход стихийной силы. ... то есть было ли истребление имущества или нет, достаточно одного поджога для полного наказания»¹³⁶.

Признавая правильность этих рассуждений, мы приходим к выводу о том, что «поджог чужого леса» имеет формальную конструкцию состава преступления, определяющую момент его окончания совершением самого действия по воспламенению произрастающих в лесу деревьев.

«Истребление огнем чужого хлеба на корне, или в снопах, ...» образует материальный состав преступления, момент окончания которого отнесен законодателем к моменту достижения преступной цели – уничтожения чужого имущества.

¹³⁵ Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 619, 620.

¹³⁶ Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 620.

Созвучными нашему времени, мы считаем суждение А. В. Лохницкого, о том, что «поджог с политическими целями не редкое явление. В нашей стране поджог особенно опасен: Западная Европа каменная страна, а наше отечество деревянное...»¹³⁷. Огромные лесные массивы на территории Российской Федерации и расположенные вблизи них поселения с деревянными жилыми и нежилыми строениями – это зона риска их уничтожения в результате умышленного поджога. Такие действия могут быть направлены на разжигание социальных конфликтов среди населения, пострадавшего от лесных пожаров, с возложением ответственности на якобы «бездействие» властей.

Летом 2025 года в Забайкалье разгораются масштабные лесные пожары. Ущерб лесному фонду уже превысил миллиард рублей, сотни тысяч гектаров в огне. Ежегодно миллионы гектаров леса исчезают в огне, и это касается не только Забайкалья, но и всей страны.

В ч. 3 ст. 261 УК РФ предусмотрена ответственность за уничтожение или повреждение лесных насаждений и иных насаждений путем поджога, иным общеопасным способом. В статье поджог выступает не деянием, а способом его совершения.

Уничтожение лесных и иных насаждений состоит в полном сгорании насаждений или их усыхании в результате воздействия пожара. К повреждению необходимо относить случаи частичного сгорания насаждений¹³⁸. Следовательно, неудачный поджог, не приведший к уничтожению или повреждению лесных насаждений, будет, в отличие от положений Уложения 1845 года, квалифицирован как покушение на преступление.

Между тем, в результате патрулирования пожароопасной местности, с целью выявления очагов возгорания, не редки случаи обнаружения собранных в кучи веток свежего леса, пропитанных смолой, с находящейся рядом кани-

¹³⁷ Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 621.

¹³⁸ П. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 18.10.2012 г. «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (в ред. от 15.12.2022г.). URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8308/>(дата обращения: 29.06.2025)

строй из-под бензина или других предметов для розжига. Оставленные небольшие участки очага, свидетельствовали о неудачных попытках поджога¹³⁹.

Представляется, что с учетом исторического законодательного опыта и распространенности таких преступлений в настоящее время было бы целесообразно выделить поджог лесных насаждений в «полное преступление», перенеся момент его окончания на начальное действие, направленное на уничтожение или повреждение лесного массива.

Уголовное законодательство исследуемого периода различало следующие виды поджога:

1. Поджог обитаемых зданий или судов или таких зданий и судов, в которых заведомо для виновного находились люди.
2. Поджог нежилых зданий.
3. Поджог леса, при котором к квалифицирующим обстоятельствам относились пожар, учиненный шайкой; если пожар был учинен во время засухи или сильного ветра, там, где можно было ожидать быстрого распространения пожара; если в зажженном лесу, заведомо для виновного, находились люди, обитаемые строения или селение.
4. Общеопасный поджог собственного имущества, т.е. когда повреждением собственного имущества нарушались или ставились в опасность чужие блага: поджог имущества как приготовление к страховому обману, поджог собственного имущества, представляющий опасность для чужих имущественных или личных благ.
5. Посредствующий поджог нежилых зданий, находившихся в близком соседстве с обитаемыми или такими, где в это время были люди¹⁴⁰.

¹³⁹ Почему пожары под Читой: кто поджигает лес. URL: <https://www.chita.ru/text/incidents/2025/05/13/75446408/> (дата обращения: 29.06.2025)

¹⁴⁰ Лебедева В. Н., Макаренко Н. Г. Поджог как способ повреждения или истребления имущества в российском уголовном праве имперского периода (XVIII – начало XX вв.) // Известия Сочинского государственного университета. 2014. № 3 (31). С. 27-28.

За «пожар хотя и без намерения, но вследствие нарушения предписанных законом правил осторожности», как за неосторожное преступление предусматривалось более мягкое наказание. Однако в ситуациях при которых «за несоблюдение нарушенного правила осторожности в законе определено другое строжайшее наказание, то виновный, на основании правил о совокупности преступлений, приговаривается к тому строжайшему наказанию» (ст. 2116).

Глава третья «О похищении чужого имущества» состоит из отделений: 1) «О разбое» (отд. 1); 2) «О грабеже» (отд. 2); 3) «О воровстве-краже» (отд. 3); 4) «О воровстве-мошенничестве» (отд. 4).

В. Д. Набоков, автор учебника по русскому уголовному праву дореволюционного периода, давая оценку положениям законодательства того времени, отмечал: «Непосредственно предшествующая Уголовному Уложению система нашего законодательства отличалась чрезвычайной сложностью. В отношении классификации сохранена была до последнего времени система Уложения 1845 года, но в пределах отдельных видов похищения господствовали крайняя пестрота, разнообразие и казуистичность»¹⁴¹.

Между тем, законодатель выстроил четкую структуру имущественных преступлений, посягающих на собственность частных лиц, поместив похищения чужого имущества в отдельную главу. Она открывается законодательной классификацией хищения на виды: разбой, грабеж, воровство-кража, или воровство-мошенничество (ст. 2128).

Теоретики уголовного права – современники действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных одновременно с формулировкой авторской дефиниции «похищения», определяли имманентные свойства действий внешне схожих с ним, но таковым по юридической природе не являющимся.

«Похищение есть умышленное изъятие чужого движимого имущества из чужого владения, против воли собственника и с намерением навсегда лишить

¹⁴¹ Набоков В. Д. Элементарный учебник Особенной части русского уголовного права. Выпуск первый. Книга II. СПб, 1903. С. 111.

последнего этого имущества. Со стороны субъективной похищение является необходимо умышленным.

Под это понятие не подходят: а) взятие вещи с предполагаемого или действительного согласия собственника; б) взятие вещи без намерения безвозмездно лишить собственника этой вещи, напр., взять в шутку с целью сберечь эту вещь для самого расточительного собственника её; сюда не подходит также самовольная мена»¹⁴².

««Похищение» означает взятие или завладение чужим имуществом с намерением присвоить его себе. Посему понятие похищения исчезает: а) коль скоро имущество не было для обвиняемого чужим и б) коль скоро он завладел им не с целью присвоения»¹⁴³.

Предметом хищения могло быть только чужое движимое имущество, на которое у виновного отсутствовало действительное или предполагаемое право. В противном случае, неправомерное завладение имуществом образовывало самоуправные действия: насильственное или ненасильственное самовольное восстановление своего права, возвращение неправомерно захваченного или удерживаемого имущества путем применения насилия. Основание ответственности за самоуправство с применением насилия было помещено в Раздел IV «О преступлениях и проступках против порядка управления» Уложения 1845 года.

Неправомерное завладение чужим имуществом при хищении должно носить безвозмездный характер, направленное на достижение корыстной цели, что исключало из него временное неправомерное обладание чужим имуществом.

Расположение отделений в главе третьей «О похищении чужого имущества» имеет определенный порядок от наиболее общественно опасной формы хищения (разбой) к менее опасной (воровство-мошенничество).

Отделение первое «О разбое» начинается со ст. 2129. В неё включена норма-дефиниция, содержащая законодательное определение разбоя.

¹⁴² Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. М., 1905. С. 165.

¹⁴³ Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 2. СПб., 1876. С. 609.

Нормы данного вида отражают «существенные, качественные признаки юридически значимых предмета, явления, состояния, способствующие обеспечению целостности, непротиворечивости, компактности законодательного регулирования, повышению эффективности реализации законодательных актов»¹⁴⁴.

Данный приём юридической техники в рассматриваемой статье оправдан, так как формулировки составов разбоя в отделении «О разбое» «страдают» казуистичностью. Основания ответственности дифференцируются в зависимости от конкретно определенных жизненных ситуаций: разбой в церкви (ст. 2130); разбой с нападением на дом или иное обитаемое здание (ст. 2131); уличный разбой (ст. 2132); разбой в уединённом месте (ст. 2133).

«Так как уложение, определив в 1627 ст. общие признаки разбоя, затем в следующих статьях указывает на различные его виды, смотря по сопровождавшим разбой обстоятельствам, то в тех случаях, где разбой был совершен при совместном существовании нескольких подобных видовых признаков, суд должен, прежде всего определить: какой из видовых признаков разбоя, встречающейся в данном случае, считается по закону более тяжким, и сообразно с ним назначить уголовную ответственность»¹⁴⁵

Общими объективными признаками разбоя были определены: 1) деяние – нападение; 2) альтернативные способы: а) с открытым применением оружия; б) с применением насилия опасного для жизни, здоровья, влекущие за собой убийство или покушение на него, увечья или раны; в) побои или другие телесные истязания; г) применение угрозы или иных действий, от которых возникала явная опасность для жизни, здоровья, или свободы лица или лиц подвергавшихся нападению. Нападение при разбое совершалось для «похищения принадлежащего ему (потерпевшему) или находящегося у него имущества» (ст. 2129).

¹⁴⁴ Баранова М. В. Конструирование дефинитивных норм права: проблемы и тенденции // Юридическая техника. 2013. № 7. С. 122.

¹⁴⁵ Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С доп. по 1 янв. 1876 г. СПб., 1876. С. 628.

В следующей редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года описание разбоя в ст. 1627 повторило текст ст. 2129.

В теоретических исследованиях того времени можно встретить критическую оценку законодательной дефиниции анализируемого состава преступления. А. В. Лохвицкий, признавая её неудачной, писал: «В этом длинном определении много излишнего: нанесение смерти, хотя и без прямого намерения, а также увечья и ран составляет, как видно из 1632 и 1634 ст., отягчающие обстоятельства при разбое, а не нормальное его качество; притом, если тяжкие угрозы не только делают похищение разбоем, но при том усиленным»¹⁴⁶. Упречность формулировки разбоя автор связывает с двойственностью правовой природы его признаков, таких как «нападение, сопровождаемое убийством» или «покушением на него», включенных в общие характеристики рассматриваемого преступления, а нападение соединенное «с смертоубийством, хотя и без прямого на оное намерения, или с покушением на убийство», отнесенных законодателем к квалифицированному виду преступления (ст. 2134 Улож. 1845г., ст. 1634 Улож. 1866 г.).

По мнению П. П. Пусторослева, разбой совершается «без умышленного нанесения смерти»¹⁴⁷.

Для уяснения логики законодателя в этом вопросе необходимо дать оценку субъективной стороны общего и квалифицированного составов разбоя по обозначенным выше признакам. «Смертоубийство» или «покушение на оное» в последнем совершается «без прямого на оное намерения».

Намерение в контексте положений Общей части Уложений 1845 года и 1866 года употреблено в значении умысла. «Выражение «без намерения» означает – без знания последствий деяния»¹⁴⁸, то есть, относится к неосторожной форме вины. Заранее обдуманное намерение терминологически определяет прямой умысел, при котором виновный изначально знал, что будет применять

¹⁴⁶ Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 635.

¹⁴⁷ Пусторослев П. П. Из лекций по особенной части Русского уголовного права. Юрьев, 1908. С. 188.

¹⁴⁸ Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С доп. по 1 янв. 1876 г. СПб., 1876. С.4.

насилие опасное для жизни при нападении с целью хищения чужого имущества, предвидя и желая причинение смерти потерпевшему. В этом случае, согласно ст. 1924 (Улож. 1845 г.), «наказанию приговариваются также виновные в убийстве с обдуманном заранее намерением или умыслом: 4. Когда убийство учинено для ограбления убитого, или для получения наследства, или вообще для завладения какою-либо собственностью его или другого лица». По общественной опасности и строгости наказания этот вид преступления уравнивается с убийством беременной женщины, за что виновный должен быть подвергнут: «лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в рудниках на время от пятнадцати до двадцати лет...».

«Не прямое намерение» характеризует косвенный умысел, при наличии которого преступление менее общественно опасно в сравнении с прямым умыслом. Поэтому и правила назначения наказания более мягкие: «Кто при содеянии какого-либо соединенного с насильственными действиями преступления, каковы суть: ..., насильственное завладение чужою собственностью и т. п., учинить убийство, хотя и без прямого на оное намерения, тот за это подвергается ... лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в крепостях на время от восьми до двенадцати лет...» (ст. 1929, 1930 Улож. 1845).

Таким образом, причинение смерти потерпевшему или покушение на него в процессе похищения чужого имущества указывают на насильственный способ разбоя. Уровень ответственности дифференцирован в зависимости от вида умысла. Если «убийство учинено для ограбления убитого», то предусматривалась наказание в виде каторжной работы в рудниках на время от пятнадцати до двадцати лет. Если убийство в процессе насильственного завладения имуществом было «без прямого на это намерения», то наказание определялось каторжными работами от 8 до 12 лет.

Насилие при разбое теоретиками рассматривалось и как средство «отнятия вещи», и как обеспечение возможности «уноса вещи». Однако «если вещи были похищены в отсутствии хозяина, а виновный по прибытию хозяина угро-

жал ему топором для устранения попытки к отнятию вещей, то такое деяние ближе подходит к понятию вооруженной кражи»¹⁴⁹.

По данной ситуации сформулирована правовая позиция Верховного Суда РФ, согласно которой, «если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или иным владельцем имущества либо другими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, содеянное следует квалифицировать как грабеж, а в случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия – как разбой»¹⁵⁰.

УК РФ не содержит состава «вооруженной кражи». Насилие как способ хищения в следственно-судебной практике устанавливается при его применении в целях изъятия или удержания похищенного имущества до момента его окончания. Насилие в целях избежать задержания, при отказе от продолжения хищения, квалифицируется по составам преступлений против личности в зависимости от оценки причинения вреда здоровью потерпевшего. «Если же удерживается, в том числе путем насилия, уже тайно похищенное имущество, оконченная кража в открытое хищение либо разбой перерасти не может»¹⁵¹.

Между тем в юридической литературе актуальной для исследования остается проблема правовой оценки насилия, сопряженного с тайным хищением чужого имущества. Например, «трудности возникают при оценке насилия или угрозы его применения в случаях, когда при их помощи отвлекают внимание потерпевшего или других лиц, чтобы обеспечить возможность совершения хищения. Проблема уголовно-правовой оценки здесь заключается в том, что, с одной стороны, применено насилие, не опасное для здоровья, с целью хищения, что характерно для насильственного грабежа. А с другой, – хищение является тайным, а это – признак кражи»¹⁵².

¹⁴⁹ Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С доп. по 1 янв. 1876 г. СПб., 1876. С.629.

¹⁵⁰ П. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8242/> (дата обращения: 07.06.2025)

¹⁵¹ Яни П. С. Разграничение кражи и грабежа в судебной практике // Законность. 2016. № 3. С. 30.

¹⁵² Шепельков В. Хищение с применением насилия: всегда ли это разбой или грабеж? // Уголовное право. 2013. № 3. С. 48-49.

Не всякое изъятие имущества, совершенное незаметно для владельца или иных лиц, может квалифицироваться как кража. Если незаметность изъятия, так сказать, обеспечена насильственными действиями, содеянное не может быть расценено как кража, грабеж или разбой¹⁵³.

Согласимся с правилами квалификации насилия, как способа хищения, выработанными правоприменителями на основе руководящих разъяснений высшей судебной инстанции. Оно должно применяться в целях изъятия имущества и установления виновным лицом над ним контроля, позволяющего ему пользоваться или распоряжаться им по своему усмотрению.

В случаях, когда в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное должно квалифицироваться как разбой. Если с той же целью в организм потерпевшего введено вещество, не представляющее опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от последствий как грабеж, соединенный с насилием. Свойства и характер действия веществ, примененных при совершении указанных преступлений, могут быть при необходимости установлены с помощью соответствующего специалиста либо экспертным путем¹⁵⁴.

По нашему мнению, представленное выше толкование насилия как способа совершения хищения носит расширительный характер, так как фактически лицо создаёт условия для тайного (незаметного для потерпевшего) хищения чужого имущества, что соответствует иному умышленному созданию условий для совершения кражи. Такие действия не «вписываются» в объективную сторону хищения, так как предшествуют началу её исполнения. Но с другой стороны, такой подход правовой оценки исследуемой ситуации исторически сложился в правоприменении, поэтому его пересмотр можно признать нецелесооб-

¹⁵³ Яни П. С. Разграничение кражи и грабежа в судебной практике // Законность. 2016. № 3. С. 29.

¹⁵⁴ П. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8242/> (дата обращения: 07.06.2025)

разным с практической точки зрения, что снижает остроту поставленной проблемы в научном плане.

Возвращаясь к анализу положений Уложения 1845 года, отмечаем особую строгость наказания за разбой в церкви в виде бессрочных каторжных работ (ст. 2130).

Документ разграничивал ответственность участников шайки при разбое в зависимости от их роли в преступлении. Все они подвергались «лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу: зачинщики, начальники и все главнейшие преступники, в рудниках на время от двенадцати до пятнадцати; а прочие, в крепостях на время от десяти до двенадцати лет» (ст. 2133).

В отделении втором «О грабеже» было дано общее определение этой формы хищения: «Грабежом признается: во-первых, всякое у кого-либо отнятие принадлежащего ему или же находящегося у него имущества, с насилием или даже с угрозами, но такого рода, что эти угрозы и самое насильственное действие не представляли опасности ни для жизни, ни для здоровья, или свободы того лица; во вторых, всякое, хотя без угроз и насилия, но открытое похищение какого-либо имущества, в присутствии самого хозяина или других людей» (ст. 2139).

А. В. Лохницкий, давая оценку статьям исследуемого документа о разбое и грабеже, писал, что «различие между ними искусственное, так, что было бы более практичным соединить их в одно преступление, при том то, что называется грабежом являлось бы низшим видом разбоя»¹⁵⁵.

Н. С. Таганцев писал: «Существенный признак, отличающий разбой от грабежа с насилием, составляет опасность для жизни или здоровья тех насильственных действий, которые были причинены лицам, подвергшимся опасности. Отличительным признаком разбоя признается совершаемое на кого-либо, для похищения имущества нападения, и этим разбой резко отличается от других преступлений против имущества, существенным условием которых является похищение чужой вещи. Так как похищение при разбое обусловлено только це-

¹⁵⁵ Лохницкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 634.

лью нападения, то разбой считается оконченным, как скоро произведено было нападение, хотя бы оно по каким-либо причинам не удалось»¹⁵⁶.

Представленная теоретическая позиция по моменту окончания разбоя, как формального состава преступления, поддерживалась не всеми учеными-криминалистами того времени.

«Разбой окончен ... с момента овладения вещью. Вследствие сложности состава разбоя, покушение на разбой может состоять: 1) в покушении на то насильственное действие, которое имеет целью похищение (напр., покушение на тяжкое тел. Повреждение с целью отнятия денег); 2) в покушении на овладение, причем то или иное насильственное действие окончено (напр., А. привел Б. в бессознательное состояние и затем начинает взламывать его денежный шкаф); 3) даже в одном насильственном действии, если только будет доказана цель похищения (напр., А. привел Б. в бессознательное состояние с целью его обокрасть, но вовремя был остановлен)»¹⁵⁷.

«Не только кража, но и грабеж, и разбой находятся в стадии совершения только в том случае, когда посягатель, хотя бы на одно мгновение, действительно приобрел похищаемое чужое движимое имущество или какую-либо часть этого имущества в своё фактическое распоряжение, а сколько времени оно обладало приобретенным и что с ним сделало, это совершенно безразлично для наличности стадии совершения»¹⁵⁸.

Толкование признаков разбоя, сформулированное Николаем Степановичем Таганцевым, соответствует современному уяснению смысла признаков деяния, предусмотренного в ст. 162 УК РФ, позиции Верховного Суда РФ по определению момента окончания этого вида преступления против собственности.

Точка зрения оппонентов Н. С. Таганцева иллюстрирует исторический диспут относительно правомерности классификации разбоя как одной из форм

¹⁵⁶ Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С доп. по 1 янв. 1876 г. СПб., 1876. С.630.

¹⁵⁷ Набоков В. Д. Элементарный учебник Особенной части русского уголовного права. Выпуск первый. Книги I и II. СПб., 1903. С. 118.

¹⁵⁸ Пусторослев П. П. Из лекций по особенной части Русского уголовного права. Юрьев, 1908. С. 175.

хищения. Формальная конструкция состава этого преступления не содержит такой признак хищения чужого имущества, как причинение потерпевшему имущественного ущерба, что ставит под сомнение правильность признание его формой хищения.

Теоретики, принимая во внимание текст Уложения 1845 года и его последующие редакции, характеризовали разбой как разновидность похищения, содержащего в объективной стороне незаконное завладение чужим имуществом.

В более обобщенном виде суть проблемы состоит в ответе на вопрос: а возможно ли в одном общем определении хищения чужого имущества сформулировать признаки общие для всех его форм?

И. А. Клепицкий полагает, что до настоящего времени ни законодательство, ни теоретики не смогли справиться с этой задачей. По мнению автора, «понятие хищения, выработанное в доктрине советского уголовного права и закрепленное в действующем уголовном законодательстве, не отвечает современным требованиям. Будучи чрезмерным обобщением для корыстных преступлений против собственности, оно определяет признаки этих преступлений недостаточно точно, что влечет правовую неопределенность, неприемлемую для уголовного права. Иногда уголовный закон применяется по аналогии, что нарушает принцип законности»¹⁵⁹.

Такая правовая неопределенность просматривается и в составах разбоя и грабежа во всех редакциях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Оба признаны уголовным законом хищением, но в основе разбоя определено «нападение для похищения имущества», а в основе грабежа – «отнятие имущества», «открытое похищение». Как мы писали ранее, «нападение» – это универсальный термин для обозначения деяния, квалификация которого определяется целью, преследуемой виновным. В разбое – это цель хищения чужого имущества. Именно она указывает на вид преступления. При грабеже видовая

¹⁵⁹ Клепицкий И. А. Что не так с понятием хищения // Уголовное право. 2023. № 12. С. 23-40.

определенность усматривается в обозначении самого деяния – «открытое похищение».

Отличительным признаком грабежа, как формы хищения является то, что «похищение было в присутствии самого хозяина или других лиц и, чтобы притом они вполне сознавали, что лицо, отнимающее имущество, не имеет на владение им ни какого законного права, и уступали только пред насилием или пред возможностью такого»¹⁶⁰.

Признак вооруженности субъекта при открытом похищении чужого имущества признается в Уложении 1845 года исключительно характеристикой разбоя: «Если учинивший грабеж был вооружен, хотя и не употреблял сего оружия даже и для угроз ограбленному, то деяние его признается одним из видов разбоя» (ст. 2143).

«Таким образом, разбой представляет собой или открытое нападение вооруженного человека, или, нападение невооруженного человека, но с насилием опасным для жизни, здоровья или свободы жертвы посягательства»¹⁶¹.

Открытое похищение чужого имущества при грабеже или разбое должно обязательно происходить в присутствии хозяев или других лиц.

Н. А. Неклюдов, давая оценку этого признака грабежа, писал: «будет простым вором, а не грабителем, тот, кто отправился на место совершения преступления с обнажённым оружием в руках, с целью отнятия имущества силою, выломав или выбив входные в здание двери, но не нашедшие ни кого в помещении, похитили в отсутствии хозяина или посторонних, находившееся там имущество»¹⁶².

Признак вооруженности не образует состав разбоя, если первоначальное намерение применить оружие в процессе хищения, не было реализовано вследствие безлюдной обстановки его совершения.

¹⁶⁰ Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С доп. по 1 янв. 1876 г. СПб., 1876. С. 635.

¹⁶¹ Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. М., 1905. С. 187.

¹⁶² Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 2. СПб., 1876. С. 608.

Открытый способ грабежа определялся на основе объективного и субъективного критериев. Сам факт присутствия собственника или третьих лиц в момент исполнения преступления без осознания присутствующими общественной опасности действий виновных признавался недостаточным для квалификации грабежа. Он указывает на данную форму хищения, «когда само похищение было совершено, не тайно, не крадучись, а явно или открыто. По сему в случае учинения похищения в присутствии хозяина или других людей, на обязанности суда лежит, прежде всего, разрешить вопрос о том: было ли данное похищение в присутствии людей явным или открытым похищением и только в случае разрешения сего вопроса в утвердительном смысле, деяние может быть признано не кражею, а ограблением»¹⁶³.

Для этого требовался субъективный критерий установления открытого способа хищения: «... необходимо, чтобы хозяин вещи сознавал, что похититель не имеет ни какого права на похищаемую вещь и допускал это похищение невольно, или не имея возможности сопротивляться. Грабеж, в противоположность утайке, предполагает, что собственник или владелец имущества, или находящиеся при том свидетели, в момент перехода имущества в руки похитителя, сознавали, что это имущество незаконно переходит в руки другого, против воли собственника или владельца»¹⁶⁴.

В ст. 2144 документа устанавливалась ответственность за насильственный грабеж. Формулировка состава содержала негативный признак – «угрозы или насиліе, по свойству своему, на основании статьи 2129 сего Уложения, не должны быть признаваемы разбоемъ ...». Любое вид физического или психического насилия не подпадающие под признаки разбоя следовало при хищении чужого имущества квалифицировать как насильственный грабеж.

В отделении третьем «О воровстве-краже» было дано определение данной формы хищения с установлением мер ответственности за простую кражу и её квалифицированные виды. Предметом кражи определялись чужие вещи,

¹⁶³ Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 2. СПб., 1876. С. 608.

¹⁶⁴ Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С доп. по 1 янв. 1876 г. СПб., 1876. С. 636.

деньги, иное движимое имущество. Способом выступало тайное хищение «без насилия, угроз и вообще без принадлежащих к свойству разбоя или грабежа обстоятельств». Л. С. Белогриц-Котляревский критически оценил данную формулировку, указав, что она «едва ли сколько-нибудь помогла точности понятия данного преступления»¹⁶⁵.

Н. С. Таганцев в качестве существенных условий совершения кражи определял «похищение вещи без ведома и согласия её хозяина, и через нарушение его имущественного права ... с целью извлечь для себя из похищенного пользу»¹⁶⁶.

При этом само право автор относит к предмету преступления: «... предметом ... кражи следует считать право собственности на движимую вещь, кража должна считаться совершившеюся, если право собственности на вещь вполне нарушено, то есть вещь фактически перешла во владение похитителя;...»¹⁶⁷.

Из представленных выше извлечений работы Н. С. Таганцева, в которых вначале речь идет о нарушении имущественного права без указания на его конкретный вид, а затем прямое обозначение «право собственности», нельзя сделать однозначного вывода, допускал ли автор возможность нарушения в процессе кражи иных имущественных прав.

Обращает на себя внимание позиция ученого о признании предметом преступления не имущества, а права на него, что не соответствует современному доктринальному подходу в этом вопросе.

Интересным, с позиции установления критерия оценки общественной опасности кражи, в Уложении 1845 года является выделение в самостоятельный состав ситуацию, при которой в процессе совершения данного преступления «виновный имел при себе какое-либо оружие, или иное орудие, которым он мог нанести смерть или увечье потерпевшему (ст. 2155). Она свидетельствует

¹⁶⁵ Белогриц-Котляревский Л. С. О воровстве-краже по русскому праву: Историко-догматическое исследование. Киев, 1880. С. 242.

¹⁶⁶ Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С доп. по 1 янв. 1876 г. СПб., 1876. С. 641.

¹⁶⁷ Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С доп. по 1 янв. 1876 г. СПб., 1876. С. 642.

об альтернативности умысла субъекта, допускающего совершение хищения как тайно, так и открыто, принимая во внимание изменение обстановки. Данное обстоятельство, даже при условии не применения оружия или предмета, его заменяющего, свидетельствует о повышенной социальной опасности преступника, психологически готового причинить смерть или увечье для завладения чужого имущества.

Мера ответственности за кражу дифференцировалась с учетом того, «в который раз преступление виновным учинено», «по большей или меньшей цене похищенного предмета» (ст. 2159): 1) не превышающей 30 рублей; 2) свыше 30 рублей, но не более трехсот рублей; 3) свыше трехсот рублей (ст. 2159).

В дореволюционный период теории выделяли проблему правильного установления на практике стоимости похищенного имущества как обстоятельства, влияющего на наказание. А. В. Лохвицкий отмечал тот факт, что на практике цена похищаемой вещи часто вору вовсе неизвестна. Чрезмерное усиление наказания в этом случае не согласуется с принципами права. Разрешение вопроса: превышала ли цена украденного 300 рублей, принадлежит присяжным. По мнению ученого, значение цены похищенного представляет ряд неудобств: 1) цена вещи при покупке собственником и соответствует незначительной доли той цены, которую получает вор от её продажи после кражи; 2) если похищенное не найдено, то цена определяется со слов потерпевшего, поэтому «нередко от его корыстолюбия будет зависеть род наказания»¹⁶⁸

Отдельный вид кражи законодатель предусмотрел в отношении лиц, которые «для учинения кражи надевали на себя маску, или иным образом изменяли себе лице или вообще вид свой, или же присваивали себе звание лица, состоящего на государственной или общественной службе, или же были мундирах или вообще в такой одежде или с такими знаками отличия или служебных обязанностей, которые составляют принадлежность подлогом присвоенного ими звания» (ст. 2156). Целью сокрытия лица под маской было стремление виновного быть неузнанным в случае его обнаружения в процессе совершения

¹⁶⁸ Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб, 1871. С. 669.

преступления, что в дальнейшем затрудняло установление доказательств его причастности к преступлению.

Использование атрибутики лиц, состоящей на государственной или общественной службе, в процессе совершения кражи позволял виновному создать субъективный критерий тайности своих действий, при котором лица, хотя и наблюдавшие за действиями по изъятию имущества, не оценивали их как противоправные, принимая во внимание ложно созданный образ преступника.

В тот период к обстоятельству, увеличивающему вину при краже, было отнесено использование для проникновения в жилище с целью совершения хищения знакомства, надуманного предлога, что влекло за собой высшую меру той степени наказания, которая была установлена в зависимости от рода учиненной кражи (ст. 2157). Злоупотребление доверием и обман в таких ситуациях предшествовали исполнению объективной стороны кражи, не являясь ее способом, а только создавали условия, обеспечивающие виновному доступ к похищаемому имуществу. Значение выделения данной кражи в отдельный вид, по нашему мнению, состоит в том, что данная законодательная конструкция позволяла правоприменителю давать правильную правовую оценку обману как подготовительному действию к хищению чужого имущества, так и способу его совершения.

Отдельные составы можно объединить в группу по предмету преступления – документы. Основания ответственности за их тайное хищение устанавливались с учетом вида бумаги и цели незаконного завладения. Их юридические конструкции имели терминологическую особенность, законодатель для обозначения незаконного завладения использовал понятие «похищение», а не «кражу», как в составах имущественных преступлений. Этот термин перенял и современный законодатель. Он включил его в ст. 325 «Похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия».

Предумышленные действия по похищению крепости (акт, документ, подтверждающий право на владение какой-либо собственностью; то же, что куп-

чая), или межевых планов, или книг или других какого-либо рода актов, документов или бумаг, в намерении доставить себе или кому другому противозаконную выгоду (ст. 2161), бумаг для получения или сообщения другим какой-либо тайны, относящейся к заводской, фабричной или иной промышленности (ст. 2163) совершались в отношении документов, подтверждающих вещное право, описывающих объекты недвижимости либо содержащих информацию коммерческого характера. Незаконное изъятие данных бумаг с корыстной целью порождало реальную угрозу незаконного завладения объектом недвижимости или причинения экономического вреда собственнику производства, поэтому можно в целях. Поэтому считаем размещение данных составов в разделе двенадцатом «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц» считаем правильным законодательным решением, выполняющим предупредительную функцию относительно недопущения неправомерного завладения чужим недвижимым имуществом и причинения экономического ущерба в сфере промышленного производства.

Если «крепости, планы, или иные акты или документы и бумаги похищены вместе с чем-либо другим, и укравший их не имел намерения похитить именно эти бумаги», то виновный подвергался наказаниям, «определённым за воровство-кражу на основании общих о том правил» (ст. 2162), то есть только за имущественное преступление. Данное положение закона отражает значение субъективной стороны преступления при квалификации преступлений против собственности.

Преимственность такой правовой оценки описанной ситуации сохраняется и у современных исследователей проблем уголовного права. А. Л. Аристархов отмечает, что умысел на совершение похищения у гражданина паспорта или другого важного личного документа необходимо устанавливать (доказывать) при производстве по уголовному делу. Виновный должен осознавать

возможность похищения официального документа. В противном случае с позиции ч. 1 ст. 325 УК РФ лицо не подлежит уголовному преследованию¹⁶⁹.

Конечно, действующее российское уголовное законодательство в отличие от положений Уложения 1845 года в своей юридической технике в основном ушло от казуистики при описании конкретных составов преступлений, поэтому в нем отсутствует подобного вида состав. Однако принцип вины, закрепленный в ст. 5 УК РФ, направляет правоприменителя именно по этому пути оценки содеянного.

Ответственность за похищение актов или иных официальных бумаг принадлежащих к делам какого-либо суда или управления, хотя временно находившихся у частного лица (ст. 2165) определялась в соответствии со ст. 330 Уложения «О похищении бумаг или вещей из присутственных мест, срыву печатей и уничтожении поставленных или приложенных по распоряжению правительства знаков». Данное преступление было включено законодателем в группу преступлений против порядка управления. Судебные документы и документы органов исполнительной власти лишены материального содержания. Они порождают, изменяют или прекращают правоотношения, что напрямую оказывает влияние на порядок государственного управления.

В ст. 2170 данного документа устанавливались правила назначения наказания при добровольном возвращении похищенного имущества виновным потерпевшему. Такое позитивное постпреступное поведение преступника влияло на смягчение наказания: 1) если эти действия были совершены до начала следствия по делу, то оно «уменьшается двумя или тремя степенями, смотря по обстоятельствам, более или менее уменьшающим вину его»; 2) если «украденное возвращено хотя и добровольно, но уже после начала о том следствия, то виновный подвергается: наказанию, определенному за кражу, но в самой меньшей онаго мере, или же и одною степенью ниже».

¹⁶⁹ Аристархов А. Л. Похищение или хищение важного личного документа: аспекты уголовно-процессуальной деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 3. С. 93.

Завершалось отделение «О воровстве-краже» примечанием процессуального содержания. Решение о возбуждении уголовного дела по факту кражи между родителями и детьми, и между супругами принималось по жалобе потерпевшего.

В Уложении 1845 года и в последующих его редакциях, развивая уголовное законодательство об ответственности за мошенничество, законодатель ограничил его «областью похищения чужого движимого имущества посредством обмана; причем состав его сделался более определенным вследствие уничтожения немецкой рубрики лживых поступков»¹⁷⁰: «Воровством-мошенничеством признается всякое посредством какого-либо обмана учиненное похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества» (ст. 2172 отд. 4).

В отделении четвертом «О воровстве-мошенничестве» составы мошенничества разграничивались друг от друга в зависимости от вида обмана: обман в личности виновного (ст.ст. 2173, 2174); обман в процессе азартных игр (ст. 2179); обман при купле-продаже, мене каких-либо товаров (ст. 2177).

И. Я. Фойницкий отмечал, что редакторы документа сознавали «неуместность дробления уголовно-преступных имущественных обманов на несколько отдельных независимых друг от друга преступлений», указав «будущему законодательству, что путь, которым оно должно следовать, есть путь объединения всех имущественных обманов в видовое понятие мошенничества»¹⁷¹.

В современном российском уголовном законодательстве выделены специальные виды мошенничества, в отличие от иных форм хищения, ответственность за которые на законодательном уровне установлена без такой дифференциации.

Положения действующего уголовного закона в этой части вызывают научный интерес по оценке правильности и целесообразности дробления оснований ответственности за мошенничество.

¹⁷⁰ Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву: Сравнительное исследование. СПб., 1871. С. 82.

¹⁷¹ Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву: Сравнительное исследование. СПб., 1871. С. 83.

А. И. Коробеев считает, что «раскассировать мошенничество на конкретные шесть видов, оставив в неприкосновенности его общий состав, это все равно что, сохранив общую норму об изнасиловании, предусмотреть уголовную ответственность за изнасилование отдельно взятых Маши, Даши, Глаши, Наташи и далее по списку женских имен»¹⁷².

Казуистический прием юридической техники, распространённый при конструировании отдельных диспозиций уголовно-правовых норм в законодательстве дореволюционного периода, применённый в настоящее время при выделении специальных видов мошенничества, конкретизирует сферу правоотношений, претерпевающих негативные изменения в результате преступного воздействия.

Представляется разумным утверждение, что описание состава при применении этого способа должно соответствовать определенному преступному действию или нескольким равным по общественной опасности действиям, входящим в один и тот же вид¹⁷³.

Однако, по нашему мнению, не все специальные виды мошенничества можно отнести к хищению чужого имущества. Мошенничество в сфере кредитования и мошенничество в сфере страхования по своей правовой природе отлично от него.

Данные составы преступлений обладают только отдельными объективными и субъективными признаками хищения чужого имущества в целом, и его формы - мошенничества, в частности: 1) деянием – обращение чужих денежных средств в свою пользу; 2) способом деяния - обман и (или) злоупотребление доверием; 3) причинением имущественного ущерба; 4) корыстной целью. Между тем следует отметить, что объект, предмет преступления, структура ущерба, не позволяют отнести обозначенные преступления к хищению чужого имущества, в частности, и, к преступлениям, предусмотренным главой 21 УК РФ, в общем.

¹⁷² Коробеев А. И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 249.

¹⁷³ Пронина М. П. Прием конструирования норм уголовного законодательства // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 7. С. 153.

Ими причиняется вред в сфере экономической деятельности кредитных и страховых организаций, поэтому логично перенести их в главу 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности».

К квалифицирующим обстоятельствам мошенничества по Уложению 1845 года было отнесено: 1) совершение деяния по предварительному сговору группой лиц; 2) приготовление виновным особого орудия или вещи для совершения деяния; 3) злоупотребление виновным доверием потерпевшего, вызванного его служебным положением или личностными между ними отношениями; 4) совершение деяния в отношении малолетнего или глухонемого; 5) деяние, совершенное повторно (ст. 2181); 6) деяние, совершенное в третий раз (ст. 2182); 7) деяние, совершенное более трёх раз (ст. 2183).

Особый интерес вызывает содержание уголовно-правовой нормы, закрепленной в ст. 2184: «Изобличенные в воровстве-мошенничестве такого рода, который не означен именно в предшествующих статьях настоящего Отделения, когда это преступление не было сопровождаемо ни одним из особых, также в этом Отделении означенных более ли менее увеличивающих или уменьшающих вину обстоятельств, подвергаются: наказаниям, определенным выше сего в статье 2159 за воровство-кражу». Толкование этого законодательного положения позволяет прийти к умозаключению, что любой обман как способ неправомерного завладения чужим движимым имуществом является способом хищения. Разграничение между воровством-кражей и воровством-мошенничеством правоприменитель должен проводить, ориентируясь на содержание Отделения четвертого «О воровстве-мошенничестве. Если в нём не прописана конкретная ситуация хищения с обманом, но фактически она имела место быть, то такие действия должны квалифицироваться как воровство-кража.

Представленная выше формулировка текста статьи, по нашему мнению, затрудняет однозначное уяснение смысла уголовно-правовой нормы. Её расширительное судебное толкование могло приводить к необоснованному искажению смысла установленного запрета. Этот вывод основан на том, что в родовом определении воровства-мошенничества законодатель признает им «всякое по-

средством какого-либо обмана учиненное похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества» (ст. 2172), то есть не наделяет уголовно-правовым значением вид обмана, как критерий разграничения этой формы хищения от воровства-кражи. А уже в ст. 2184 «привязывает» установление воровства-мошенничества только по тем видам обмана, которые прямо установлены в данном Отделении.

Также как и при воровстве-краже дела о воровстве-мошенничестве между родителями и детьми, и между супругами начинаются не иначе, как по жалобе понесшего от преступления убыток лица (примечание к ст. 2186).

Глава четвертая «О присвоении и утайке чужой собственности» содержала в себе следующие отделения: 1) «О присвоении через подлог или иного рода обман чужого недвижимого имущества»; 2) «О присвоении вверенного чужого движимого имущества»; 3) «О присвоении найденной вещи»; 4) «О присвоении ученой или художественной собственности». Разделение на виды присвоения чужого имущества было проведено по свойствам предмета преступления: недвижимое имущество, движимое имущество, найденные вещи, ученая или художественная собственность.

Если в главе первой ответственность предусматривалась за насильственное завладение чужим недвижимым имуществом, то в главе четвертой преступные действия виновного направлены на приобретения права на чужое имущество посредством подложных документов (крепости, или межевые планы или книги, или же иные какие-либо акты и документы, служащие доказательством права собственности) (ст. 2188).

В доктрине уголовного права отдельные ученые «право на имущество» именуют уголовно-правовой фикцией, не относя его к предмету хищения и не признавая его самостоятельного юридического значения¹⁷⁴. Так в диспозиции уголовно-правовой нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 159 УК РФ приобретение право на имущество альтернативно хищению чужого имущества.

¹⁷⁴ Хилюта В. В. Право на имущество как предмет хищения в доктрине уголовного права и судебной практике // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 185.С. 197.

Дуалистичность правовой природы мошенничества определяется тем, что юридическая конструкция его состава включает две формы деяния, отличные между собой по предмету посягательства и содержанию действий.

В силу этого обстоятельства на сложность определения видовой принадлежности мошенничества в группе преступлений против собственности указывал в своих исследованиях имущественных преступлений И. Я. Фойницкий. Признавая в качестве предмета мошенничества право на недвижимое имущество, он видел необходимость расширения понятия хищения в этой его форме либо исключения признака «хищения» из мошенничества¹⁷⁵.

В современной теории уголовного права, существующие по этому вопросу позиции, развиваются в двух основных направлениях. Ряд ученых признают хищением приобретение права на имущество путем обмана и злоупотребления доверием¹⁷⁶ как одну из форм мошенничества. Другие теоретики, выделяют в мошенничестве: хищение чужого имущества и не хищение, состоящее в приобретении права на чужое имущество¹⁷⁷.

Особое мнение сформулировано Л. Д. Гаухманом: «... мошенничество – приобретение права на чужое имущество в уголовно-правовом значении представляет собой приготовление к хищению чужого имущества, то есть неоконченное хищение чужого имущества»¹⁷⁸.

Признание мошенничества формой хищения с одновременным включением в качестве альтернативного деяния объективной стороны не хищение, создает в определенной степени терминологическую путаницу, которая в Уложении 1845 года была преодолена посредством разделения воровства-мошенничества в отношении движимого имущества и присвоения права на не-

¹⁷⁵ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная: посягательства личные и имущественные. СПб., 1901. С. 247.

¹⁷⁶ См. напр.: Лопашенко Н. А. Посягательство на собственность: монография. М., 2012. С.204; Курс уголовного права. Т. 3 / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 387, 388.

¹⁷⁷ См., напр.: Уголовное право России: части Общая и особенная: учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. С. 560; Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000. С. 175.

¹⁷⁸ Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2005. С. 386.

движимое имущество. По нашему мнению, данный подход юридической техники является положительным историческим опытом при конструировании составов преступлений против собственности в современном уголовном законодательстве.

Подлог в документах, подтверждающих право собственности, предусматривался как физический (ст. 2188), так и интеллектуальный (ст. 2189).

Равной уголовной ответственности подлежали лица, как изготовившие подложный документ, внесшие в подлинный документ ложные сведения, так и виновные «кто получив, каким бы то ни было образом, крепостный акт или другую, служащую доказательством права собственности бумагу, подложно составленную, или злонамеренно через под чистки, поправки или иным образом измененную, и, зная о том, предъявит сию бумагу в суд, или передает ее для сего другому, или же сделает также заведомо какое-либо иное противозаконное из оной потребление» (ст. 2190).

В отличие от современного правоприменения действия по изготовлению поддельного документа и его использованию для приобретения права на чужое имущество не образовывали совокупность преступлений, что было прямо закреплено в положениях закона.

Присвоением чужого недвижимого имуществом также признавалось действие лица, владеющим, пользующим чужим именем либо проживающим в нём по доверенности, устному или письменному договору, и называющим данное имение своим в «актах или в представляемых им местному или иному начальству или суду бумагах ... в намерении оное себе присвоить...» (ст. 2191).

Отделение второе данной главы «О присвоении вверенного чужого движимого имущества» включает в себя только одну статью. В ней предусмотрены два состава преступления, предметом которых выступает вверенное виновному лицу имущество, незаконно обращенное им в свою пользу или растраченное. Объективная сторона включает в себя ложные утверждения субъекта, что имущество уже возвращено, или передано владельцу, или употреблено по назначению вверенного предмета, или же будто бы без вины его истреблено или утра-

чено, а также непризнание самого факта принятия в свое ведение предмета преступления. Мера наказания определялась как за воровство-мошенничество (ст. ст. 2184, 2185), что свидетельствует о равной оценке законодателем общественной опасности этих деяний.

Присвоение вверенного имущества в части установления наказания за него приравнялось к краже «со взломом внутренним», если виновный вскрыл переданное ему запечатанное имущество в целях его присвоения (ст. 2192).

В Уложении 1845 года регламентировались правовые последствия присвоения найденной вещи. В этих целях было предусмотрено Отделение третье, в котором эти действия поделены на поступки и преступления. К первым были отнесены: 1) утайка случайно найденных денег или иной вещи в первый раз при условии, что лицо знало, кому они принадлежат (абз. 1 ст. 2193); 2) присвоение найденного на чужой земле или в иной чужой собственности клада (абз. 2 ст. 2193); 3) обращение в свою пользу нашедшим «деньги (в городах не менее, десяти рублей, а в селениях не менее одного рубля) или же вещь (такой же цены) не знал, кому они принадлежат, ... вместо того, чтобы объявить о находке своей в установленном порядке немедленно и во всяком случае в городах не позднее как чрез три дня, а в селениях не позднее как чрез три недели ...)» (абз. 1 ст. 2194).

Нарушитель в этих ситуациях должен был подвергнут: во-первых, денежному взысканию. Его размер при присвоении имущества известного нашедшему владельца, либо присвоение клада составлял сумму «вдвое против утаенной им суммы денег или цены утаенных и присвоенных им вещей», а при обращении потерянного имущества неизвестного нашедшему владельца размер взыскания составлял сумму «равному сумме денег или цене вещей им утаенных...». Во-вторых, «сверх того, возратить хозяину утаенные деньги или вещи, или цену сих последних, и вознаградить его за все понесенные им от того убытки» без разделения ответственности в зависимости от знания или незнания нашедшим владельца утраченных вещей.

Уголовные проступки влекли за собой материальную ответственность и возмещение потерпевшему убытков, измеряемых стоимостью потерянного имущества, иных убытков, порожденных их отсутствием за период незаконного обладания ими правонарушителем.

Преступлением признавались: 1) «утайка и присвоение найденных ... денег или вещей, со знанием кому они принадлежат, во второй раз, или хотя и в первый раз, но когда они были от него требованы, или ему было известно, что о сей потере опубликовано в ведомостях...» (абз. 3 ст. 2193); 2) «когда виновный изобличен в утайке и присвоении себе найденного более двух раз...» (абз. 3 ст. 2193); 3) присвоение найденных вещей неизвестного владельца во второй раз (абз. 3 ст. 2194). Ссылочная санкция в данных статьях направляла правоприменителя к нормам, устанавливающим наказание за воровство-мошенничество.

Отдельный состав выделен со специальными субъектами – чиновники, служители городской и земской полиции, смотрители и сторожа мест или заведений, в коих найдены потерянные деньги или вещи. Они признавались виновными в не объявлении о найденных ими деньгах или вещах и подвергались взысканиям и наказаниям обозначенным выше, и во всяком случае отрешались от должности (абз. 5 ст. 2194).

Примечание к ст. 2194 закрепляло условие правомерного владения найденной вещью: «Объявивший находку, может, на основании статьи 156 Гражданских Законов (Т. X), если хозяин по троекратным публикациям не найдётся, пользоваться ею как своею собственностью».

Положения Отделения четвертого «О присвоении ученой или художественной собственности» относимы к преступлениям против интеллектуальной собственности в УК РФ, но в отличие от него размещены в разделе «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц», а не «Преступлений против личности». И. Я. Фойницкий именовал данную группу деяний «Посягательства против отвлеченной собственности»¹⁷⁹.

¹⁷⁹ Фойницкий И. А. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1901. С. 386.

В Уложении 1845 года впервые были закреплены основания уголовной ответственности за вымогательство. Так, в разделе V «О преступлениях и проступках по службе» в главе VI «О мздоимстве и лихоимстве» была закреплена ст. 406 «Высшей степенью лихоимства почитается вымогательство».

Ученые отмечают, что сам термин «вымогательство» применялся только в разделе служебных преступлений. В иных составах не употреблялся. Наличие признаков этого преступления определяется на основе анализа содержания диспозиции уголовно-правовой нормы¹⁸⁰. Например, в группе преступлений и проступков против собственности частных лиц вымогательство включено в главу «О преступлениях и проступках по договорам и другим обязательствам» в подвид деяний «О принуждении к даче обязательств»: «Кто силою или угрозами заставить кого-либо написать, выдать или подписать какое-либо на себя обязательство, или, напротив, истребить акт, служащий доказательством его права на собственность какого-либо рода, или же согласиться на какую-либо невыгодную для него сделку по имуществу, или на отречение от какого-либо права или иска, или же на иное, также невыгодное условие ...» (ст. 2198). Повышение общественной опасности при вымогательстве законодатель предусматривал, если оно «было сопровождается побоями или иными истязаниями или жестокостями, или лишением свободы, или же при нём подвергались опасности жизнь или здоровье принуждаемого лица...» (ст. 2199). Виновный в этом случае должен был быть подвергнут наказанию, определённом за разбой.

Вымогательство, как корыстное имущественное преступление, примыкает к насильственному похищению. Различие между ними определяется двумя признаками, из которых один лежит в предмете посягательства, другой в способе деятельности. Предметом вымогательства может быть как имущество, так и всякое вообще право имущественное или неимущественное. Оконченным

¹⁸⁰ Хетагурова Е. Е. Понятие вымогательства в дореволюционном законодательстве России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 4. С.14-15.

вымогательство признается с момента окончания угрозы; действительного перехода имущества или права на имущество к виновному не требуется.¹⁸¹

Состав вымогательства сконструирован как формальный. Такой же подход сохранился в его юридической конструкции в УК РФ. Он закреплен в главе 21 «Преступления против собственности». Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления в главе 30 отдельного состава вымогательства, совершаемого должностными лицами, не содержит. Однако в ст. 290 УК РФ «Получение взятки» предусмотрен квалифицирующий признак «с вымогательством взятки». Преступление отнесено к категории особо тяжких, так как предусматривает наказание до 12 лет лишения свободы.

Повышение общественной опасности имело место, если вымогательство «было сопровождается побоями или иными истязаниями или жестокостями, или лишением свободы, или же при оном подвергались опасности жизнь или здоровье принуждаемого лица ...» (ст. 2199). В действующем уголовном законодательстве насилие также предусмотрено в квалифицированном виде вымогательства.

К преступлениям «по некоторым обязательствам в особенности» в Уложении 1845 года отнесено: продажа «проданного» недвижимого имущества (ст. 2210); продажа заведомо украденного или иным незаконным способом полученное имущество (ст. 2212), виновный подлежал наказанию как пособник в том преступлении, посредством которого имущество было добыто.

Продажа «проданного» недвижимого имущества в настоящее время на практике квалифицируется как мошенничество. Одной из распространенных форм которого является мошенничество при продаже квартир. Способами обмана при покупке квартиры являются: а) приобретение квартиры, не принадлежащей мошеннику. В данном случае мошенники используют нотариальные доверенности, которые недействительны, подделаны либо отозваны; б) повторные

¹⁸¹ Фойницкий И. А. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1901. С. 234, 237.

продажи квартиры нескольким лицам, либо получение аванса от нескольких лиц. При продаже квартиры повторно чаще всего мошенники используют дубликат свидетельства о праве собственности, поскольку при подаче документов на регистрацию свидетельство о праве собственности передается регистратору в Росреестре¹⁸².

Наличие в анализируемом правовом акте состава преступления, определяющего основание уголовной ответственности за подобные действия, свидетельствует о глубоких исторических корнях такой формы преступной деятельности, которая до настоящего времени не утратила своей актуальности.

В УК РФ в статье 33 к действиям пособника отнесено заранее обещанное приобретение и сбыт имущества, добытого в результате совершения преступления, что отражает преемственность с положением ст. 2212 Уложения 1845 года.

Проведенный анализ отдельных положений Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в первой редакции документа позволил высоко оценить работу его составителей и редакторов в части регламентации оснований уголовной ответственности за преступления против собственности. Многие положения в этой части нашли свое дальнейшее развитие в уголовном законодательстве России.

Уложение 1845 г. было несколько раз переработано. Были изданы его новые редакции, заменявшие предшествующие (в 1857, 1866, 1885 г.). Предложения о доработке Уложения 1845 г. новым законом активно высказывались еще с 1860-х гг.¹⁸³.

Вышедшая в 1885 г. редакция Уложения 1845 г. содержала в себе ряд отличий от предыдущих редакций документа. Она примечательна, в том числе тем, что, как отмечает профессор И. А. Исаев, в ней сохранялись противоречия, различие организующих принципов и недостаток теоретических обобщений.

¹⁸² Мошенничество при продаже квартир. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_74/activity/legal-education/explain?item=28637969 (дата обращения: 27.08.2025)

¹⁸³ Российское законодательство X—XX веков: Тексты и комментарии: в 9 т. / ред. О. И. Чистяков. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 242—243.

Для восполнения правовых пробелов в данной редакции был также предусмотрен принцип аналогии, дающий право суду дополнять закон в случаях обнаружения пробелов в праве¹⁸⁴.

Но, как мы писали выше, тексты норм по преступлениям против собственности в редакции документа от 1885 года фактически не поменяли своего содержания.

Дополнительный материал: [Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года](#)

¹⁸⁴ Исаев И. А. История государства и права России : курс лекций. М., 1993. С. 195.

10. Значение Уголовного уложения 1903 года как этапа развития российского уголовного законодательства

22 марта (ст. стиля) 1903 года императором Николаем II было утверждено новое Уголовное уложение¹⁸⁵, в котором были учтены произошедшие в России изменения. Император в своём Указе Правительствующему Сенату, предваряющем текст закона, писал: «Мы пребываем в твердой уверенности, что закон этот, разграничивая область воспрещённого и дозволенного и противодействуя преступным посягательствам послужит охране гражданского порядка и укреплению в народе чувства законности, которое должно быть постоянным руководителем каждого как отдельно в кругу его деятельности, так и в совокупном составе сословий и обществ»¹⁸⁶.

Однако действующим нормативным актом в области уголовного права по большинству преступлений вплоть до 30 ноября 1918 года оставалось Уложение 1845 года.

Срок введения в действие Уголовного уложения 1903 г. не был определён изначально. Это происходило фрагментарно. В 1904 г. были введены в действие главы «О бунте против Верховной власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов императорского Дома», «О государственной измене», отдельные статьи из глав «О смуте», «О противодействии правосудию», «О подлоге», «О преступных деяниях по службе государственной и общественной»; в 1905–1906 гг. – оставшиеся статьи главы «О смуте» и глава «О нарушении ограждающих веру постановлений». В разное время были введены также в действие отдельные статьи из глав «О нарушении постановлений, ограждающих общественное спокойствие», «О нарушении постановлений о надзоре за печатью», «О преступных деяниях против личной свободы», «О непотребстве», «О преступных деяниях против прав авторских и привилегий на изобретения».

¹⁸⁵ Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. СПб., 1903.

¹⁸⁶ Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 4.

Главы Уголовного уложения 1903 года, на которых мы остановимся далее, и которые по своему содержанию включают в себя преступления против собственности, в действие введены не были. Однако их изучение представляет для нас научный интерес в историческом экскурсе развития законодательной мысли.

В Общей части этого правового акта были сформулированы легальные дефиниции понятия преступления и проступка.

Преступное деяние, за которое в законе определено как высшее наказание смертная казнь, каторга или ссылка на поселение именуется тяжкими преступлениями (абз.1 ст. 3).

Преступное деяние, за которое в законе определено как высшее наказание заключение в исправительном доме, крепости или тюрьме, именуется преступлением (абз.2 ст. 3).

Преступное деяние, за которое в законе определено как высшее наказание арест или денежная пеня именуется проступками.

Ориентируясь на данные положения Общей части, мы сможем понять, какое из имущественных посягательств, к какому виду преступного деяния отнесено.

Разделение преступлений по главам было проведено не на основании объекта преступления, а по специфике действий, посредством которых ему причинялся вред.

Особенная часть данного правового акта была разделена только на главы в отличие от предшествующего документа, в котором они объединялись в разделы. Поэтому обобщающее наименование совокупности преступлений имущественного характера не определялось. Теоретики того времени использовали различную терминологию. П. П. Пусторослев называл их «преступления против имущества»¹⁸⁷, С. В. Познышев – «имущественные преступления»¹⁸⁸.

¹⁸⁷ Пусторослев П. П. Из лекций по особенной части русского уголовного права. Юрьев, 1908.

¹⁸⁸ Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений. М., 1905.

В главе 30 Уголовного уложения «О повреждении имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков или иных предметов» были предусмотрены различного вида повреждения имущества.

П. П. Пусторослев определял родовое понятие данного посягательства следующим образом: «Это предусмотренное уголовным законом умышленное либо неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества лицом, способным нести ответственность, которое не образует состава иных преступных деяний, таких как поджог, взрыв, затопление, завал шахты, отравление рыб или скота, распространение болезней среди сельскохозяйственных животных»¹⁸⁹.

В ст. 547 ответственность дифференцировалась за умышленное повреждение чужого имущества стоимостью до 500 рублей, свыше 500 рублей и «маловажное» повреждение. «Как разъяснило особое присутствие департаментов Госуд. Совета решение вопроса о маловажности повреждения в каждом отдельном случае должно быть представлено усмотрению суда, который должен решать его не иначе как в зависимости от оценки благосостояния того или иного потерпевшего»¹⁹⁰. Данный признак носит оценочный характер. Вывод о его наличии суд должен был делать, давая оценку материальному положению потерпевшего. Государственный Совет – в 1906 – 1917 годах – законодательный государственный орган, следовательно, его толкование необходимо признать легальным, обязательным к применению судом. Оно не содержало стоимостных границ данного признака. Н. С. Таганцев писал, что маловажным следует признавать повреждение, которое причинило небольшой имущественный ущерб потерпевшему¹⁹¹.

По нашему мнению, ни легальное, ни доктринальное толкование «маловажного повреждения» не дает четкого понимания его ценовых границ. Возни-

¹⁸⁹ Пусторослев П. П. Из лекций по особенной части русского уголовного права. Юрьев, 1908. С. 160.

¹⁹⁰ Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений. М., 1905. С. 250.

¹⁹¹ Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: Уголовное уложение двадцать второго марта тысяча девятьсот третьего года: С мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юст. в Гос. сов. и журн. - особого совещ., особого присутствия деп. и общ. собр. Гос. Сов. СПб., 1904. С. 756.

кает вопрос: если ущерб будет более 500 рублей при ежегодном доходе потерпевшего свыше 1млн. рублей – это «маловажное повреждение» или повреждение на сумму свыше 500 рублей? Ответ на него менял правовые последствия содеянного от денежной пени не свыше 25 рублей до ареста на срок не свыше трех месяцев, что законодательно признавало и то и другое преступное деяние проступком.

В современном уголовном законодательстве такого признака нет. Но есть другая оценочная характеристика ущерба в преступлениях против собственности – значительность. Значительный ущерб является обязательным признаком умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества (ст. 167 УК РФ). Несмотря на толкование этого признака в самом уголовном законе, его установление на практике обозначено правоприменителями как проблема. Признавая лицо виновным в преступлении по этому признаку, относящемуся к оценочным категориям, суд в соответствии с законом и разъяснением Верховного Суда РФ обязан в описательной части приговора указать обстоятельства, послужившие основанием для вывода о наличии в деянии рассматриваемого признака, а не ограничиваться лишь ссылкой на этот признак. Устанавливая в действиях виновного обязательный признак состава, предусмотренного ст. 167 УК, причинение значительного ущерба, суды руководствуются разными подходами в его оценке¹⁹².

Глава о повреждении чужого имущества в качестве предмета преступления называла:

- реки, каналы, иные водные источники (ст. 548);
- сухопутные, водные пути сообщения общего пользования (ст. 549);
- публичные памятники, чужой скот, рыбу в чужом водоеме (ст. 550);
- водопроводный, газопроводный, нефтепроводный снаряд (ст. 551);
- чужой документ, удостоверяющий установление, изменение или прекращение прав и обязанностей (ст. 552);

¹⁹² Шишкин Н. А. Проблемы толкования термина «значительный ущерб» в составе умышленных уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 11. С. 159.

- святыни, принадлежащие церкви (ст. 553) и др.

Таким образом, законодатель постарался объединить в одну главу, как деяния имущественного характера, так и неимущественного характера, например, если предметом выступали официальные документы. Такое законодательное решение объяснимо самим названием главы, в котором основной акцент сделан на действие «повреждение имущества».

Структура Особенной части УК РФ построена на разделении преступлений и по разделам и главам на основании объекта, поэтому в действующем уголовном законе перечисленные выше составы преступления расположены в разных его частях.

Отдельные виды повреждений чужого имущества признавались законом и доктриной общеопасными. «Общеопасное повреждение имущества обнимает те случаи, в которых для достижения преступного результата деятель прибегает к средствам, легко поддающимся управлению в первоначальном моменте их приложения, но затем быстро разрастающихся в разрушительные стихийные силы, представляющие собою опасность для определенного множества имущественных и даже личностных благ человека»¹⁹³.

Таковыми признавались следующие: 1) отравление водопоя, кормовых припасов с целью причинения вреда скоту; отравление воды в водоеме, чтобы вызвать гибель рыбы; заражение растений (ст. 550); 2) повреждение имущества путем взрыва, поджога, потопления (ст. 562); 3) повреждение железнодорожного пути с целью вызвать крушение поезда (ч. 2 ст. 558).

Неосторожными видами повреждения признавались: 1) повреждение служащим общего или правительственного телеграфа; повреждение служащим инфраструктуры водного пути (ст. 565); 2) повреждение по неосторожности железнодорожного пути, железнодорожного подвижного состава, парохода или морского судна, предостерегательного знака, наступившее в результате нарушения безопасности железнодорожного движения или плавания (ст. 566) и др.

¹⁹³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства на личность и имущество. СПб., 1893. С. 326.

Для отдельных составов неосторожного повреждения имущества обязательным условием уголовной ответственности было наступление последствия, такого как, наводнение или остановка водного сообщения (ст. 565) либо оно предусматривалось в качестве квалифицирующего обстоятельства, например, крушение поезда (ч. 2 ст. 566). В УК РФ нарушение безопасности движения и эксплуатации железнодорожного или водного транспорта с обозначенными выше последствиями отнесено к группе преступлений с одноименным с деянием наименованием.

Законодатель исключил преступность неосторожного повреждения чужого имущества, при условии «если самим виновным или по его указанию устранена причиненная его деянием опасность ... или в самом начале прекращено действие огня, взрыва или потопления» (ст. 569).

Проведенный анализ положения главы 30 Уголовного уложения показал, что в тексте статей законодатель употребил только термин «повреждение» имущества, хотя описанные способы деяния и последствия относимы к полному утрату имуществом своих полезных свойств. Этот подход к описанию данной группы преступлений был перенесен из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Давая правовую оценку уголовному закону в этой части И. Я. Фойницкий писал: «Для обозначения повреждающей имущество деятельности, законодательство наше употребляет различные выражения, а, именно: «повреждение чужого имущества»..., «истребление огнем»..., «разрушение или повреждение»..., «истребление»... и т.д. Все эти описательные выражения, имеющие тот недостаток, что при множестве их нарушается единство конструкций деяний рассматриваемой группы, проект редакционной комиссии заменяет одним общим выражением «повреждение имущества», которое означает как полное, так и частичное лишение предмета его имущественной годности. Взамен того предлагали сохранить как общее название «истребление имущества». Замечая, что, повреждение есть лишь частичная порча вещи, не обнимающая полного уничтожения её; однако, название это не точно, потому что в мире физическом к области которого должно принадлежать все имущества, могут быть

предметом повреждения, ни одна вещь не уничтожается, материя не пропадает, а лишь трансформируется. Гораздо правильнее поэтому поступает редакционная комиссия, сохраняя и для этой высшей степени наказания повреждение»¹⁹⁴.

По мнению В. В. Есипова, такое законодательное решение объясняется тем, что «повреждение чужой вещи, как имущества, проявляется не только в форме ее порчи, но и истребления, которое уже заключается в понятии повреждения, имеющего много степеней, начиная с самого незначительного, имеющего лишь влияние на существо или назначение вещи, и кончая полным ее истреблением»¹⁹⁵.

Действующий уголовный закон в главе 21 УК РФ выделяет составы умышленного и неосторожного уничтожения или повреждения имущества. Однако в других его разделах и главах используется иная, но смежная терминология. Посредством неё обозначаются воздействия на предмет, в результате которого наступает полная или частичная утрата его полезных свойств. В качестве примеров таких деяний можно назвать следующие: осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах (ст. 214 УК РФ), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ), приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267 УК РФ), надругательство над Государственным флагом Российской Федерации или Государственным гербом Российской Федерации (ст. 329 УК РФ) и др.

Терминологическое разнообразие представляется нам необходимым для отражения в нём направленности действий виновного лица, связанной напрямую с особенностью предмета посягательства.

Мы признаём справедливость утверждений учёных дореволюционной эпохи о невозможности полного уничтожения физической материи, подчёркивая её способность лишь к трансформации вследствие разрушающих воздействий. Исходя из этого, представляется целесообразным чётко различать уго-

¹⁹⁴ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства на личность и имущество. СПб., 1893. С. 322.

¹⁹⁵ Есипов В. В. Уголовное уложение 1903 года, его характер и содержание. Варшава, 1903. С. 125.

ловно-правовые понятия «уничтожение» и «повреждение» чужого имущества, поскольку каждое из них своим терминологическим содержанием позволяет определить масштаб причинённого материального ущерба и объективно оценить уровень общественной опасности совершённых действий.

А. В. Зарубин в своей оценке исследуемого документа приходит к выводу, что «огромный опыт отечественного законодателя в уголовно-правовой охране имущества от уничтожения и повреждения в дореволюционный период, воплотившийся в Уголовном уложении 1903 г., свидетельствует о необходимости установления уголовной ответственности за рассматриваемое преступление в отдельной главе уголовного закона»¹⁹⁶.

Не отрицая влияния Уголовного уложения 1903 года на становление российского уголовного законодательства, считаем не целесообразным предлагаемое ученым законодательное решение, так как это может нас вернуть нас к казуистики построения уголовно-правовых норм

Наименование главы 31 «О не объявлении о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием» информирует нас о видах преступлений, основание ответственности за которые в ней установлены.

Значимых изменений по оценке обращения в свою пользу найденной вещи в сравнении с Уложением 1845 года не произошло. Отметим только, что отдельно в качестве предмета таких действий было выделен «пригульный скот». К преступлению было отнесено деяние субъекта по обращению в свою пользу найденного имущества, если «во время присвоения было известно, что хозяин разыскивает это имущество, или если хозяин требовал возвращения этого имущества от виновного», так как за него предусматривалось наказание в виде заключения в тюрьму (ст. 573).

Иные деяния по «утайке» найденного имущества согласно санкциям норм были отнесены к проступкам.

¹⁹⁶ Зарубин А. В. Уголовно-правовая характеристика уничтожения или повреждения чужого имущества: учебное пособие. СПб., 2015. С. 17-18.

Присвоение чужого вверенного имущества, как и в предыдущих законодательных актах, в Уголовном уложении представлено корыстным имущественным посягательством, не отнесенным к группе составов хищения.

В главе 32 «О воровстве, разбое и вымогательстве» законодатель закрепил основания уголовной ответственности за тайное или открытое похищение чужого движимого имущества – воровство (ст. 581); насильственное похищение – разбой (ст. 589); за принуждение к уступке по договору или обязательству – вымогательство (ст. 590). Наказуемыми признавались и покушения на данные преступления.

Воровство, разбой и вымогательство было простым и квалифицированным.

Предметом воровства признавалось не только чужое движимое имущество, но документы и корреспонденция (ст. 581), а также имущество из разрытой или поврежденной с целью хищения могилы (ст. 582).

В УК РФ отсутствует состав, который бы предусматривал ответственность за похищение имущества из могил. Преступлением против нравственности признано надругательство над телами умерших либо уничтожение, повреждение или осквернение мест захоронения (ст. 244). Но, в теории уголовного права сформулирована точка зрения о том, что «объект преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, неразрывно связан не только с нравственностью, но и с охраной собственности. Однако неверно квалифицировать хищение из могилы как отдельный состав по ст. 158 УК РФ. Собственником имущества тело не может быть по определению права собственности т.к. не реализует правомочия владения, пользования и распоряжения. Отношения по поводу собственности имеют место быть в ст. 244 УК РФ как дополнительный объект. В вопросах объективной стороны тенденции развития данного состава требуют от законодателя введения новых частей ст. 244 УК РФ»¹⁹⁷. Наличие дополнительного объекта повышает общественную опасность деяния, поэтому мы согласны с

¹⁹⁷ Вуколова А. И., Антось П. А. Актуальные вопросы квалификации преступления по ст. 244 УК РФ //Вестник науки. URL: <https://www.вестник-науки.рф/article/2> (дата обращения: 27.08.2025)

данным предложением, так как его реализация будет обеспечивать исполнения принципа справедливости, согласно которому наказания должно назначаться с учетом общественной опасности содеянного.

Повышение ответственности предусматривалось по отношению к виновным, совершившим новое воровство, разбой или вымогательство в процессе или после отбытия наказания (ст. ст. 586, 587, абз. 2 ст. 589)

Квалифицированным составом воровства признавался рецидив похищения лошади: «Если же виновный учинил сие конокрадство по отбытию наказания за такое же конокрадство, при том до истечения пяти лет со дня отбытия за него наказания...» (ст. 585). Выделение в качестве самостоятельного предмета хищения чужого имущества обосновывается тем, что проблема хищения лошадей и скота в дореволюционной России являлась одной из актуальных в борьбе с преступностью. Острота ситуации обуславливалась широким применением скота, как в хозяйственной деятельности сельского населения, так и использованием лошадей в городах в качестве тягловой силы. При этом воровство скота и лошадей считалось едва ли не наиболее тяжким из всех видов имущественных преступлений, поскольку такие животные были основой пропитания семьи, и их утрата вела напрямую к разорению хозяйства¹⁹⁸.

Традиционно квалифицированным воровством признано было похищение предметов культа из церкви (ст. 588).

Объективная сторона разбоя в качестве способов преступления альтернативно закрепляла следующие: приведение потерпевшего в бессознательное состояние, причинение телесного повреждения, насилие или его угроза (ст. 589). Ответственность за разбой, повлекший за собой тяжкие телесные повреждения, отнесена к квалифицированному составу.

Данные подходы в вопросах законодательного закрепления состава разбоя и его квалификации сохранены в УК РФ, его правоприменении.

¹⁹⁸ Данчевская А. В. О Борьбе с конокрадством в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX – начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2020. Т. 21. № 3. С. 359.

«В случаях, когда в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное должно квалифицироваться как разбой»¹⁹⁹.

Причинение тяжкого вреда здоровью предусмотрено в качестве квалифицирующего обстоятельства в ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Согласно ст. 591 главы 33 «О мошенничестве», к данному виду преступления было отнесено: 1) похищение посредством обмана чужого движимого имущества с целью его присвоения; 2) похищение чужого движимого имущества с целью его присвоения посредством обмера, обвеса или иного обмана в количестве или качестве предметов при купле-продаже или иной возмездной сделке; 3) посредством обмана приобрести имущественную выгоду, право на имущество, побудить к вступлению в невыгодную сделку по имуществу.

«Природа предмета посягательства в мошенничестве двойственная. С одной стороны, мошенничество направляется против собственности в телесных вещах, как предметах имущественного обладания, подобно краже и грабежу-разбою. Но, с другой стороны свойственный ему способ деятельности открывает возможность нарушения путем мошенничества и имущественных отношений по обязательствам, без относительно к конкретным предметам. Совершившимся мошенничество становится с момента передачи или уступки потерпевшим виновному имуществу или прав на имущество»²⁰⁰.

И. Я. Фойницкий дал оценку мошенничеству как преступлению против собственности на основе Уложения 1845 года. Но и в Уголовном уложении 1903 года объективная сторона мошенничества включала в себя как похищение чужого имущества путем обмана, так и путем обмана приобретения права на чужое имущество.

¹⁹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Верховный Суд РФ. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/8242/> (дата обращения: 31.08.2025)

²⁰⁰ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства на личность и имущество. СПб., 1893. С. 262.

Современное законодательство в ст. 159 УК РФ также объединяет в мошенничестве как хищение чужого движимого имущества и иное корыстное преступление против собственности в виде приобретения права на недвижимое имущество путем обмана.

В отдельной статье было закреплено два основания уголовной ответственности за страховое мошенничество: 1) «Виновный в получении по предъявленному им требованию сумму за имущество, застрахованное от повреждения, если заведомо повреждений не было или если виновный скрыл, что имущество повреждено от причины, лишивший его право на получение страховой суммы» (ст. 594); 2) «Виновный в поджоге, взрыве или потоплении застрахованного имущества с целью получить страховую сумму (ст. 598).

В современном уголовном законодательстве специальные виды мошенничества представлены более широко с учетом экономического и технического развития, породившего новые виды обмана как способа незаконного завладения чужим имуществом.

Дополнительный материал: [Уголовное уложение 1903 г.](#)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. – СПб.: Д. Буланин, 2001. – 446 с.
2. Андрусенко, О. В. Деятельность законодательных комиссий в 1800-1820 г.г. по систематизации уголовного законодательства России // Проблемы права. – 2015. – № 2 (50). – С. 171-178.
3. Анисимов, В. Ф. Законодательство России о преступлениях против собственности с признаками хищения: досоветский период // Вестник Югорского государственного университета. – 2007. – № 7. – С. 12-17.
4. Аристархов, А. Л. Похищение или хищение важного личного документа: аспекты уголовно-процессуальной деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 3. – С. 88-95.
5. Баранова, М. В. Конструирование дефинитивных норм права: проблемы и тенденции // Юридическая техника. – 2013. – № 7. – С. 120-125.
6. Белогриц-Котляревский, Л. С. О воровстве-краже по русскому праву: Историко-догматическое исследование. – Киев: Университетская типография, 1880. – 398 с.
7. Беспалько, В. Г. Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея. – СПб.: Юридический центр, 2015. – 533 с.
8. Бобровский, П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: историко-юридическое исследование: с прил. снимков подлинной рукописи Артикула воинского. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1887. – 96 с.
9. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права. – СПб., Киев: Н. Я. Оглоблин, 1907. – 694 с.
10. Воеводкин, А. Е. Уголовно-правовая охрана отношений по управлению корпорацией как способ противодействия рейдерству: дисс. ... к.ю.н. – Екатеринбург, 2018. – 197 с.
11. Военные уставы Петра Великого: Сб. док. / Отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В.И. Ленина. – М.: Типография Б-ки им. Ленина, 1946. – 80 с.
12. Вуколова, А. И., Антось П. А. Актуальные вопросы квалификации преступления по ст. 244 УК РФ [Электронный ресурс] // Вестник науки. URL: <https://www.вестник-науки.рф/article/2>.
13. Гаухман, Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005. – 315 с.

14. Георгиевский, Э. В. К вопросу об общей характеристике и происхождению Русской Правды // Сибирский юридический вестник. – 2009. – № 1 (44). – С. 74-81.
15. Данчевская, А. В. О Борьбе с конокрадством в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX–начале XX вв. // Историко-экономические исследования. – 2020. – Т. 21. – № 3. – С. 357-377.
16. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В двенадцати томах. Том 5. Кач-Мал. – М.: ООО «Мир книги», 2004. – 416 с.
17. Дювернуа, Н. Л. Источники права и суд в древней России: Опыт по истории русского гражданского права. – М.: Университетская типография, 1869. – 413 с.
18. Елисеев, С. А. Преступления против собственности по проекту Уголовного Уложения Российской Империи 1813 г. // Веснік БДУ. – Сер. 3. – 2014. – № 1. – С. 71-75.
19. Епифанов П. Военно-уставное творчество Петра Великого / Военные Уставы Петра Великого. Сборник документов / под ред. Н. Л. Рубинштейна. – М.: тип. Б-ки им. Ленина, 1946. – 80 с.
20. Есипов, В. В. Уголовное уложение 1903 года, его характер и содержание. – Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа, 1903. – 175 с.
21. Загоскин Н. П. История права Московского государства. Том 1. – Казань: Университетская типография, 1877. – 344 с.
22. Зарубин, А. В. Уголовно-правовая характеристика уничтожения или повреждения чужого имущества: учебное пособие. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2015. – 59 с.
23. Жижиленко, А. А. Преступления против имущества и исключительных прав. – Ленинград: Рабочий суд, производственный кооператив артель «Печатня»1928. – 210 с.
24. Идеографический словарь русского языка / сост. О. С. Баранов. – М.: ЭТС, 1995. – 814 с.
25. Иншакова, А. О. Русская Правда как первоисточник унифицированного гражданско-правового развития русского государства // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 5. – 2015. – № 4 (29). – С. 10-18.
26. Исаев, М. М. Уголовное право. Особенная часть. Имущественные преступления. – М.: Юридическое издательство, 1938. – 88 с.
27. Исаев, М. М. Уголовное право Новгорода и Пскова XIII—XV вв. // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук. – М.: Юридическое издательство МЮ СССР1948. – С. 126-142.

28. Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2004. – 797 с.
29. Исаев, И. А. История государства и права России: курс лекций. – М.: Бек, 1993. – 272 с.
30. Клепицкий, И. А. Что не так с понятием хищения // Уголовное право. – 2023. – № 12. – С. 23-40.
31. Ключевский, В. О. Русская история. Кн. 1. – М., 1902. – 934 с.
32. Ключевский, В. О. Сочинения. В 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение). – М.: Мысль, 1987-1990, 1989. – 508 с.
33. Ключевский, В. О. Русская история полный курс в 4 ч. Часть 3. – М.: Юрайт, 2025. – 354 с.
34. Константинов, В. Рейдерство – не мошенничество! // Законность. – 2008. – № 11. – С. 38-43.
35. Коняхин В. П. Страницы истории. Предпосылки законодательного закрепления Общей части российского уголовного права. (К 170-летию принятия свода законов Российской империи 1833 г.) // Государство и право. – 2003. – № 4. – С.97-105.
36. Коробеев, А. И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 247-250.
37. Кочои, С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. – М.: ООО «АНТЭЯ 2000», 2000. – 288 с.
38. Курс уголовного права. Т. 3 / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова и др. – М.: Зерцало-М, 2002. – 468 с.
39. Лебедева, В. Н., Макаренко Н. Г. Поджог как способ повреждения или истребления имущества в российском уголовном праве имперского периода (XVIII – начало XX вв.) // Известия Сочинского государственного университета. – 2014. – № 3 (31). – С. 24-30.
40. Лоба, В. Е. Имущественные преступления в Псковской судной грамоте // Право и образование. – 2012. – № 8. – С. 159-165.
41. Логецкий, А. А. Преступление и проступок в уголовном праве XIX – начале XX веков: автореф. ... дис. к.ю.н. – М., 2003. – 35 с.
42. Лопашенко, Н. А. Рейдерство // Законность. – 2007. – № 4. – С. 7–12.
43. Лопашенко, Н. А. Посягательство на собственность: монография. – М.: Норма, 2012. – 527 с.
44. Лохвицкий, А. В. Курс русского уголовного права. – СПб.: скоропечатня Ю.О. Шредера, 1871. – 704 с.

45. Макаренко, Н. Г. Имущественные преступления в российском праве в XVIII - начале XX вв.: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... к.ю.н. – Новгород, 2012. – 29 с.
46. Мартысевич, И. Г. Псковская судная грамота. – М.: Изд-во Московского университета, 1951. – 208 с.
47. Москалькова: нужно возмещать ущерб потерпевшим, даже если преступник не найден [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4426649>.
48. Мурзакевич, Н. А. Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 г. [Электронный ресурс]: издана по списку, хранящемуся в библиотеке князя Михаила Семеновича Воронцова. – Одесса, 1847.
49. Набоков, В. Д. Элементарный учебник Особенной части русского уголовного права. Выпуск первый. Книга II. –СПб.: Сенатская Типография, 1903. – 219 с.
50. Нейман, И. Е. Начальные основания уголовного права. – СПб.: Типография Иос. Иоаннесова, 1814. –75 с.
51. Незнамова, З.А. Виды преступлений против общественной нравственности // Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко и др. – М.: НОРМА—ИНФРА • М, 2001. – 960 с.
52. Неклюдов, Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 2. – СПб.: ип. П.П. Меркульева, 1876. – 747 с.
53. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. – СПб.: Издательство. кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. – 253 с.
54. Овчинникова, М. В. Из истории терминологии уголовного права XVIII века (на материале памятников деловой письменности Забайкалья) // Филология и человек. – 2008. – №3. – С. 148-155.
55. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда от 26 марта 2016 года по делу № 83-КГ16-2 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29032016-n-83-kg16-2/>.
56. Пирогов П. П. Основные этапы закрепления ответственности за преступления против собственности по уголовному законодательству дореволюционной России // Вестник Международного института экономики и права. – 2015. – № 3 (20). – С. 118-129.
57. Познышев, С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. – М.: Университетская типография, 1905. – 408 с.
58. Полное собрание законов Российской империи Т. 5: 1713-1719. – СПб.: ип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. – 781 с.

59. Полякова, Е. Н. Лексика местных деловых памятников XVII – начала XVIII века и принципы ее изучения. – Пермь: Пермский государственный университет, 1979. – 101 с.
60. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 ГК РФ, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ, статей 75, 87 и 88 УПК РФ в связи с жалобами граждан А. В. Галимьяновой и В. С. Пузрякова» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>
61. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8306/>.
62. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 18.10.2012 г. «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (в ред. от 15.12.2022г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8308>.
63. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8242/>.
64. Проект уголовного уложения Российской империи. [Сост. в Комиссии для составления законов]. О наказаниях за частные преступления. – СПб.: Сенатская типография, 1813. – 115 с.
65. Пронина, М. П. Прием конструирования норм уголовного законодательства // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 7. – С. 152-156.
66. Пуряева, А. Ю. Корабельные леса в дореволюционном лесном законодательстве России // Вестник Воронежского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 131-138.
67. Пусторослев, П. П. Из лекций по особенной части Русского уголовного права. – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1908. – 328 с.
68. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / В. В. Ермошин, Н. Н. Ефремова, И. А. Исаев и др. / Отв. ред. В. С. Нерсесянц; АН СССР, Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1986. – 287 с.
69. Рарог, А. И., Нагаева Т. И. Нападение как вид преступного деяния // LEX RUSSICA. – 2012. – № 2. – С.342-358.
70. Рожнов, А. А. Кража (татьба) по Судебнику 1497 года // Общество и право. – 2011. – № 4 (36). – С. 39–42.

71. Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти томах / под общ. ред. д.ю.н., проф. О. И. Чистякова Законодательство Древней Руси Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. 430 с.
72. Раменская, В. С., Никитина, Е. В. Проблемы взаимодействия частного и публичного права на примере возмещения вреда в рамках уголовного процесса // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 4. – С. 72-79.
73. Ромашкин, П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I / под ред. проф. А. А. Герцензона. – М.: тип. Воен.-юрид. акад., 1947. – 96 с.
74. Русская правда (пространная редакция). Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век / под. ред. Д. С. Лихачева и др. – СПб.: Наука, 2004. – 685 с.
75. Свод законов о судопроизводстве по преступлениям // Свод законов Российской Империи. – СПб.: типография II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832. Т. XV. Кн. II. – 565 с.
76. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права: 4-е изд. доп. и попр. – СПб.: ип. М.М. Стасюлевича, 1910. – 667 с.
77. Скобликов, П. А. Уголовно-правовое значение профессионализации преступной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2022. – Т. 17. – № 12 (145). – С. 11-24
78. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / Текст ред. проф. М.К. Любавским. – М.: Ист.-филол. факультет Имп. Моск. ун-та, 1907. –196 с.
79. Сперанский, М. М. О существе свода // Русская старина. – 1876. – № 3. – С. 587–588.
80. Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. Сост. из актов, хранящихся во 2 Отд-нии Собств. е. и. в. канцелярии. – СПб. : тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1833. –200 с.
81. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. – СПб.: ип. Второго отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1845. – 171 с.
82. Станиславский, А. Исследование начала ограждения имущественных отношений в древних памятниках русского законодательства / Юридический сборник, изданный Дмитрием Мейером, ординарным профессором Казанского университета, доктором юридических наук. – Казань: иждивением книгопродавца И. Дубровина, 1855. – С. 153-218.
83. Судебник 1550 г. с дополнительными указами: составной [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011310716/.

84. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Общая часть: Лекции. Т. 2. – М.: Наука, 1994. – 393 с.
85. Таганцев, Н. С. О повторении преступлений. – СПб.: Журнал Министерства юстиции, 1867. – 296 с.
86. Таганцев, Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С доп. по 1 янв. 1876 г. СПб.: тип. – М. Стасюлевича, 1876. – 726 с.
87. Таганцев, Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: Уголовное уложение двадцать второго марта тысяча девятьсот третьего года: С мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юст. в Гос. сов. и журн. - особого совещ., особого присутствия деп. и общ. собр. Гос. Сов. – СПб.: Государственная типография, 1904. – 1122 с.
88. Тальберг, Д. Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабеж). – СПб.: тип. В.С. Балашева 1880. – 200 с.
89. Ткачевский, Ю. М. Преступления против общественной нравственности // Курс уголовного права. Особенная часть. Том 4. – М.: «Зерцало-М», 2002. – 672 с.
90. Токарчук, Р.Е. Насилие как составообразующий признак хищений: вопросы уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2008. – 23 с.
91. Толковый словарь Даля [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/dal/тать>.
92. Титов, С. Н. Уголовно-правовое обеспечение охраны интеллектуальной собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 28 с.
93. Томсинов, В. А. Создание «Полного собрания законов» и «Свода законов» Российской империи // Юридическое образование и юриспруденция в России в первой четверти XIX века. – М.: Зерцало-М, 2011. – С. 237–278.
94. Тяпкин, М. О., Демчик, Е. В. Характеристика самовольной порубки леса в исторической ретроспективе // Известия Алтайского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 145-152.
95. Уваров, И. А. Становление системы предупреждения преступности в России начала XVIII–XIX веков // Юрист – Правоведъ. – 2013. – № 2. – С. 57-60.
96. Уголовное право России: части Общая и особенная: учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2010. – 1184 с.
97. Указ нашему Сенату «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях» 1781 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru>.
98. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Тип. 2 отделения собств. е. и. в. канцелярии, 1845. – 898 с.

99. Упоров, И. В. Регламентация грабежа как преступления против собственности в Соборном Уложении 1649 г. // Новое слово в науке: перспективы развития. – 2016. – № 1-2 (7). – С. 381-387.
100. Фалеев, Н. И. Цели воинского наказания: дис. на соис. ... э.-орд. проф. по каф. воен.-уголовных законов в Александров. воен.-юрид. акад. – СПб.: тип. «В.С. Балашев и К^о», 1902. – 525 с.
101. Фойницкий, И.Я. Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование. – СПб.: тип. товарищество «Обществ. Польза», 1871. – 289 с.
102. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная: посягательства личные и имущественные. – СПб.: ип. М.М. Стасюлевича, 1901. – 434 с.
103. Хетагурова, Е. Е. Понятие вымогательства в дореволюционном законодательстве России // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2008. – № 4. – С.14-16.
104. Хилюта, В. В. Право на имущество как предмет хищения в доктрине уголовного права и судебной практике // Правоведение. – 2013. – № 2. – С. 185-198.
105. Царалунга, В. В. Трагедия российских дубрав // Лесной журнал. – 2005. – № 6. – С. 23-30.
106. Цепелев, В. Ф. О методологическом значении проекта Уголовного уложения Российской Империи 1813 года для развития российского уголовного законодательства // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, 30–31 мая 2013 г. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 239-241.
107. Черепин, Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Часть вторая. – М.: Изд-ва Акад. наук СССР, 1951. – 427 с.
108. Черникова, Т. В. Европейские идейные смыслы в контексте царской воли Петра I // Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ. – 2022. – № 3. – С. 322-334.
109. Шарапов, Р. Д. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999. – 239 с.
110. Шворина, Т. Воинские артикулы Петра I / под ред. М. М. Исаева. – М.: Центральная типография НКО СССР им. К. Ворошилова, 1940. – 64 с.
111. Шепельков, В. Хищение с применением насилия: всегда ли это разбой или грабеж? // Уголовное право. – 2013. – № 3. – С. 48-52.
112. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права. – М.: Юридический колледж МГУ, 1995. – Т. 2. – 698 с.
113. Шишкин, Н. А. Проблемы толкования термина «значительный ущерб» в составе умышленных уничтожения или повреждения имущества (ст. 167

- УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 11. – С. 158-160.
114. Шперк, В. Ф. Фортификационный словарь. – М.: ВИА, 1946. – 126 с.
115. Шульга, А. В. Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества. – М., 2007. – 376 с.
116. Юношев, С. В. Государственные компенсации жертвам преступлений: зарубежный опыт и российские перспективы // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2. С. 212-219.
117. Юшков, С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947. – 768 с.
118. Яни, П. С. Разграничение кражи и грабежа в судебной практике // Законность. – 2016. – № 3. – С. 26-30.